

«РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ О ПОКОРЕНИИ ПАРИЖА РАЗНЕСЛАСЬ С БЫСТРОТОЮ МОЛНИИ ПО РЯДАМ РУССКИХ»

К 210-летию взятия Парижа войсками антифранцузской коалиции

В истории Европы Нового времени весьма памятной осталась дата 31 марта (19 марта по ст. ст.) 1814 года: в этот день русские и союзные им войска после трудного сражения (в историографии иногда именуемого «битвой за Париж») вступили в капитулировавшую столицу наполеоновской Франции.

После победного завершения Россией Отечественной войны 1812 года русской армии предстоял освободительный поход в Западную Европу. Русские корпуса и дивизии составили важнейшую часть войск антифранцузской коалиции, в которую с 1813 года входили Россия, Пруссия, Швеция и Англия.

К началу 1814 года союзники выдвинулись к Рейну и вступили на территорию Франции. После побед при Лане (Лаоне) (9—10 марта) и при Арси-сюр-Об (20—21 марта) началось наступление союзных армий (около 100 тыс. человек, в т.ч. 63,5 тыс. человек русских войск) на Париж. Столицу Франции защищали до 30 тыс. человек регулярных войск и 12 тыс. национальных гвардейцев (ополченцев). Возглавлял оборону брат Наполеона I Жозеф Бонапарт. Сам Наполеон с 40-тысячным войском находился в Труа, в 150 км от Парижа, и на его пути стоял русский корпус генерала от кавалерии Ф.Ф. Винцингероде. Разбив 25 марта в сражении под Фер-Шампенуазом французские корпуса маршалов О. Мармона и Э. Мортье, русская кавалерия расчистила путь к французской столице. Союзные войска подошли к городу с северо-востока 29 марта. Войска в центре и на левом фланге союзников возглавлял главнокомандующий русскими войсками в Главной (Богемской) армии генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли. Штаб-квартира союзных монархов — русского императора Александра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III — находилась в замке Бонди (в 8 км от Парижа).

С раннего утра 30 марта развернулись бои на подступах к Парижу. Удары наносились по оборонительной линии столицы Франции. Линия проходила вдоль частично укрепленных высот: от Монмартра на левом фланге через селения Лавиллет (Ла-Виллет) и Пантен в центре и до возвышенности Роменвиль на правом фланге. Доблестно проявили себя русские корпуса Главной армии под общим командованием

генерала от кавалерии Н.Н. Раевского. В первой половине дня они овладели высотами Роменвилья, а 2-й пехотный корпус генерала от инфантерии кронпринца Евгения Вюртембергского взял Пантен. На правом фланге русский корпус генерала от инфантерии А.Ф. Ланжерона (из состава Силезской армии) атаковал господствующую над Парижем возвышенность Монмартр. Постепенно в бои включались союзники — прусские и австрийские дивизии. Французы, упорно обороняясь, отступали к заставам Парижа.

С полудня 30 марта маршал Мармон, которому растерявшийся Жозеф Бонапарт передал свои полномочия, стал присылать своих парламентариев к Александру I с просьбой о перемирии для оставления французскими частями города. Перемирие было получено со сроком до 17 ч, при этом фактически французы покидали свои позиции с боями. Завершающим «аккордом» стал штурм русскими Монмартра. Вечером 30 марта Мармон подписал капитуляцию. В ночь на 31 марта французские войска оставили Париж. В сражении под городом союзники потеряли 9000 человек, в т.ч. русские — до 6000, французы — до 4000.

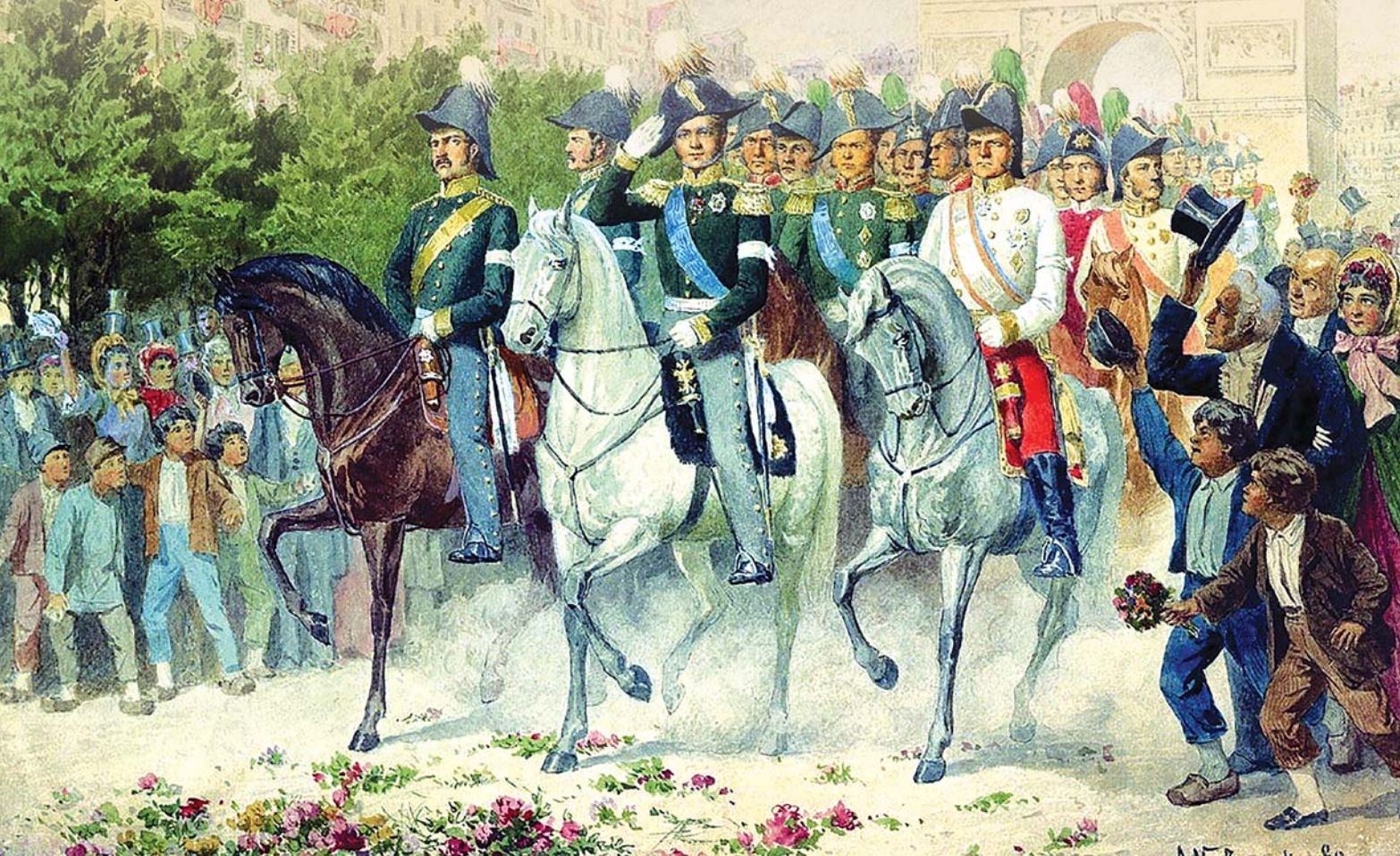
Участник Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. историк А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Радостная весть о покорении Парижа разнеслась с быстротою молнии по рядам русских. Воины-победители поздравляли друг друга, вспоминали о товарищах, не доживших до славного дня; забыты были годы трудов и лишений».

31 марта победители торжественно вступили в Париж. Как вспоминал флигель-адъютант Александра I М.Ф. Орлов, «все улицы, по которым союзники должны были проходить, и все примыкающие к ним улицы были набиты народом, который занял даже кровли домов. Казалось, Париж... громко обнаруживал своим восторгом, что принимает на себя сделать императору Александру встречу, достойную великого города».

6 апреля 1814 года Наполеон подписал отречение от престола, а затем был сослан на остров Эльба. Королём Франции стал Людовик XVIII, а 30 мая между союзниками и Францией был подписан Парижский мирный договор.

Публикация Н.Ф. Ковалевского

Вступление русских войск в Париж в 1814 году
Художник А.Д. Кившенко

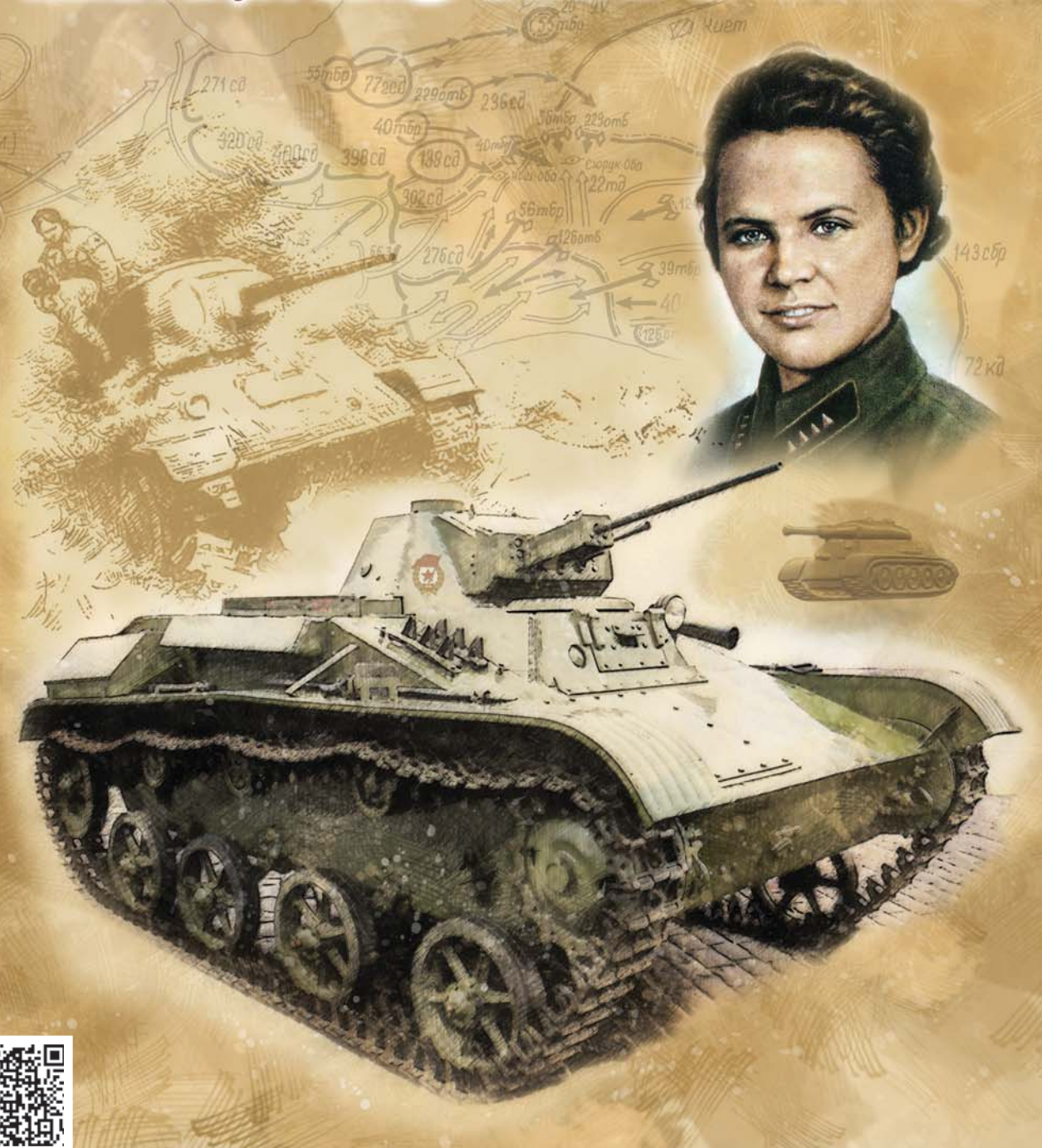
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3/2024

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2024 3 март

«ДЛЯ МЕНЯ ВОПРОС БЫЛ РЕШЁН: ЗАВТРА ИДУ В РАЙКОМ КРАСНОГО КРЕСТА»

К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза
Ирины Николаевны Левченко

В дни Великой Отечественной войны газета «Красная звезда» 8 марта 1944 года отмечала, что успех наступления Красной армии — «лучший подарок к Международному Женскому дню. В этих исторических победах советские женщины, пламенные патриотки Родины, справедливо видят и плоды своих самоотверженных усилий, своего героического труда на фронте и в тылу». В числе тех, кто был активным участником такого труда, была и И.Н. Левченко, медсестра, танкист, штабной офицер, Герой Советского Союза.

Ирина Николаевна Левченко родилась 15 марта 1924 года на донбасской земле — в посёлке Кадиевка (ныне г. Стаханов) в семье служащего. Училась в школе в Артёмовске, в кружках Осоавиахима («Будь готов к санитарной обороне СССР», «Ворошиловский стрелок») получила первые навыки медсестры и научилась стрельбе. После окончания школы переехала с семьёй в Москву. О 22 июня 1941 года она вспоминала: «В этот первый вечер первого дня войны долго сидели мы с мамой, тесно прижавшись друг к другу, вспоминая всё самое лучшее, что было у нас в жизни. О войне мы не говорили. Для меня вопрос был решён: завтра иду в райком Красного Креста». Девушку назначили в сандружину, но уже в июле 1941 года 17-летняя Ирина по добровольному призыву — красноармеец санитарно-перевязочного взвода, затем санитарструктор роты 744-го стрелкового полка 149-й стрелковой дивизии на Западном фронте.

Когда в Смоленском сражении дивизия попала в окружение, Ирина Левченко на машинах эвакуировала 168 раненых. Вышла из окружения в районе посёлка Ворошиловский. В ноябре 1941 года в результате контузии и воспаления лёгких попала в госпиталь. В боях на Керченском полуострове оказала медицинскую помощь 30 раненым и лично эвакуировала с поля боя 28 человек с оружием. Сама была тяжело ранена и отправлена в госпиталь, где едва избежала ампутации руки. После выздоровления медицинская комиссия постановила снять Левченко с воинского учёта, однако иначе решила и действовала Ирина: добившись встречи с командующим бронетанковыми и механи-

зированными войсками Красной армии Я.Н. Федоренко, она стала курсантом Сталинградского военного танкового училища, эвакуированного в г. Курган. Окончила ускоренный курс, получила первое офицерское звание лейтенанта, вступила в ВКП(б).

Командиром танкового взвода участвовала в боях за Смоленск, вновь была ранена. До лета 1944 года лечилась в госпитале, затем до завершения войны служила помощником начальника штаба гвардейской танковой бригады, офицером связи командования механизированного корпуса. Под Будапештом снова получила ранение. Боевой путь завершила за Одером, в Восточной Пруссии. С 1945 года — адъютант Главного управления формирования и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск.

В 1952 году окончила Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И.В. Сталина, в 1955 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1958 года гвардии подполковник танковых войск И.Н. Левченко — в запасе. Жила в Москве, активно занималась литературным трудом, работала в Советском комитете защиты мира. Стала членом Союза писателей СССР, автором большого количества книг, наиболее известная из которых — «Повесть о военных годах» — неоднократно переиздавалась. В 1961 году Ирина Николаевна в числе первых в СССР получила награду Международного комитета Красного Креста — медаль имени Флоренс Найтингейл (всего такой медалью в 1961—1989 гг. отмечены 46 советских женщин).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 года гвардии подполковнику запаса И.Н. Левченко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В числе её наград также три ордена Красной Звезды и др.

И.Н. Левченко скончалась в 1973 году, похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Почётный гражданин г. Артёмовска Луганской Народной Республики. Её имя присвоено улице в Москве и одному из кварталов города Луганска. В Москве на доме, в котором она жила, установлена мемориальная доска.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

- Статья должна содержать следующие элементы:
- 1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
 - 2) аннотацию на русском и английском языках (100–150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.
- В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- 3) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);
 - 4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
 - 5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
 - 6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
 - 7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
 - 1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - 2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
 Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- 3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru, www.akc.ru, www.pressa-ri.ru;

• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 19.01.2024
Подписано к печати 20.02.2024
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0585-2024
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
123007, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2024

Тел. маркетинг: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72, (495) 941-39-52,
<http://redstarprint.ru/>
E-mail: kr_zvezda@mail.ru

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

**Заместитель
главного редактора**
КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат

исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник в отставке;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник в отставке,

кандидат философских наук,

старший научный

сотрудник;

С.В. МАНЮКОВ,

полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,

подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИН;

А.А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный

секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель

ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник в отставке

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

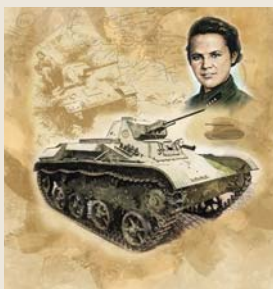
Компьютерная вёрстка

Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован портрет Героя Советского Союза Ирины Николаевны Левченко

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Март

№ 3 (767)

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. VARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРОИ И ПОДВИГИ

- 2-я стр. обл.** «Для меня вопрос был решён: завтра иду в райком Красного Креста». К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Ирины Николаевны Левченко

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

- 4** **А.А. ВЕРШИНИН** — «На полевой поездке красная сторона воевала в сущности не с германским противником... а с противником вообще». Французская армия 1930-х годов в оценках комбрига Г.С. Иссерсона

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 14** **Н.Ю. БРИНЮК, Э.Л. КОРШУНОВ** — «Обратить особое внимание на точность даваемых сведений...». Оперативные сводки Главного морского штаба ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны
- 22** **В.П. МАЛЫШЕВ, А.В. ЛЕБЕДЕВ** — «Укрепить тыл...». Действия сил местной противовоздушной обороны по защите городов в годы Великой Отечественной войны

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

- 28** **А.Н. ЩЕРБА** — «Скорое разрешение вопроса о применении самодвигателей в армии является для нас чрезвычайно важным». На материалах журнала «Известия Императорской Николаевской Военной Академии»
- 38** **Н.А. РОГОЖАН, А.Л. БУРМАКИН** — «Казалось, сам ад разверзся...». Боевые ракеты Конгрева в русской армии в ходе осады и взятия крепости Данциг в кампании 1813 года

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

- 46** **В.Б. ПРАСНИКОВ, М.А. ДОБРЯКОВА** — «Всей работы НТК за период войны не перечислить...». Деятельность Научно-технического комитета Народного комиссариата ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
- 58** **И.В. ЕВГРАФОВА** — «Кораблестроительный факультет и русский регистр — навеки запечатлевают память о нём». Кораблестроитель, учёный и педагог К.П. Боклевский

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

- 72** **Л.И. ВАВУЛИНСКАЯ** — «Обязать руководителей... предоставлять инвалидам Отечественной войны соответствующую работу». Социальное обеспечение и трудоустройство инвалидов Великой Отечественной войны в Карелии (1944—1957 гг.)

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 82** **Н.А. ВЕНКОВ** — «На суше и прежде дрались моряки...». Подвиги Морского Гвардейского экипажа в 1812—1814 гг. в произведениях живописи, графики и архитектуры
- 92** **О.В. КАРПОВИЧ** — «...Настоящее положение требует концентрирования значительных сил». Сражение за местечко Семяичи — первая победа русского оружия в ходе подавления Польского восстания 1863—1864 гг.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

- 100** **Я.Ю. КИДИНОВ** — «Многочисленные сводные группы... исчезали разгромленные и пленённые». К проблеме исчисления сил и потерь противника в операции «Багратион» 1944 года

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

- 110** **Е.А. НАЗАРЯН** — «К повышению чином аттестовался достойным». Полковник Е.И. Траскин — квартирмейстер Свиты Его Императорского Величества

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

- 116** **В.И. ИСАЕВ, С.Г. БАЛЬЧУГОВ, А.М. МАРКОВ** — Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 4-я стр. обл.** «Радостная весть о покорении Парижа разнеслась с быстротою молнии по рядам русских». К 210-летию взятия Парижа войсками антифранцузской коалиции (*Публикация Н.Ф. Ковалевского*)

CONTENTS

HEROES AND THEIR DEEDS

«For me, the question was solved: tomorrow I will go to the district committee of the Red Cross». On the 100th anniversary of the birth of Hero of the Soviet Union Irina Nikolayevna Levchenko **p. 2 of the cover**

MILITARY ART

A.A. VERSHININ — «On the field trip, the Red side essentially fought not with the German enemy... but with the enemy in general». The French Army of the 1930s as assessed by Brigade Commander G.S. Isserson **4**

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

N.Yu. BRINYUK, E.L. KORSHUNOV — «Special attention should be paid to the accuracy of the information given...». Operational reports of the Main Naval Staff of the USSR Navy during the Great Patriotic War **14**

V.P. MALYSHEV, A.V. LEBEDEV — «Strengthen the Rear...». Actions of local air defense forces to protect cities during the Great Patriotic War **22**

FROM THE HISTORY OF WEAPONS AND MILITARY EQUIPMENT

A.N. SHCHERBA — «The early solution of the question of the use of automobiles in the army is extremely important for us». On the materials of the magazine *Izvestiya Imperatorskoy Nikolaevskoy Voyennoy Akademiyi* [«The Imperial Nicholas Military Academy News»] **28**

N.A. ROGOZHAN, A.L. BURMAKIN — «It seemed as if hell itself was unfolding...». Combat rockets Congreve in the Russian army during the siege and capture of the fortress of Danzig in the campaign of 1813 **38**

HISTORY OF MILITARY SCIENCE

V.B. PRASNIKOV, M.A. DOBRYAKOVA — «It is impossible to list all the activities of the Scientific and Technical Committee during the war...». Activity of the Scientific and Technical Committee of the People's Commissariat of the Navy of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945 **46**

I.V. YEVGRAFOVA — «The shipbuilding faculty and the Russian Register forever imprint the memory of Him». Shipbuilder, scientist and teacher K.P. Boklevsky **58**

ARMY AND SOCIETY

L.I. VAVULINSKAYA — «To oblige the leaders to provide appropriate jobs for the disabled of the Great Patriotic War». Social security and employment of the disabled of the Great Patriotic War in Karelia (1944–1957) **72**

MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND

N.A. VENKOV — «Sailors have fought on land before...». Achievements of the crew of the Naval Guard in 1812–1814 in the works of painting, graphics and architecture **82**

O.V. KARPOVICH — «The present situation requires the concentration of considerable forces». Battle for the small town of Siemiatycze is the first victory of Russian arms in the suppression of the Polish insurrection of 1863–1864 **92**

POINTS OF VIEW. JUDGMENTS. VERSIONS

Ya.Yu. KINDINOV — «Numerous combined groups... disappeared defeated and captured». On the problem of calculating the enemy's forces and losses in the operation Bagration 1944 **100**

FORGOTTEN NAME

Ye.A. NAZARYAN — «For promotion to the rank certified worthy». Colonel Ye.I. Traskin, quartermaster of His Imperial Majesty's Suite **110**

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF

V.I. ISAYEV, S.G. BAL'CHUGOV, A.M. MARKOV — Historical and legal analysis of the emergence and development of military law **116**

MEMORABLE DATES

«The joyful news of the conquest of Paris spread like lightning through the ranks of the Russians». On the 210th anniversary of the capture of Paris by the troops of the anti-French coalition (*Publication by N.F. Kovalevsky*) **p. 4 of the cover**

«НА ПОЛЕВОЙ ПОЕЗДКЕ КРАСНАЯ СТОРОНА ВОЕВАЛА В СУЩНОСТИ НЕ С ГЕРМАНСКИМ ПРОТИВНИКОМ... А С ПРОТИВНИКОМ ВООБЩЕ»

Французская армия 1930-х годов в оценках комбрига Г.С. Иссерсона

Сведения об авторе. Вершинин Александр Александрович — доцент кафедры истории России XX—XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: averchinine@gmail.com).

Аннотация. Причины разгромного поражения Франции 1940 года продолжают оставаться в фокусе внимания историографии Второй мировой войны. Наряду с обширными западными источниками не меньшую значимость в анализе состояния французской армии накануне вторжения представляют оценки советских военных экспертов, приглашённых в страну в качестве наблюдателей в рамках программы военных обменов между Москвой и Парижем 1930-х годов. Среди этих оценок особого внимания заслуживает мнение комбрига Г.С. Иссерсона, принявшего участие в полевой поездке французской Высшей военной школы в северо-восточную приграничную полосу в районе Арденн в июне 1936 года. Его мысли, изложенные на страницах сохранившегося, но до сих пор не введённого в научный оборот отчёта, представляют собой развёрнутый анализ слабых и сильных сторон вооружённых сил Третьей республики. По мнению автора отчёта, несмотря на высокий уровень штабной культуры, французское командование следовало устаревшей схеме «методического сражения», пренебрегало оперативным манёвром, недооценивало роль танков на поле боя, было слабо знакомо с германскими военными инновациями, что в целом свидетельствовало о неготовности Парижа к новой войне.

Ключевые слова: Г.С. Иссерсон; теория глубокой операции; «методическое сражение»; оперативно-тактическое искусство; оперативный манёвр; французская Высшая военная школа; полевая поездка; «линия Мажино»; Вторая мировая война; поражение Франции 1940 г.; французская армия.

Разгром французской армии весной—летом 1940 года стал одной из важных страниц военной истории XX века. Между историками до сих пор идут дискуссии о том, что послужило его причиной. По одной из версий, поражение стало результатом глубокого общественно-политического и экономического кризиса, в который погрузилась Франция в начале 1930-х годов, повлиявшего на моральное состояние общества и вооружённых сил, что и проявилось на поле боя¹. Другие историки полагают, что первостепенную роль сыграли сугубо военные аспекты — системные недостатки французской армии и ошибки её командования². В последние годы сформировалась

ещё одна точка зрения, сторонники которой доказывают, что поражение 1940 года стало итогом уникального стечения обстоятельств³.

Французская армия в межвоенные годы пользовалась славой сильнейшей в мире, рассматривала свой опыт ведения боевых действий в 1914—1918 гг. как базовый и неохотно воспринимала критику, основанную на иных представлениях об особенностях современного оперативно-тактического искусства. Именно такая объективная критика звучала в отчётах командиров РККА, имевших возможность детально ознакомиться с организацией французских вооружённых сил в рамках военно-поли-

тического сотрудничества двух стран на протяжении 1930-х годов. Эти развёрнутые оценки, сохранившиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА) и в массе своей до сих пор не введённые в научный оборот, представляют собой важный источник по истории строительства европейских армий накануне Второй мировой войны.

Одним из наиболее внимательных и дальновидных наблюдателей был комбриг Г.С. Иссерсон⁴, известный не только в СССР, но и на Западе военный теоретик, автор фундаментальной работы «Эволюция оперативного искусства»⁵, в которой разрабатывалась теория глубокой операции как варианта преодоления позиционного тупика, аналогичного возникшему на фронтах Первой мировой войны⁶. Его подход основывался на детальном осмыслении хода и результатов операций 1914—1918 гг. и представлял собой реальную альтернативу модели «методического сражения» — принятой во французской армии канонической оперативно-тактической схемы, которая базировалась на презумпции высокой степени насыщенности боевых порядков средствами огневого поражения и предполагала перемещение соединений и частей согласно жёсткому расписанию при массивной поддержке артиллерии. Инициативе и манёвру при этом отводилась минимальная роль⁷.

В рамках программы военных обменов между Москвой и Парижем Г.С. Иссерсон был направлен для участия в полевой поездке французской Высшей военной школы в июне 1936 года в северо-восточную приграничную полосу в районе Арденн. Выбор кандидатуры советского представителя был не случаен: к тому времени отдельные фрагменты «Эволюции оперативного искусства» были

переведены на французский и изучались в высших военных учебных заведениях Франции⁸. Полевая поездка, в которой принял участие комбриг, представляла собой штабную игру, проведённую с целью отработки оперативных приёмов по отражению возможного наступления «синих» (Германия) через территорию Южной Бельгии вдоль левого берега Мааса в тыл «красным» (Франция), оборонявшим «линию Мажино». За основу легенды бралось приграничное сражение 1914 года, однако полоса действий немецких соединений смещалась южнее.

«Создалось впечатление, — писал Г.С. Иссерсон в отчёте заместителю наркома обороны М.Н. Тухачевскому, — что район Арденн был выбран не случайно для полевой поездки Высшей военной школы, так как после создания пояса Мажино этот район является естественным обеспечением левого фланга французского развёртывания... Во всяком случае полевой поездке этот район придавал большой интерес как оперативный, так и тактический, обусловив решения как на оборону, так и на наступление целым рядом трудностей. Среди них одна из основных заключалась в использовании танков, применение которых на поле боя встречало ряд препятствий»⁹. Вероятно, сам о том не догадываясь, комбриг затронул вопрос, который в то время активно обсуждался французскими военными: являются ли естественные условия Арденнских гор до-

статочным препятствием для развёртывания в данном районе крупномасштабных операций потенциального противника, в т.ч. с привлечением им бронетанковых сил? Исход этой дискуссии оказал прямое влияние на катастрофический для Франции итог сражений против вермахта в мае—июне 1940 года¹⁰.

По замыслу руководства полевой поездки «синие» наступали силами двух армий: 1-я армия двигалась в направлении Лаона, а располагавшаяся левее 2-я армия — на Ретель. Одновременно оказывалось давление на «линию Мажино». Задача «красных» заключалась в том, чтобы сдержать «синих» операциями развёрнутой в районе Реймса и Ретеля 4-й армии до тех пор, пока сконцентрированные у Амьена 5-я и 6-я армии не смогут нанести контрудар по правому флангу наступающей группировки. Непосредственно разыгрывались действия 4-й армии, при этом она «предназначалась не для какого-либо активного наступательного манёвра, а должна была изначально вести затяжную оборонительную операцию на указанном ей рубеже, куда ещё надлежало в ходе действий сосредоточить все силы»¹¹. Вся операция разбивалась на три этапа, в ходе которых «красные», подтягивая дополнительные корпуса, последовательно занимали оборону, останавливали продвижение противника и предпринимали общее наступление с целью его отес-

нения, причём последняя фаза никакого развития не получила, оставив «открытым вопрос, была ли оборона Синих вообще прорвана»¹². Замысел штабной игры, таким образом, воспроизводил классическую модель «методического сражения».

Предполагалось, что «синие» построят операцию по схожей схеме. Во 2-й армии выделялись два эшелона. В первом эшелоне находились три армейских корпуса, снабжённые артиллерийскими средствами усиления, и один без них. Второй эшелон помимо пехотных соединений включал в себя кавалерийскую и танковую дивизии. «Прямо поражает, — писал Г.С. Иссерсон, — что быстро подвижные соединения... были в этой обстановке поставлены во 2-ой эшелон, находясь относительно в значительном тылу. Только с установлением боевого соприкосновения в 1-ю линию была введена кав[алерийская] дивизия; что же касается танковой дивизии, то она вообще за всё течение полевой поездки в дело введена не была и на Синей стороне не проигрывалась. Армейская авиация на Синей стороне не указывалась и не проигрывалась»¹³. Комбриг обращал внимание на то обстоятельство, что и в составе армии «красных» при богатом оснащении её частей артиллерией не хватало танков: имелись шесть отдельных танковых батальонов, в то время как дивизии не располагали средствами усиления в виде бронетехники¹⁴. Таким образом, ни условные немцы, ни условные французы в ходе операций не задействовали самостоятельные подвижные соединения и почти исключительно полагались на силу артиллерийского огня.

Г.С. Иссерсон
1939 г.

«За всё время полевой поездки, — отмечал Г.С. Иссерсон, — ни в чём нельзя было усмотреть — ни в решениях, ни в вводных данных Руководства, ни в самом развитии действий — ни одного обстоятельства, обнаруживавшего стремление преодолеть фронтальные, позиционные условия борьбы и вывести действия в манёвренное поле»¹⁵. Французский руководитель полевой поездки в ранге полковника, отвечая на вопрос о причинах отказа от манёвренного сценария, заявил, что для подобных операций «на французском театре нет возможностей: от швейцарской границы до Мезиера (Шарлевиль-Мезьер, город на северо-востоке Франции. — Прим. авт.) всё застрое-но бетонным поясом укреплений и к северу остаётся уже мало пространства. На вопрос о судьбах встречного боя он также ответил отрицательно, считая, что для этого нет пространственного разгона между сторонами». Полковник допустил вариант развития событий, при кото-

ром «манёвренные действия» могут быть «внесены в тыл противника», но уклонился от его обсуждения по существу. По итогам этого обмена мнениями Г.С. Иссерсон обоснованно предположил, что руководитель штабной игры выражал «взгляды французского генерального штаба»¹⁶.

Ход полевой поездки продемонстрировал комбригу весь набор отличительных особенностей организации и боевой подготовки французской армии, которые он точно отметил и описал. Соединение плотно занимало оборону живой силой и средствами огневого поражения, однако «за главной позицией сопротивления отсутствовала какая-либо организованная укрепленная линия», причём в резерв выделялись лишь незначительные силы, находившиеся в ведении вышестоящего командования¹⁷. Вклинивание противника в оборону «красных» на глубину в 1,5 км, само по себе неопасное с оперативной точки зрения, заставило командование корпуса и армии бросить на его ликвидацию целую дивизию. В этой «готовности буквально сгрудить на маленьком участке прорыва противника большие резервы, дабы во что бы то ни стало восстановить утраченное пространство, сколь бы незначительным оно ни было... ярко сказывалось влияние характера позиционной войны, когда дрались из-за каждого километра, вводя для его отвоевания все наличные резервы»¹⁸. Французы, дорожившие малейшим участком своей территории, избегали тактики гибкой обороны, что обрекало их на пассивность в сражении и отдавало инициативу в руки противника.

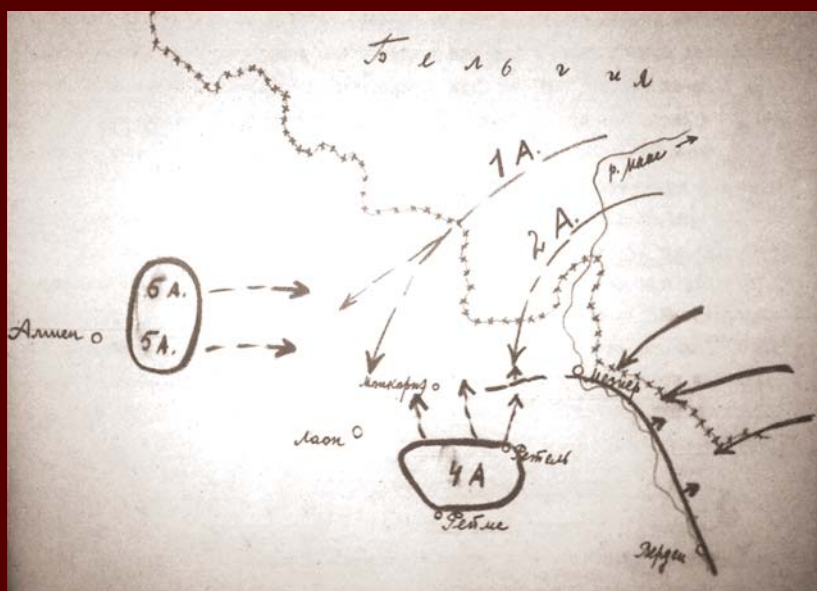
Наступление осуществлялось без достаточно глибо-

кой разведки с акцентом на последовательное продвижение пехоты под прикрытием огневого вала. Части дивизий выстраивались в линию «локоть к локтю», оставляя за собой второй эшелон, который, однако, не играл никакой самостоятельной оперативной роли, двигаясь «в затылок» наступавшим полкам подобно гоплитам в македонской фаланге. Такая конфигурация была чрезвычайно чувствительна к незапланированным изменениям боевой обстановки. Так, в ходе штабной игры наступавшие «красные», не достигнув намеченного командованием рубежа продвижения, внезапно для себя обнаружили, что имеют перед собой не передний край обороны противника, а его отступавшие арьергарды. «Это их серьёзно озадачило, — писал Г.С. Иссерсон. — Вместо того чтобы для преследования и уничтожения противника немедленно выдвинуть сильные передовые батальоны с танками и артиллерией, произошла длительная остановка... Командир корпуса был так озадачен обстановкой, что сначала решил вообще ничего не делать»¹⁹.

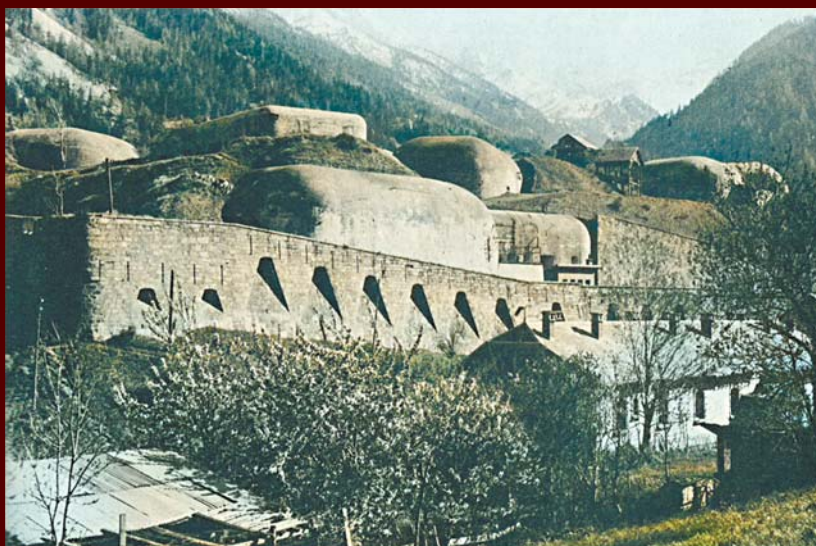
Показательно, что норматив подвоза снарядов корпусу, наступавшему с опорой на подавляющий огонь артиллерии, исчислялся цифрой в четыре полных боекомплекта в день. Тыловые транспортные артерии, кроме того, по умолчанию загромождались интенсивными санитарными перевозками. По свидетельству Г.С. Иссерсона, «французы считаются с очень большими потерями, исчисляя их, например, в один день оборонительного боя до одной трети боевого состава дивизии». В обоих случаях, очевидно, также сказывался тяжёлый опыт Первой мировой войны.

Командиры РККА на манёврах французской армии 1935 г.

Легенда полевой поездки французской Высшей военной школы
Рисунок Г.С. Иссерсона

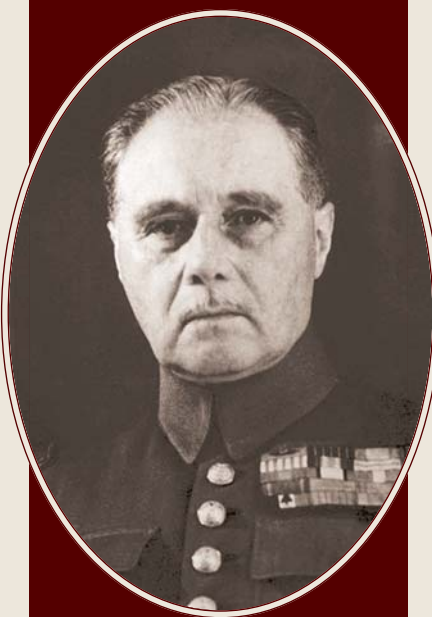

Оборонительная «линия Мажино»

Памятью о нём, французское командование «очень строго оценивало... и преувеличивало затруднения», связанные со снабжением, и полагало, что даже имевшихся в его распоряжении коммуникаций может оказаться недостаточно. Комбриг с удивлением описывал случай, когда после дождливой погоды французские тыловики посчитали «подвоз почти невозможным, хотя все основные дороги были асфальтированы»²⁰.

Всё это пагубным образом сказывалось на темпах продвижения, однако французские офицеры настаивали на том, что «современный подход к оборонительной полосе чрезвычайно сложен и труден, что он неизбежно вызывает медленное продвижение и требует методических действий». Наступавшему корпусу были намечены рубежи, занятие которых и составляло суть операции. Дистанция между ними была не более 2 км, и перейти от одного к другому соединению могло лишь после распоряжения вышестоящего командования. «Разумеется, — констатировал Г.С. Иссерсон, — что такое наступление совершенно сковывает инициативу подчинённых начальников, жёстко удерживает их от стремления вперёд и пресекает какое-либо самостоятельное развитие успеха в глубину»²¹.

Особое внимание комбриг обратил на технологию боевого применения танков во французской армии. При атаке их рассеивали по пехотным частям для наступления «в непосредственной и неразлучной связи с пехотой», выделяя определённое количество машин среднего класса для действий на переднем крае «с целью нейтрализовать в глубине расположенные огневые сред-

М. Гамелен
1939—1940 гг.

ства обороны»²². В результате на фронте дивизии интервал между танками составлял 100 м, что превращало их в удобные мишени для противотанковых орудий. Речи о массированном использовании бронетехники, таким образом, не шло, как и о её поддержке с воздуха: авиация выполняла в основном разведывательные функции. Французы, как правило, избегали вводить бронетехнику в бой на пересечённой местности, которая при наличии даже минимальных ландшафтных препятствий рассматривалась ими как непроходимая. Отмечая трудные условия Арденнских гор, Г.С. Иссерсон всё же склонялся к выводу о том, что они не делают данный район недоступным для маневрирования танковыми соединениями.

Руководитель полевой поездки был знаком с советским подходом к массированию танков в составе самостоятельных оперативно-тактических соединений. Однако «мотивом его определённого отрицания танковой группы ДД (дальнего действия. —

Прим. авт.) является невозможность, по его мнению, организовать взаимодействие танков и артиллерии на такой большой глубине и невозможность для танков решать свои задачи без поддержки артиллерии»²³. Схожие сомнения французские офицеры озвучивали и в беседах с командующим войсками Киевского военного округа И.Э. Якиром, посетившим Францию одновременно с Г.С. Иссерсоном. «Мы работаем над этим, — говорят они, — но условия местности, пересечённой железными дорогами, и насыщенность фронтов [в будущей войне] будет настолько велика, что самостоятельное использование танков кажется нам сомнительным»²⁴.

Исходя из этого императива, французы отказывались от выделения подвижного резерва, способного решать боевые задачи как в полосе фронта, так и в рамках всего театра военных действий, т.е. от действенного инструмента развития оперативного прорыва и средства нанесения контрудара по противнику в случае кризиса обороны. Г.С. Иссерсон обратил внимание на тот факт, что кавалерийские соединения вместо их выделения в резерв просто расплылись по армиям, где им отводилась второстепенная роль. Уже на этапе выстраивания обороны условной 4-й армии «красных» приданная ей кавалерийская дивизия была «отдельными отрядами» рассредоточена на фронте протяжённостью свыше 30 км для прикрытия выдвижения пехоты и стала практически неуправляемой. «С большим трудом она была впоследствии стянута к свободному левому флангу»²⁵, — отмечал комбриг.

При этом по умолчанию предполагалось, что «синие»

(немцы) будут действовать по аналогичной схеме. Вопрос о том, на что способна германская армия, вообще не стоял: «Современная немецкая военная литература руководителям школы совершенно не известна. В частности, [руководитель полевой поездки] полковник Мэнье ничего не знал о выходящем новом журнале германского генерального штаба, в первом номере которого была напечатана большая статья о французских оперативных взглядах. Знание германской армии вообще чрезвычайно слабо, и на полевой поездке красная сторона воевала в сущности не с германским противником, имеющим определённую доктрину и тактику, а с противником вообще... Вообще о немцах офицеры — руководители школы говорить не любят и говорить избегают. Создаётся впечатление, что они вообще о них ничего не желают знать. И в этом заключается своеобразная страусовая политика: из-за боязни перед врагом, его не видят. Совершается видимо старая историческая ошибка французов, которые и в 1870, и в 1914 гг. вышли на войну, не зная и не оценив своего противника»²⁶.

Французская армия, по наблюдению Г.С. Иссерсона, имела и свои сильные стороны. К их числу он относил высокий уровень подготовки штабов. В ходе полевой поездки Высшей военной школы, сложного мероприятия, организация которого потребовала усилий десятков людей, штабы соединений работали как часы, не подчиняясь никакому формально установленному распорядку и без постоянного внешнего контроля. «Чувствовалась... большая внутренняя, органическая налаженность работы, построенная на знании

Французский лёгкий пехотный танк сопровождения FCM 36 1930-х гг.

Манёвры французской армии 1938 г.

каждым офицером своих обязанностей по существу выполняемой работы. Несомненно, каждый офицер — слушатель школы хорошо владеет своим предметом, какую бы должность он не выполнял. Поэтому свою компетенцию работы в штабе он выполняет совершенно свободно и самостоятельно... работа протекает совершенно свободно, можно сказать, — произвольно, и тем не менее внутренне организовано»²⁷.

«Пишут чрезвычайно много, и оперативная документация стоит несомненно на высоком культурном уровне, — отмечал Г.С. Иссерсон. — Все оперативные документы пишутся с исключительной подробностью, ставя подчинённым начальникам не только задачи, но указывая им также способы

их выполнения»²⁸. Подобная практика являлась порождением всё той же модели «методического сражения», основывавшейся на уроках Первой мировой войны. Высокая степень централизации управления войсками была бы невозможна без серьёзного усложнения военного делопроизводства. Комбриг констатировал этот факт и делал важную оговорку: «Представляется просто невозможным, чтобы на войне можно было так много и столько писать, и чтобы подчинённые н[ачальни]ки и штабы, сами столько пишущие, имели время и терпение столько читать... В современных условиях для сколько-нибудь быстрого ведения военных действий такая документация прямо убийственна... Полное

ограничение инициативы подчинённых начальников детальными указаниями в приказе вытекает из всего характера французской тактики ведения боя»²⁹.

Вместе с тем развитая делопроизводственная инфраструктура воплощала собой высокий уровень специальной квалификации комсостава: «Документы, приказы пишутся очень грамотно, литературно, свободно, очень логично и ясно. Несмотря на их большой объём, они читаются легко и не оставляют никаких неясностей... приказы являются исключительно конкретными, совершенно ясно указывающими подчинённому начальнику, чего от него хочет старший и как он думает решить задачу боя»³⁰. У комбрига не было

Французские Арденны

сомнений в моральных качествах французского офицера. Он «высоко предан долгу и, видимо, полностью готов на самопожертвование». Однако «готов ли он на основах привитой ему доктрины добиться успеха в бою?»³¹. Здесь у тонкого наблюдателя возникали обоснованные сомнения.

«Одна общая черта характеризует офицерский состав, видимо, в целом, — отмечал Г.С. Иссерсон. — Это — яркая рационалистичность мышления. Французский офицер может говорить о своих оперативных соображениях с таким глубоким теоретическим анализом, будто он рассуждает об отвлечённых философских проблемах. Военное дело воспринимается им очень умо-

зрительно, и умовое в нём явно преобладает над волевым»³². Выпускники французских высших военных учебных заведений испытывали тягу к философствованию, изящной словесности и сложным дискуссиям. Офицеры хорошо составляли оперативные документы, однако за общими мудрствованиями часто утрачивали адекватное представление о предмете своих усилий.

«Глубокие аналитические рассуждения, приводящие в конце концов к самому обыденному решению, заставляют французского офицера много и долго говорить. Он говорит при этом очень литературно, высоким стилем, с прекрасной дикцией, с боль-

шой экспрессией и жестикულიацией, и видимо сам увлекается своим даром речи», — писал Г.С. Иссерсон. По его мнению, подобное отношение к военному ремеслу однажды могло сыграть с французским комсоставом злую шутку: «Из этого отнюдь нельзя сделать вывода, что французский офицер не обладает волей... Однако дело заключается в том, что французский офицер привык к слишком длительному рассуждению над обстановкой и должен будет неизбежно терять на это время. А когда обстановка этого не позволит, он очевидно со свойственной ему экспансивностью проявит свою волю опрометчиво»³³. То состояние опеченения, в котором оказа-

Французская кампания 1940 г.

лось французское командование 15—16 мая 1940 года, осознав стратегические последствия неожиданного прорыва германских танков через Арденны и Маас³⁴, вполне соответствовало прогнозу Г.С. Иссерсона.

Почти все замечания и предостережения комбрига оказались пророческими. Закljučая свой отчёт, он предположил: «Поскольку военное дело претерпело после мировой войны такие огромные изменения, нельзя не усомниться в готовности французских войсковых начальников и штабов, воспитанных на основах уставов Высшей военной школы, справиться с задачей ведения современного боя. Думается поэтому, что на основах такого оперативно-тактического руководства французской армии предстоят в ближайшей войне тяжёлые испытания»³⁵. Ровно через четыре года после миссии Г.С. Иссерсона почти в тех же местах, где проходила полевая поездка, в которой он принял участие, германский вермахт наголову разобьёт французские войска. Танковая группа Э. фон Клейста пройдёт через Арденнские горы, которые французское командование считало недоступными для действий бронетанковых сил, за несколько дней выйдет к Маасу и силами авангардов форсирует его вопреки всем правилам модели «методического сражения» — с ходу, не дожидаясь

прибытия артиллерии, при подавляющей поддержке с воздуха. После прорыва оборонительной линии по берегу реки у французского главнокомандующего М. Гамелена³⁶ не окажется доступных резервов для преодоления оперативно-го кризиса³⁷.

Возникнет та самая ситуация, когда «манёренные действия» окажутся «внесены в тыл противника», которую в июне 1936 года Г.С. Иссерсон обсуждал с руководителем полевой поездки. Только ареной для этих действий станут северо-восточные департаменты Франции. Командовавший корпусом в составе группы Э. Клейста Г. Гудериан, переправившись через Маас, сразу направил две танковые дивизии на запад для развития наступления вглубь французской территории. Передвигавшиеся со скоростью пехотинца французские армии со всей своей превосходящей артиллерией просто не поспевали за немцами. Лишь в одном месте у них был реальный шанс остановить наступление вермахта: подошедшая к основанию германского клина, вбитого во французскую оборону, 3-я бронетанковая дивизия резерва попыталась захватить стратегически важную деревню Стон и тем самым обрезать коммуникации ушедших на запад дивизий Гудериана. При этом французский командующий сделал ровно ту же ошибку,

что и офицер Высшей военной школы в июне 1936 года при планировании действий кавалерийской дивизии, приданной 4-й армии, — рассредоточил своё соединение, разбив его на отдельные батальоны³⁸. Вновь собрать воедино бронетанковую дивизию для достижения оперативного успеха не удалось, и битва при Стоне вылилась в многодневную серию кровопролитных столкновений тактического значения, завершившихся победой немцев.

Г.С. Иссерсон не скрывал своих мыслей в беседах с французами, но его аккуратная критика не встречала понимания: «Они (французы. — Прим. авт.) были бы рады нас принять с тем, чтобы мы восторгались высоким уровнем их военной культуры и у них учились. Наше присутствие им было неприятно потому, что мы, видимо, оказались слишком строгими ценителями... Они, видимо, поняли, что мы стоим на очень передовых позициях современного военного дела и придерживаемся более передовых и, возможно, более смелых взглядов»³⁹. Все пагубные последствия своего пренебрежения альтернативными оперативно-тактическими концепциями, более соответствовавшими современным реалиям боя, французы осознали лишь тогда, когда что-либо менять было уже поздно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War. London: Routledge, 1977; *Doise J., Vaisse M.* Diplomatie et outil militaire, 1871—1991. Paris: Editions Seuil, 1992; *Doughty R.* The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919—1939. Hamden, Conn.: Archon Books, 1985; *Duroselle J.-B.* La Décadence. Paris: Imprimerie Nationale, 1979; *Белоусо-*

ва З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М.: Наука, 1964; *Малафеев К.А.* Луи Барту — политик и дипломат. М.: Международные отношения, 1988; *Смирнов В.П.* «Странная война» и поражение Франции. М.: Изд-во Московского университета, 1963.

² *Alexander M.S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935—1940.

Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Catros S.* La guerre inéluctable. Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935—1939. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2020; *Frank R.* La hantise du déclin. La France 1920—1960: finances, défense et identité nationale. Paris: Belin, 1994; *Gunsburg J.* Divided and Conquered: The French High Command and the Defeat of the West, 1940. Westport:

Praeger, 1979; Réau E. du. Édouard Daladier, 1884—1970. Paris: Fayard, 1993; Young R. France and the Origins of the Second World War. London: Red Globe Press, 1996.

³ Frieser K.-H. The Blitzkrieg Legend: The 1940 Campaign in the West. Annapolis: Naval Institute Press, 2005; Maiolo J. Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931—1941. New York: Basic Books, 2012.

⁴ **Иссерсон Георгий Самойлович** (1898—1976) — советский военачальник и военный теоретик, комбриг. Выпускник 1-й Петергофской школы прапорщиков, участник Первой мировой войны. В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной армии. В качестве военного комиссара 159-го стрелкового полка и помощника командира 154-го стрелкового полка сражался на Северном и Западном фронтах Гражданской войны, участвовал в войне с Польшей. После окончания Военной академии РККА (1924) занимал должности начальника разведывательного отдела штаба Западного фронта, начальника оперативного отдела, позднее — начальника 1-го отдела 1-го управления штаба Ленинградского военного округа, начальника штаба 10-го стрелкового корпуса. С 1930 по 1933 г. — адъютант, преподаватель, начальник оперативного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1933—1936 гг. — командир 4-й стрелковой дивизии 5-го стрелкового корпуса Белорусского военного округа, в 1936 г. — заместитель начальника 1-го отдела Генерального штаба РККА. В 1936 г. вернулся на преподавательскую работу в качестве начальника кафедры армейских операций (оперативного искусства) Военной академии Генерального штаба. Один из разработчиков теории глубоких наступательных операций, автор фундаментальных научных трудов «Эволюция оперативного искусства» и «Новые формы борьбы». В период Советско-финляндской войны служил начальником штаба 7-й армии.

Репрессирован в 1941 г. В 1955 г. после реабилитации и освобождения уволен в отставку в звании полковника. После отставки активно сотрудничал с военными изданиями, в т.ч. работал вольнонаёмным сотрудником редакции журнала «Военная мысль».

⁵ Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. М.: Гос. воен. изд-во, 1932.

⁶ Harrison R.W. Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson. Jefferson: McFarland & Company, 2010; Кривопапов А.А. В тени теории глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926—1941 гг. М.: Яуза, 2022. С. 199—217.

⁷ Doughty R.A. French Operational Art: 1888—1940 // Ed. by M.D. Krause, R.C. Phillips. Historical Perspectives of the Operational Art. Washington: Military Bookshop, 2005. P. 88.

⁸ Harrison R.W. Op. cit. P. 169, 170.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33989. Оп. 2а. Д. 262. Л. 120.

¹⁰ Одним из главных сторонников тезиса о непроходимости Арденн для танков являлся маршал Ф. Петэн, в 1934 г. занимавший пост военного министра Франции. В частности, он заявлял: «Эта территория будет непроходима, если мы её соответствующим образом подготовим. Мы рассматриваем её как зону, подлежащую разрушению. Разумеется, те участки, где может пройти враг, будут защищены блокгаузами. Этот фронт не будет иметь глубины, враг там не продвинется, а если продвинется, мы встретим его у выхода из лесного массива. Таким образом, этот сектор не представляет собой опасности» (Guelton F. Comprendre la défaite: «Les forêts des Ardennes sont impénétrables...» // Sous la dir. de S. Martens, S. Prauser. La guerre de 1940: Se battre, subir, se souvenir. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2014. P. 77).

¹¹ РГВА. Ф. 33989. Оп. 2а. Д. 262. Л. 123, 123 об.

¹² Там же. Л. 122.

¹³ Там же. Л. 124.

¹⁴ Там же. Л. 123.

¹⁵ Там же. Л. 122.

¹⁶ Там же. Л. 122 об.

¹⁷ Там же. Л. 119, 119 об.

¹⁸ Там же. Л. 118 об.

¹⁹ Там же. Л. 116.

²⁰ Там же. Л. 110, 110 об.

²¹ Там же. Л. 113.

²² Там же. Л. 114.

²³ Там же. Л. 114 об.

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 435. Л. 97.

²⁵ РГВА. Ф. 33989. Оп. 2а. Д. 262. Л. 120.

²⁶ Там же. Л. 107.

²⁷ Там же. Л. 112.

²⁸ Там же. Л. 112 об.

²⁹ Там же. Л. 109—110 об.

³⁰ Там же. Л. 109.

³¹ Там же. Л. 105.

³² Там же. Л. 106.

³³ Там же.

³⁴ Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб.: Алетейя, 2022. С. 461.

³⁵ РГВА. Ф. 33989. Оп. 2а. Д. 262. Л. 104 об.

³⁶ **Морис Гюстав Гамелен** (1872—1958) — армейский генерал (1931). В 1931—1940 гг. — начальник генерального штаба французской армии, в 1935—1940 гг. — заместитель председателя Высшего военного совета, главный инспектор сухопутных сил, в 1939—1940 гг. — главнокомандующий французской армией. Автор французского плана ведения войны против Германии — «плана Д» — и дополнения к нему — «варианта Бреда». См. подробнее: Schiavon M. Gamelin: La tragédie de l'ambition. Paris: Perrin, 2021.

³⁷ Frieser K.-H. Op. cit.

³⁸ Ibid. P. 201—204.

³⁹ РГВА. Ф. 33989. Оп. 2а. Д. 262. Л. 105.

A.A. Vershinin

«ON THE FIELD TRIP, THE RED SIDE ESSENTIALLY FOUGHT NOT WITH THE GERMAN ENEMY... BUT WITH THE ENEMY IN GENERAL»

The French Army of the 1930s as assessed by Brigade Commander G.S. Isserson

Information about author. Alexander Vershinin — assistant professor of the department of History of Russia in the 20—21 centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: averchinine@gmail.com).

Summary. The reasons for France's devastating defeat in 1940 remain the subject of intense scrutiny in World War II historiography. Alongside abundant Western sources, the evaluations of Soviet military experts who were invited to France as observers under the military exchange program between Moscow and Paris in the 1930s are equally crucial when assessing the condition of the French army on the eve of the invasion. Among these assessments, the opinion of brigade commander G.S. Isserson, who participated in a French military academy excursion to the northeastern border zone in the Ardennes in June 1936, deserves special attention. His thoughts, set down on the pages of a report that has survived but not yet been published, are a detailed analysis of the strengths and weaknesses of the Third Republic's armed forces. According to the report's author, despite a high level of staff culture, the French command adhered to an outdated scheme of methodical battle, neglected operational maneuver, underestimated the role of tanks on the battlefield, and was poorly acquainted with German military innovations. Overall, these shortcomings suggest that Paris was unprepared for the new war.

Keywords: G.S. Isserson; theory of depth operations; methodical battle; operational and tactical art; operational maneuver; French Military Academy; field trip; Maginot Line; World War II; French defeat in 1940; French Army.

«ОБРАТИТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НА ТОЧНОСТЬ ДАВАЕМЫХ СВЕДЕНИЙ...»

Оперативные сводки Главного морского штаба ВМФ СССР
в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторах. Бринюк Надежда Юрьевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: brinyuk2013@yandex.ru);

Коршунов Эдуард Львович — начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник (Санкт-Петербург. E-mail: himhistory@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты анализа требований к оперативным сводкам Главного морского штаба ВМФ СССР, разработанных накануне Великой Отечественной войны, порядка и основных правил их составления, влияния военных условий на содержание оперсводок, отражение в них хода вооружённой борьбы на морских театрах военных действий в 1941—1942 гг. Анализ привёл к выводу: оперативные сводки Главного морского штаба ВМФ СССР содержат беспристрастную хронику военных действий на морях, озёрах и реках. Это незаменимое в годы войны средство представления командованию информации о ходе боевых действий, состоянии флотов и флотилий, которое способствовало решению Наркоматом и Главным морским штабом ВМФ задач управления флотскими силами, в наши дни служит важным источником информации для исследования участия отечественного Военно-морского флота в Великой Отечественной войне, его бесценного боевого опыта и отстаивания правды истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Военно-морской флот СССР; Главный морской штаб; штабы флотов и флотилий; оперативная сводка; оперативный дежурный; морские театры военных действий.

Изучение оперативных сводок¹ Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ периода Великой Отечественной войны долгое время затрудняла их секретность. Но всё же часть информации из этих архивных документов использовали военные учёные при подготовке различных изданий. Первыми из них стали изданные в 1945—1951 гг., обобщённо именуемые «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на морских, озёрных и речных театрах», более 30 выпусков, в названиях которых указаны различные морские театры военных действий (МТВД) или объединения ВМФ СССР², а также вышедшая в

1949 году «Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией»³. Эти издания осветили события военных лет на всех флотах и флотилиях ВМФ СССР, были рассчитаны на офицеров штабов, кораблей и флотских частей, а также слушателей и курсантов военно-морских учебных заведений.

Историю участия Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной и Советско-японской войнах на основе документов, в т.ч. оперативных сводок, в советское время исследовали офицеры главного командования ВМФ, штабов флотов и флотилий, Военно-морской академии⁴, военно-морских училищ, вете-

раны флота. Результаты этой работы вошли в научные труды, учебники военно-морского искусства⁵, сборники об опыте ВМФ СССР в годы войны, издания военных академий и публикации журналов⁶. Среди них выделяются труды видных советских учёных о борьбе на океанских и мор-

ских коммуникациях⁷. После рассекретивания оперсводок ГМШ ВМФ военного времени историография нашего флота обогатилась новыми публикациями и диссертационными работами, подготовленными на основе этих документов, ранее не доступных исследователям⁸.

Объёмы информации, которые каждые сутки отражали оперсводки ГМШ, были связаны с составом и характером действий ВМФ СССР. В него к началу Великой Отечественной войны входили около тысячи боевых кораблей, в т.ч. 3 линкора, 8 крейсеров, 54 эскадренных миноносца и лидера, 212 подводных лодок, свыше 2500 самолётов морской авиации и 260 батарей береговой обороны⁹. В ходе войны группировки советского ВМФ вели активную борьбу против морских сил противника, нарушали его морские коммуникации, содействовали примор-

ским группировкам Красной армии в оборонительных и наступательных операциях. Северный флот обеспечивал внутренние коммуникации и совместно с силами союзников (Великобритании и США) внешние. Свыше 400 тыс. моряков сражались на сухопутных фронтах. Силы ВМФ СССР сыграли важную роль в обороне Таллина, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска, Мурманска, участвовали в битве за Кавказ. На реках и озёрах действовали речные и озёрные военные флотилии. За годы войны были высажены около сотни морских десантов¹⁰.

Порядок составления и передачи оперативных сводок определил начальник Главного морского штаба адмирал Л.М. Галлер директивой от 23 сентября 1940 года № 17245. Штабы флотов и флотилий были обязаны направлять оперсводки в ГМШ ВМФ ежедневно в 19.00 по московскому времени¹¹. На базе их информации в Оперативном управлении Главного морского штаба по единой схеме составляли оперсводку ГМШ ВМФ (до войны — в одном экземпляре) за каждый день на 20 ч по московскому времени. В основном фиксировали степень оперативной

Первый день войны
Художник В.А. Печатин

готовности¹² флотов и флотилий, несение кораблями дозорной службы и дежурства, ход учений, пребывание в портах и перемещения своих и иностранных кораблей, состояние аэродромов и действия морской авиации, гидрометеорологические и ледовые условия. К 8 ч следующего дня составляли дополнения к вечерней оперсводке со сведениями, не полученными и не учтёнными вечером.

Оперсводка флота (флотилии) состояла из восьми разделов. Первый освещал оперативную готовность объединения, включая те части, которым она была посвящена. Второй — оперативную деятельность, в т.ч. специальные операции, дозоры, разведку, боевое траление, передислокацию кораблей и частей на новые базы и аэродромы, большие маршрутные перелёты самолётов, экспедиции, чрезвычайные происшествия (аварии, катастрофы, пожары и т.п.), состояние аэродромов. Третий — все виды боевой подготовки, испытаний и по этой линии — передвижения сил флота (флотилии). Четвёртый — все испытания и передвижения новых кораблей, не вошедших в состав флота, изменения состояния ремонтировавшихся кораблей, по вступавшим в ремонт — его сроки и место. Пятый — передвижение советских судов на заграничных линиях и их пребывание в иностранных портах. Шестой — число и государственную принадлежность иностранных судов в портах СССР. Седьмой — изменения обстановки, ледовые условия, снятие и постановку ограждений, закрытие и открытие маяков, прекращение и открытие навигации. Восьмой — погоду.

Разделы (пункты) оперсводок 1—4 передавали в ГМШ только по скрытой связи (шифром по телеграфу), 5—8 — телеграфным кодом «Бодо»¹³. При отсут-

Н.Г. Кузнецов
Художник П.Т. Мальцев, 1942 г.

ствии изменений информации какого-либо раздела по сравнению с предыдущей оперативной или разведывательной сводкой в следующей в этом разделе передавали шифром лишь условное слово: «Ясно».

Каждый оперативный дежурный в начале дежурства должен был принять информацию об обстановке на море и в воздухе, оперативной готовности флотского объединения, планах боевой подготовки и её обеспечения, дислокации всех соединений, кораблей и частей объединения, готовности дежурных кораблей и частей, приказаний командования и месте его нахождения, метеобстановке, схеме связи и боевом ядре объединения¹⁴.

Совершенствованию содержания оперативных и разведывательных сводок в последний предвоенный год были посвящены ряд директив и указаний. Например, в циркуляре № 097 от 28 ноября 1940 года замнаркома ВМФ, начальник ГМШ адмирал И.С. Исаков обратил внимание подчинённых на «излишне длинные, нечёткие, формально составленные

сводки с путаными сведениями». По оценке Исакова, «не установлено, кто, когда, кому и какие должен давать донесения и информации». Адмирал указал: «Надо понять самим и воспитать подчинённых в том, что опер[ативные] и развед[ывательные] сводки должны облегчать оценку обстановки и принятие решения. Одновременно сводки помогают наводить справки о прошедших событиях и тем самым обеспечивают непрерывность изучения общей обстановки. Формальное составление сводок и излишняя рассылка их адресатам вредны»¹⁵. Начальник ГМШ циркуляром определил порядок подачи оперативных и разведывательных сводок, предостерег от чрезмерной загрузки средств радиосвязи излишней информацией и потребовал «при составлении сводок обратить особое внимание на точность даваемых сведений, чёткость изложения и своевременность передачи»¹⁶.

29 мая 1941 года циркуляром № 094 Исаков констатировал, что «обработка и представление в ГМШ оперативных и разведывательных сводок производится штабами флотов и флотилий неправильно. Оперативные и разведывательные органы работают без необходимого взаимодействия, а начальники штабов организацией их взаимодействия не занимаются»¹⁷. Указал недостатки в составлении сводок: дублирование разведанных в оперативных и разведывательных сводках, представление в оперсводках разведанных, отсутствовавших в разведывательных сводках.

Начальник ГМШ писал: «Обработка данных обстановки и представление донесений — одна из основных функций, на которой ещё в мирное время должно отрабатываться взаи-

модействие органов управления. Руководство отработкой этого взаимодействия — прямая и непосредственная обязанность начальника штаба флота или флотилии»¹⁸. Очевидно, в словосочетании «ещё в мирное время» отразилось обоснованное ожидание начала войны.

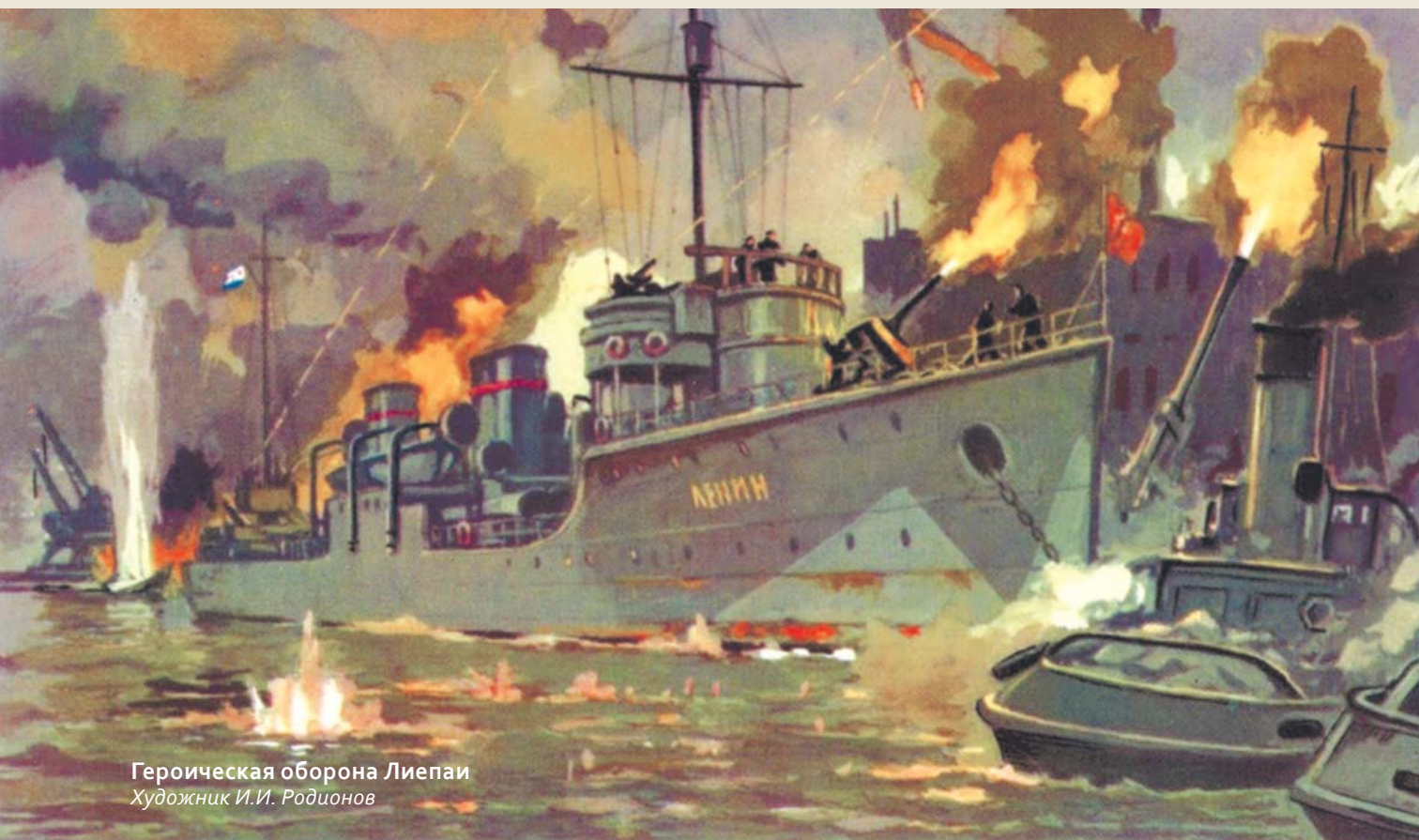
Адмирал предписал не помещать разведанные в оперативные сводки, сведения о противнике включать в них только в связи с данными о боевых действиях. Данные войсковой разведки, полученные оперативными дежурными флотов и флотилий, немедленно передавать в разведотделы (отделения), которые должны выполнять роль центров сбора и обработки разведанных, составления разведсводок, в т.ч. с использованием данных войсковой разведки, поступающих через оперативных дежурных. Начальникам штабов флотов

и флотилий подписывать как оперативные, так и разведывательные сводки, оба вида сводок адресовать начальнику ГМШ ВМФ, спецдонесения разведотделов и отделений обрабатывать и отправлять установленным порядком¹⁹.

В оперсводках начала третьей декады июня 1941 года отмечено, что из советских портов ушли все германские и румынские суда. 21 июня в сводке № 172 ГМШ ВМФ сказано, что в Данциге 17 июня задержан советский транспорт «Магнитогорск»²⁰, но его моряки смогли радировать об этом в Ленинградское пароходство лишь ночью 20 июня. Благодаря этой радиограмме некоторые крупнотоннажные суда («Луначарский», «Вторая пятилетка»), готовившиеся отправиться в Германию, остались в советских портах²¹.

События первых часов войны отражены в составленном утром 22 июня дополнении

к оперативной сводке ГМШ № 172²². В нём указано, что в оперативную готовность № 1 были переведены: 21 июня КБФ в 23.37, Черноморский флот в 23.50, 22 июня Дунайская военная флотилия с 2.00, Северный флот с 4.25. Перечислены первые бомбардировки вражеской авиации. На Балтике — Лиепая, стоянок кораблей, самолётов на аэродроме. На Чёрном море — Севастополя. На Дунае артиллерийскому и пулемётному обстрелу подвергся Измаил. Артиллерия советских флотов и флотилий вела огонь по самолётам, военным объектам и кораблям противника. В дополнение к оперсводке № 172 от руки вписаны две строки о том, что в 10.30 в Морском канале Ленинграда подорвался на mine и затонул пароход «Рухну», из района шведского острова Готланд советский гражданский пароход «Гайсма», торпедированный немцами, подал сигнал SOS.

Героическая оборона Лиепая
Художник И.И. Родионов

ДОПОЛНЕНИЕ К ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКЕ

ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

на 08.00 22.06.41г.

г. Москва.

№ 172

Краснознаменный Балтийский Флот

1. 23.37 21.06.41 флот переведен на оперативную готовность №1.
 2. 04.00 противник бомбил Либаву.
 04.00 ТР на Красногорском рейде атакован торпедами с самолетами *и пулеметным огнем. 1 е. ранен.*
 18.45 в южной части Балтийского моря (Ш=55°57' Д=19°06').
 Пять германских ТКА обстреляли наши самолеты пулеметным огнем, попаданий нет.
 05.50 ВС КВФ отдано приказание произвести оборонительные минные постановки.
 ВС КВФ приказано выслать ПЛ ПЛ соответственно оперразработ- ки,
 Действовать неограниченно по ТР ТР и боевым кораблям Германии.
 21.06 траления не производилось.
 За неделю протралена востовая кромка МП №3 шириной 8 каб.
 19.06 вблизи лагеря отдельного пульбата-Таллин произведено две коротких очереди из автомат-пистолета.
 Патруль обнаружил неизвестного, который отстреливаясь пытался скрыться. Ответными выстрелами неизвестный убит.
- 3,4,5,6,7,8

10³⁰ в морском каюте каботажн ч/х "Рухну".
 4¹⁴ в районе Лобанца ч/х "Абсма" от SOS.

Первая страница дополнения к оперативной сводке Главного морского штаба ВМФ на 08.00 22 июня 1941 г.

Оборона Севастополя
 Художник А.А. Дейнека, 1942 г.

С 22 июня 1941 года приказом начальника ГМШ количество адресатов оперсводок увеличилось до четырёх: нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник Генштаба Красной армии (ГШ КА) генерал армии Г.К. Жуков, замнаркома ВМФ, начальник Главного морского штаба адмирал И.С. Исаков, оперативный дежурный ГМШ²³. На следующий день количество печатных экземпляров сводок было увеличено до пяти (впоследствии вновь уменьшено до четырёх). В число адресатов был включён замнаркома, начальник Главного управления политической пропаганды ВМФ (с 20 июля 1941 г. — Главное политуправление ВМФ²⁴) армейский комиссар 2 ранга И.В. Рогов. В тот же день, 23 июня, заместитель начальника Оперативного управления ГМШ ВМФ капитан 1 ранга И.Ф. Голубев указанием о составлении оперсводок ГМШ ВМФ потребовал непрерывно систематизировать сведения, все донесения с флотов и флотилий о боевых действиях и изменениях обстановки на ТВД немедленно обрабатывать и обобщать. Оперсводку ГМШ должны были ежедневно докладывать начальнику Оперативного управления по состоянию на 8 и 19 ч.

Циркуляром начальника Главного морского штаба ВМФ от 29 мая 1941 года № 094 «О порядке обработки и представления в ГМШ оперативных и разведывательных сводок» был установлен следующий порядок изложения информации в сводках: действия противника на море, в воздухе, против наших берегов и наших сил (надводные корабли, подлодки, ВВС и ПВО), изменения дислокации наших кораблей и частей, оборудования ТВД, организация новых баз, открытие аэродромов, ввод в строй новых береговых и зенитных батарей, от-

крытие и закрытие фарватеров, установка бонов²⁵, сетей и т.п., прочие данные, не вошедшие в первые четыре пункта, но важные для флота, флотилии²⁶.

В оперсводки в первую очередь должны были вносить сведения о главных событиях на ТВД и не включать в них данные о том, что не влияло на ход боевых действий.

Первые полгода войны составляли по две оперсводки в день, на 8 и 19 ч. 10 дней в октябре 1941-го их не составляли. Перерыв был вызван эвакуацией в Куйбышев части Наркомата ВМФ в числе других органов власти и военного управления. Некоторое время оперсводки составляли в Куйбышеве и Москве, затем — только в столице. Весной 1942 года — по одной оперсводке ГМШ в сутки по обстановке на 8 ч утра. С июня 1942-го вновь стали ежедневно (за редким исключением) составлять дополнения к оперсводкам.

В 1942 году число экземпляров оперсводок выросло с 8 в начале года до 15 к осени. 1 января 1942 года в число их адресатов входили председатель Государственного комитета обороны (ГКО), Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами СССР, нарком обороны И.В. Сталин; зампреда ГКО, первый зампреда Совнаркома (СНК), нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов; начальник управления кадров ЦК ВКП(б), член и секретарь ЦК Г.М. Маленков; член ГКО, зампреда СНК Л.П. Берия; замнаркома обороны СССР, начальник Главного политуправления РККА генерал-лейтенант А.С. Щербаков; заместитель начальника Генштаба — начальник Оперативного управления ГШ КА генерал-лейтенант А.М. Василевский; командующий ВВС ВМФ генерал-лейтенант С.Ф. Жаворонков.

8-й экземпляр оставался в Оперативном управлении Главного морского штаба ВМФ (ОУ ГМШ ВМФ) с пометой на первой странице каждой сводки: «Наркому доложено»²⁷.

В расчёте рассылки оперсводки за 20 сентября 1942 года наряду с упомянутыми ранее И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, Г.М. Маленковым, Л.П. Берией, А.С. Щербаковым, С.Ф. Жаворонковым и экземпляром ОУ ГМШ ВМФ указаны член ГКО, первый зампреда СНК, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский; член ГКО, зампреда СНК, нарком внешней торговли СССР А.И. Микоян; нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов; замнаркома ВМФ — начальник Главного политуправления ВМФ армейский комиссар 2 ранга И.В. Рогов; замнаркома ВМФ адмирал Л.М. Галлер; замнаркома СССР, начальник инженерных войск Красной армии генерал-майор инженерных войск М.П. Воробьёв; начальник Оперативного управления Генштаба КА, замначальника ГМШ, начальник 1-го (разведывательного) управления Наркомата ВМФ капитан 1 ранга М.А. Воронцов²⁸. Состав и количество получателей сводок со временем менялись. В 1944 году их было 16. В оперсводки постоянно включали информацию об участвовавших в военных действиях Краснознамённом Балтийском, Северном, Черноморском флотах, Беломорской и Ладужской военных флотилиях. Пинская и Чудская военные флотилии упоминались до их расформирования в первые месяцы войны. Не в каждой сводке описывали обстановку на Азовской и Каспийской военных флотилиях, ещё реже — на Тихоокеанском флоте и Амурской Краснознамённой военной флотилии.

Оперсводки 1941–1942 гг. отражали сложнейшую обстановку на морских ТВД. До се-

редины осени 1941 года один из разделов оперсводок был посвящён Одесскому оборонительному району, затем до июля 1942-го — Севастопольскому. Подробно описаны боевые действия в районах Керчи, Ленинграда, Мурманской области, Новороссийском и Северном (на Кольском полуострове) оборонительных районах. С того же года одним из обязательных разделов оперсводок стал посвящённый действиям ВВС ВМФ.

Тексты оперсводок были лаконичными, информационно насыщенными. В них отражены рост боевого мастерства воинов советского Военно-морского флота и трагические эпизоды, потери личного состава, наших кораблей, самолётов морской авиации. Например, несколькими строками отражена трагедия теплохода «Армения», на котором погибли несколько тысяч раненых, медиков и гражданских: «11.25 7.11.41 транспорт “Армения”, шедший в охранении двух сторожевых катеров, был атакован самолётом торпедоносцем противника. В результате попадания одной из двух выпущенных торпед в 11 час. 29 мин. транспорт затонул в 12 милях на юго-восток от Ялты. Спасено 8 человек. Число жертв уточняется»²⁹.

Столь же лаконично описаны бои в Севастополе, в который, как указано в сводке № 182 на 8 ч 1 июля 1942 года, накануне ворвались части противника: «Наши части понесли большие потери. Связь с частями нарушена»³⁰. В ночь на 1 июля военный совет Черноморского флота и 600 представителей начальствующего состава эвакуировались на Кавказ. В Севастополь прибыли суда для эвакуации личного состава оборонительного района, но вывезти удалось лишь около 800 из 3000 человек³¹. «В Севастополе остались не вывезен-

ными госпиталя: [в] штольнях Инкермана, Учебного отряда, Южной бухты, Карантинной бухты, Юхариной балки, всего около 15 000 раненых со всем мед[ицинским] персоналом», — отмечено в сводке № 183 на 8 ч 2 июля 1942 года³².

Оперсводки ГМШ на основе сведений штабов флотов и флотилий составляли оперативные дежурные Главного морского штаба ВМФ капитаны 2 ранга Ю. Бородич (в архивных документах не указаны инициалы других упомянутых офицеров), Касатонов, Крылов, Туз, Попов, Чихачёв, капитаны 3 ранга Силаев, Филатов и др. Оперсводки подписывали замначальника ГМШ ВМФ — начальник Оперативного управления ГМШ, с июля 1942 года в связи с тяжёлым ранением начальника ГМШ адмирала И.С. Исакова — исполнявший его должность контр-адмирал В.А. Алафузов или замначальника Оперативного управления капитан 1 ранга И.Ф. Голубев-Монаткин, в 1944 году — начальник Оперативного управления ГМШ ВМФ контр-адмирал В.Л. Богденко или его заместитель — капитан 1 ранга Ф.В. Зозуля, с 25 июля 1941 года до упразднения ин-

ститута военных комиссаров в армии и на флоте в октябре 1942-го все оперсводки (кроме дополнений к ним) подписывал военный комиссар ГМШ ВМФ бригадный комиссар (с 5 февраля 1942 г. — дивизионный комиссар) В.А. Никитин.

В штабах флотов, флотилий, военно-морских баз, соединений сводки, составленные оперативными дежурными, подписывали начальники штабов и 1-х отделов (отделений) штабов.

Длительный период, вплоть до 1944 года, негативное влияние на достоверность и полноту разведывательных и оперативных сводок, обработку и систематизацию материалов и сведений в Разведывательном управлении Главного морского штаба ВМФ оказывали недостаточное качество (ошибочные выводы) и нарушения сроков представления разведывательных донесений и отчётных документов по радио-разведке с воюющих флотов (флотилий)³³.

Оперативные сводки Главного морского штаба Военно-морского флота военного времени готовит к публикации научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона РФ)

Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ при участии специалистов Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» и филиала Центрального архива Минобороны РФ (архива ВМФ), находящегося в Гатчине Ленинградской области. Издание этих бесценных свидетельств боевого опыта, доблести и славы нашего Военно-морского флота, предполагаемое в 2025—2026 гг., сделает их общедоступными и послужит продолжению исследований участия ВМФ СССР в Великой Отечественной войне, отстаиванию правды истории о том героическом времени и развитию патриотического воспитания населения, воинов армии и флота России.

Иллюстрации из Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, филиала Центрального архива Минобороны РФ (архива ВМФ), Государственного Русского музея и с сайтов: navalmuseum.ru; pochta-polevaya.ru; www.navy.su.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оперативная сводка — боевой отчётно-информационный документ штаба, содержащий данные о действиях, положении и состоянии своих сил (войск) и сведения о противнике обычно за прошедшие сутки. См.: Оперативная сводка // Военно-морской словарь (В-МС). М.: Воениздат, 1990. С. 288.

² Например: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Вып. 1. М.; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР (ВМИ), 1945. 193 с.; Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 1. М.; Л.: ВМИ, 1945. 210 с. См.: Хроника ВОВ СССР на море // Электронная библиотека «Царское Село». URL: <https://bookolds.ru/20200428vmf.html>.

³ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией

/ Сост. С.И. Челпанов. М.: Воениздат, 1949. 181 с.

⁴ Денисов Б.А. Использование мин ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в 5 ч. Ч. 5. Л.: Военно-морская академия (ВМА), 1955—1956. 143 с.; Потери боевых кораблей и судов Военно-Морского Флота, транспортных, рыболовных и других судов СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1959. 848 с.; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: военно-исторический очерк в 3 т. М.: Изд. ГШ ВМФ, 1959—1962. Т. 1. 386 с.; Т. 2. 592 с.; Т. 3. 667 с.; Замчалов А.Н. История советского военно-морского искусства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л.: ВМА, 1987. 471 с.; Боевая деятельность подводных лодок ВМФ СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. в

3 т. М.: Воениздат, 1969—1970. Т. 1. 352 с.; Т. 2. 456 с.; Т. 3. 440 с.; Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1942. М.: Воениздат, 1983. 496 с.; Павлович Н.Н. Развитие тактики Военно-Морского Флота. Ч. 4. (Вторая мировая война). М.: Воениздат, 1990. 672 с. и др.

⁵ История военно-морского искусства в 3 т. М.: Воениздат, 1953—1954. Т. 1. 276 с.; Т. 2. 264 с.; Т. 3. 334 с.; История военно-морского искусства. Т. 5. Кн. 1, 2 (Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне). М.: ГШ ВМФ, ист. отделение, 1954. Кн. 1. 660 с. Кн. 2. 450 с.; История военно-морского искусства / Отв. ред. С.Е. Захаров. М.: Воениздат, 1969. 575 с. и др.

⁶ Басов А.В. Военно-морской флот в защите морских коммуникаций // Морской сборник. 1976. № 1. С. 31—36; Вьюненко Н. Некоторые вопросы совместных действий ВМФ и Сухопутных войск в

первый период Великой Отечественной войны // Морской сборник. 1977. № 9. С. 14—19; Ачкасов А. Из опыта обороны военно-морских баз (1941—1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 1979. № 2. С. 24—30 и др.

⁷ Ачкасов В.И., Павлович Н.В. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973. 404 с.; Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: опыт оперативно-стратегического применения. М.: Наука, 1980. 304 с.; Ольштынский Л.И. Взаимодействие армии и флота (по опыту основных совместных наступательных операций Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1983. 320 с.

⁸ Кикнадзе В.Г. Советская военная радиоразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2006. № 3. С. 47—55; он же. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно-морского флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки. Дисс. ... д-ра ист. наук. М.: ВАГШ ВС РФ, 2014. 627 с.; Морозов М.Э. Перевод западных флотов и флотилий ВМФ СССР на оперативную готовность № 1 в ночь на 22 июня 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 4—14; Евменов Н.А. Роль Военно-морского флота в Великой Отечественной войне (1941—1945) // Военная мысль. 2021. № 10. С. 104—118.

⁹ Жуматий В.И. Фактическое состояние Военно-Морского Флота СССР к началу Великой Отечественной войны (21 июня 1941 г.). М.: НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, 2011. 477 с.

¹⁰ Подробнее см.: Усиков А.В., Монаков М.С., Ташлыков С.Л. и др. Отечественное военно-морское искусство в 1921—1945 гг.: Теория и практика / Под общ. ред. адмирала флота В.И. Куредова. М.: Кучково поле, 2016. 492 с.

¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 21. Л. 240.

¹² Оперативная готовность — состояние объединений и соединений Вооружённых сил, органов управления, связи, наблюдения и обеспечения, характеризующее их способность начать военные действия в установленные сроки и успешно выполнить оперативные и боевые задачи. После Великой Отечественной войны вместо термина «оперативная готовность» стали употреблять иной — «боевая готовность». См.: В-МС. С. 288.

¹³ Телеграфный код Бодо — специальный равномерный пятизначный код, созданный изобретателем Ж.-М.-Э. Бодо (патент 1874 г.). Буквопечатающие телеграфные аппараты Бодо с небольшими изменениями эксплуатировались до 1960-х гг. См.: Бодо Эмиль // БРЭ ЭВ.

¹⁴ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 6. Д. 31. Л. 54. Боевое ядро (устар.) — совокупность соединений, частей и подразделений различных родов сил объединения ВМФ, выделенных для отражения внезапного нападения противника, прикрытия границы. Состав боевого ядра определялся приказом командующего флотом с последующим донесением нарком ВМФ. См.: Морозов М.Э. Перевод западных флотов и флотилий СССР в оперативную готовность № 1 в ночь на 22 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 8.

¹⁵ Архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 783. Д. 7. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 26, 27.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 115. Л. 179.

²¹ Сидоренко В. Радиограмма с пропавшего судна // Вокруг света. 1989. № 1. С. 22, 23.

²² Архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 180—183.

²³ Там же. Оп. 783. Д. 7. Л. 28.

²⁴ В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. «О реорганизации органов политической пропаганды и введении ин-

ститута военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» Ставка Верховного командования приказом от 17 июля 1941 г. № 00401 переименовала Главное управление политической пропаганды Красной армии в Главное политуправление, управления и отделы политпропаганды фронтов, армий и соединений — в политуправления и политотделы. 20 июля 1941 г. это решение было распространено на ВМФ: Главное управление политической пропаганды ВМФ стало Главным политуправлением ВМФ. См.: Приказ Ставки ВК № 00401 о реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров. 17 июля 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16(5—1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 77; Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 11. М.: Кучково поле, 2015. С. 568; Главное политическое управление Военно-Морского Флота // Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 208.

²⁵ Боны (от гол. boom — дерево, бревно, шлагбаум), плавучие сооружения для заграждений охраняемых районов (объектов) или швартовки и обслуживания кораблей. См.: Бон // В-МС. С. 56.

²⁶ Архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 783. Д. 7. Л. 29.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 1—4.

²⁸ Там же. Д. 142. Л. 28 об.

²⁹ Там же. Д. 118. Л. 304.

³⁰ Там же. Д. 140. Л. 163.

³¹ Там же. Л. 179.

³² Там же. Л. 172.

³³ Кикнадзе В.Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно-морского флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки. С. 295, 297. Прил. В-02 (с. 151, 152); он же. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно-морского флота в первой половине XX века: исторический опыт и урок. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.: ВАГШ ВС РФ, 2014. С. 22.

N.Yu. Brinyuk, E.L. Korshunov

«SPECIAL ATTENTION SHOULD BE PAID TO THE ACCURACY OF THE INFORMATION GIVEN...»

Operational reports of the Main Naval Staff of the USSR Navy during the Great Patriotic War

Information about authors. Nadezhda Brinyuk — researcher at the Research Institute (Military History), the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: brinyuk2013@yandex.ru); Eduard Korshunov — head of the research department, Research Institute (Military History), the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel (St. Petersburg. E-mail: himhistory@yandex.ru).

Summary. The article analyzes the requirements for operational reporting imposed by the Main Naval Staff of the USSR Navy on the eve of the Great Patriotic War. It discusses the order and basic rules of their compilation, the effect of military conditions on their content, and how they reflected the course of the armed struggle in the maritime theaters of war in 1941—1942. The analysis led to the conclusion: the operational reports of the Main Naval Staff of the USSR Navy contain an unbiased chronicle of military operations on the seas, lakes and rivers. This indispensable means of providing commanders with information on the course of hostilities, the state of fleets and flotillas, which helped the People's Commissariat and the Main Naval Staff of the Navy to solve the tasks of fleet forces management, today serves as an important source of information for researching the participation of the Russian Navy in the Great Patriotic War, its invaluable combat experience and defending the truth of history.

Keywords: The Great Patriotic War; the USSR Navy; the Main Naval Staff; headquarters of fleets and flotillas; situation report; operations duty officer; maritime theaters of military operations.

«УКРЕПИТЬ ТЫЛ...»

Действия сил местной противовоздушной обороны по защите городов в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторах. Малышев Владлен Платонович — главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России (федеральный центр науки и высоких технологий), доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва. E-mail: Vlad1936.malyshv@yandex.ru);

Лебедев Андрей Владимирович — старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России (федеральный центр науки и высоких технологий) (Москва. E-mail: Pushkad1@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе анализа источников мемуарного характера рассмотрена проблема участия сил местной противовоздушной обороны в защите населения городов СССР в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено разминированию территорий, борьбе с пожарами, возведению защитных сооружений. Отражена роль местной противовоздушной обороны в выполнении восстановительных работ на заключительном этапе войны. Прикладной характер работы определяется возможностью использования целого ряда организационных мероприятий для защиты городов от современных средств поражения и для выполнения восстановительных работ на вновь присоединённых территориях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; местная противовоздушная оборона; действия сил по защите городов; инженерно-противохимические части; разминирование территорий; организация выполнения восстановительных работ; В.В. Осокин; И.У. Харченко; А.Ф. Белавин.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что защита населения, проживающего в городах, является весьма сложной проблемой. Наряду с использованием войсковых подразделений противовоздушной обороны в защите городов и их восстановлении на заключительном этапе войны в 1944—1945 гг. активное участие принимали силы местной

противовоздушной обороны (МПВО). Актуальность темы определяется целесообразностью использования предыдущего опыта защиты городов от воздушных средств нападения в современных условиях и необходимостью широкого привлечения общественных организаций для проведения восстановительных работ на освобождённых территориях.

Начало Великой Отечественной войны ознаменовалось массированными авиационными ударами по ряду крупных городов Советского Союза. 8 июля 1941 года начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер сделал запись в своём дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью из-

бавиться от населения этих городов»¹.

Накануне войны первый опыт боевого развёртывания получила МПВО г. Ленинграда. Это обуславливалось тем, что город принимал активное участие в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.² Впервые был осуществлён режим полной светомаскировки, развёрнуты подразделения служб и объектов МПВО. Накопленный боевой опыт сослужил

добрую службу в годы Великой Отечественной войны. Детальный анализ итогов действий сил МПВО Ленинграда в период Советско-финляндской войны был проведён на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), на котором обсуждались не только успехи в действиях МПВО, но и допущенные промахи, недостатки. Ленгорсовет в дальнейшем усилил контроль подготов-

ки города к МПВО. Под контролем держались вопросы строительства убежищ, разработки планов укрытия населения, комплектования и обучения формирований, приведения в порядок имевшихся средств коллективной защиты. Это позволило достигнуть лучших результатов по развитию МПВО в Ленинграде. Уже в те годы была подготовлена служба наблюдения за воздушной обстановкой, создана более ста высотных наблюдательных пунктов, оборудовано около 1200 бомбо- и газоубежищ. Это существенно снизило потери населения в период блокады Ленинграда, когда город подвергался непрерывным артиллерийским обстрелам. Заблаговременно были подготовлены многочисленные формирования МПВО в составе более 162 тыс. человек³. В эти формирования включали даже профессорско-преподавательский состав Ленинградской консерватории.

Активное участие в защите Ленинграда принимал 4-й отдельный инженерно-противохимический полк МПВО НКВД СССР. Подразделения полка организовывали светомаскировку промышленных предприятий и транспорта, выполняли аварийно-восстановительные работы, проводили разминирование территорий.

Наиболее существенные вопросы функционирования всей системы и органов военного руководства МПВО пришлось оперативно решать уже в ходе Великой Отечественной войны по ведомству НКВД СССР. И здесь нужно отметить титаническую деятельность первого начальника ГУ МПВО НКВД СССР генерал-лейтенанта В.В. Осокина, который руководил

Бойцы МПВО ведут наблюдение за воздушной обстановкой в ожидании нападения воздушного противника

Противопожарное звено МПВО профессорско-преподавательского состава Ленинградской консерватории на занятиях по тушению зажигательных авиабомб. На переднем плане — композитор Д.Д. Шостакович

Штаб МПВО в г. Москве
Октябрь 1941 г.

главком в самые трудные предвоенные, военные и послевоенные годы — с 19 ноября 1940 по 19 ноября 1949 года⁴.

ГУ МПВО НКВД СССР являлось центральным органом по организации местной противовоздушной обороны в угрожаемой по воздушным нападениям зоне. Работу по организации и руководству местной ПВО Главное управление осуществляло через управления (отделы) местной ПВО, организованные в составе НКВД союзных и автономных республик, управлений НКВД краёв и областей.

Особое значение придавалось защите г. Москвы как столицы государства и крупнейшего административно-промышленного и военно-политического центра.

В соответствии с решением Государственного комитета обороны (ГКО) от 5 июля 1941 года № ГКО-26 «О реорганизации местной противовоздушной обороны г. Москвы» был существенно увеличен состав сил МПВО. В столице были развёрнуты 25 войсковых батальонов МПВО численностью 23 800 человек и 12 батальонов в городах Московской обл.⁵ Были также созданы 4 аварийно-восстановительных полка общей численностью 11 300 человек⁶. Весь личный состав переводился на казарменное положение. Кроме этого, в оперативное подчинение начальника МПВО Москвы перешёл 3-й инженерно-противохимический полк МПВО НКВД СССР⁷. Столицу от огня и разрушений, проявляя массовое мужество и героизм, спасали москвичи — бойцы и командиры 650-тысячной армии формирований и подразделений МПВО.

Массовое применение зажигательных бомб для ударов по городам вызвало необходимость организационной перестройки противопожарной службы МПВО⁸. Прежние противопожарные формирования в городских районах были реорганизованы в роты и взводы, а на объектах сформированы команды и звенья. Подобные пожарные формирования Киева, Ленинграда, Севастополя, Одессы и некоторых других городов включали десятки тысяч бойцов. В Москве из молодёжи был сформирован пятитысячный противопожарный полк в составе 250 взводов⁹. Численность формирований МПВО выросла более чем вдвое и составила свыше 650 тыс. бойцов¹⁰. В отличие от многих европейских городов — Лондона, Гамбурга, Дрездена — ни в одном советском городе не возникли огненные штормы, как это было там. Реорганизация и усиление МПВО были проведены весьма своевременно, т.к. первый массированный налёт немецко-фашистской авиации на Москву был осуществлён 22 июля 1941 года.

Массированные бомбардировки авиацией противника таких городов, как Москва, Сталинград, Ленинград, Мурманск, а также важных объектов экономики стратегического значения в городах Горький, Ярославль, Дзержинск, Саратов показали, что там, где была организована МПВО, созданы аварийно-восстановительные отряды, там и ликвидация последствий налётов авиации происходила быстрее.

Так, например, в ночь на 7 ноября 1941 года на Ленинград были сброшены свыше 100 фугасных авиабомб, снаряжённых противосъёмными приспособлениями с

часовыми механизмами (ловушками). При их обезвреживании погибли 18 опытных пиротехников, в т.ч. рядовой 4-го инженерно-противохимического полка МПВО А.Ф. Белавин, ценою своей жизни спасший Ленинградский почтамт от разрушения. Зная об исходе замедления часового механизма, он остался в котловане для укрепления земляного бруствера, предназначавшегося в случае взрыва для отвода основной силы удара мимо здания почтамта. Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевого задания, рядовой А.Ф. Белавин был посмертно награждён орденом Ленина, а приказом НКВД СССР зачислен навечно в списки пиротехнической роты своего полка. Командир взвода 6-го инженерно-противохимического полка МПВО НКВД лейтенант И.У. Харченко в годы войны на Ленинградском и Карельском фронтах выполнял специальные задания по защите наших войск и мирных граждан, обезвредив более 26 тыс. вражеских снарядов, мин и авиабомб. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленные при этом мужество и героизм лейтенанту И.У. Харченко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Героическими усилиями подрытников МПВО Ленинграда удавалось в значительной степени предотвращать разрушительные последствия применявшегося врагом коварного оружия.

Всего за годы войны меро-

осуществлялись в 223 городах-пунктах¹¹.

Особый вклад в защиту населения внесли войсковые подразделения МПВО. Об участии в защите городов некоторых из них за время войны наглядно говорят следующие конкретные примеры проведённой ими работы.

3-й инженерно-противохимический полк (ИПХ полк войск МПВО НКВД) обезвредил и уничтожил 647 разных авиабомб, 290 артснарядов; ликвидировал в Москве 11 крупных пожаров, разобрал три больших завала (в Кремле, Театре Вахтангова, на заводе «Серп и Молот»)¹². В результате было спасено много государственных ценностей: 4 склада, толевый завод, мост через р. Яузу, завод «Серп и Молот», трамвайный парк, 76 боевых и транспортных машин с запасным и ремонтным оборудованием, вынесенным из огня.

По приказу военного командования полк укреплял ближние подступы к Москве, поставив 5233 противотанковых, 2976 противопехотных мин и 70 крупных фугасов; заминировал 29 мостов и устроил 500 м лесных завалов. Команда пиротехников полка в период с 12 июня по 6 августа 1943 года выполняла задачу по обезвреживанию неразорвавшихся авиабомб в г. Ярославле. Были обезврежены и уничтожены около 500 авиабомб¹³.

4-й Краснознамённый инженерно-противохимический полк в условиях блокады Ленинграда провёл громадную работу по ликвидации последствий авианалётов и артиллерийских обстрелов города на Неве. За время войны подразделения полка обезвредили и уничтожили 989 различных авиабомб, свыше 100 тыс. артснарядов и мин;

ликвидировали 70 очагов пожаров на 22 предприятиях, разобрали 17 крупных завалов, спасли большое количество людей и материальных ценностей; восстановили 10 городских мостов, плотину Охтинского комбината, большое количество жилых, общественных зданий и производственных корпусов. Автотранспортом перевезены для нужд города свыше 6000 т продовольствия, топлива и других грузов. Подразделения части отрыли и оборудовали 71 землянку, 19 командных пунктов и большое количество различных укрытий¹⁴.

Полк принимал участие в обороне Ленинграда, построив на оборонительных рубежах 440 огневых точек и 315 различных долговременных инженерных сооружений¹⁵. За успехи в решении задач по защите населения полк награждён орденом Красного Знамени¹⁶.

5-й инженерно-противохимический полк провёл большую работу по обезвреживанию и уничтожению неразорвавшихся авиабомб, сброшенных противником на г. Горький. Обезврежены и уничтожены 192 различные авиабомбы, 1200 артснарядов и миномётных мин¹⁷.

6-й инженерно-противохимический полк в начале войны проводил оборонительные работы на подступах к г. Запорожье. После передислокации в г. Сталинград ликвидировал два крупных пожара (Сталгрэс и ватная фабрика), строил баррикады и другие оборонительные сооружения, навёл переправу через р. Волгу¹⁸. После освобождения Киева, куда была передислоцирована часть, началась работа по восстановлению города. Полк участвовал в строительстве вы-

соководного автодорожного моста через Днепр, разминировал большое количество промышленных и других объектов¹⁹.

7-й Краснознамённый инженерно-противохимический полк с первых дней войны начал боевую деятельность по ликвидации последствий налётов вражеской авиации в г. Львове. Позднее на оборонительных рубежах на подступах к г. Харькову были построены около 100 различных оборонительных сооружений, 700 надолб, установлены 680 противотанковых ежей и оборудованы более 30 баррикад. Личный состав принимал активное участие в ликвидации вражеского авиадесанта, высаженного в районе г. Харькова²⁰. Воины полка осуществляли разминирование территорий освобождённых городов. Всего были обезврежены и уничтожены свыше 30 тыс. боеприпасов²¹.

Правительство высоко оценило боевую деятельность 7 ИПХ полка войск МПВО НКВД. В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР полк был награждён орденом Красного Знамени²².

На заключительном этапе Великой Отечественной войны силы МПВО выполняли задачи по гуманитарному разминированию освобождённых городов. С учётом обширных территорий СССР, нуждавшихся в разминировании, возникла необходимость привлечения к этим работам общественных организаций. Решением Государственного комитета обороны от 19 февраля 1944 года № ГОКО-5216 эта задача была возложена на Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). В

работах по гуманитарному разминированию местности участвовали свыше 60 тыс. бойцов Осоавиахима, которые обезвредили более 10 млн различных взрывоопасных предметов²³. Сведения о количестве сил, действовавших в прифронтовой полосе к началу 1944 года, приведены в таблице.

Массовое привлечение личного состава МПВО к восстановительным работам началось в период изгнания врага из пределов СССР после принятия 21 августа 1943 года совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению народно-

го хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». Сотни бойцов МПВО приобретали специальности строителей: плотников, бетонщиков, маляров, каменщиков и др.²⁴

Силы МПВО страны возвели 205 железнодорожных и автомобильных мостов, восстановили более 250 объектов промышленности, 187,8 км водопроводных и 873 км канализационных сетей, 767 км линий связи, 405,5 км трамвайных линий²⁵. Восстанавливали Московский государственный университет и угольные шахты в Донбассе²⁶.

Использование частей МПВО на восстановительных

работах в период продолжавшейся войны себя полностью оправдало. Промышленные предприятия и строительные организации получили в лице бойцов МПВО организованную и обученную рабочую силу²⁷. Объём работы, выполненной всем личным составом МПВО страны в годы Великой Отечественной войны, неоднократно приводился в работах ряда авторов²⁸.

Характерными чертами современных вооружённых конфликтов являются постоянные ракетно-артиллерийские обстрелы, использование беспилотной авиации для нанесения ударов по жилому

Таблица

Силы МПВО, действовавшие в прифронтовой полосе к началу 1944 г.

№ п.п.	Наименование формирований	Количество	Численность
1	Инженерно-противохимические полки	7	8372
2	Отдельные инженерно-противохимические батальоны	9	3248
3	Городские батальоны войск МПВО	121	42 030
4	Отдельные городские роты	19	2708
5	Участковые формирования из приписного состава	228	48 146
6	Объектовые формирования	3742	492 124
7	Унитарные команды	908	35 412
8	Группы самозащиты	81 132	4 867 920
9	Отряды первой медицинской помощи	2469	12 325
10	Санитарные дружины	1896	28 440
11	Комсомольско-молодёжные противопожарные подразделения	327	1600
12	Городские аварийно-восстановительные бригады	755	20 698
13	Аварийно-восстановительные отряды	17	17 600
14	Аварийно-восстановительные батальоны	565	282 166
15	Объектовые аварийно-восстановительные отряды	980	138 050
16	Группы ветеринарной помощи	869	2755
Итого:		94 044	6 003 594

Составлена по: РГВА. Ф. 37878. Оп. 2с. Д. 768. Л. 23.

сектору и тотальное применение мин в зонах боевых действий²⁹. Опыт применения сил местной противовоздушной обороны для защиты городов в полной мере используется при подготовке рекомендаций по защите населения и социально значимых объектов на вновь присоединённых и приграничных с Украиной территориях. В целом учитывается опыт Великой Отечественной

войны при организации и ведении гражданской обороны в условиях современной войны.

Весьма актуальным для сегодняшнего дня является опыт поддержания системы МПВО в постоянной готовности. Анализ действий МПВО в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о постепенном становлении системы важного элемента обороноспособности государства.

Опыт, полученный в ходе проведения специальной военной операции, подтвердил, что наиболее эффективным условием организации защиты населения в военное время является наличие хорошо подготовленных пожарно-спасательных формирований — достойных наследников сил местной противовоздушной обороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гальдер Ф. Военный дневник: ежедневные записи начальника германского Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 3. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1971. С. 102.

² Беляев А.Н. Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Военное издательство, 1985. С. 31.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37878. Оп. 1. Д. 125. Л. 6—7.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 60.

⁵ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 125. Л. 141.

⁶ Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лалиров С.Е. Москва — воздушная тревога! 3-е изд. М.: Агар, 2000. С. 259.

⁷ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 125. Л. 141.

⁸ От МПВО к гражданской защите: исторический очерк / Под ред. С.К. Шойгу. М.: УРСС, 1998. С. 54.

⁹ Лебедев А.В. Деятельность Государственного Комитета Обороны СССР в

области противовоздушной и противохимической защиты населения страны в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2016. Т. 6. № 1(10). С. 80—90; Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лалиров С.Е. Указ. соч. С. 259.

¹⁰ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 816. Л. 276.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 54; Д. 126. Л. 87—94.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 28. Д. 146. Л. 129—132; РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 125. Л. 141.

¹³ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 169. Л. 55, 217—224.

¹⁴ Там же. Д. 774. Л. 1.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1047. Л. 83.

¹⁶ Катухов К.Г., Оглоблин К.С., Сгилевский А.И. Гражданская оборона вчера и сегодня. 2-е изд. М.: Атомиздат, 1975. С. 56, 57.

¹⁷ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 722. Л. 196.

¹⁸ Там же. Л. 197.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 724. Л. 10.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1047. Л. 83.

²² Там же. Оп. 122. Д. 82. Л. 71—72; Беляев А.Н. Указ. соч. С. 141.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1048. Л. 192.

²⁴ Трамм Б. На защите родных городов // За оборону. 1946. № 13—14. С. 2, 3; РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 1309. Л. 133; Д. 722. Л. 79.

²⁵ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 176. Л. 9, 10; Д. 178. Л. 178.

²⁶ Там же. Л. 239—240; От МПВО к гражданской защите... С. 90.

²⁷ От МПВО к гражданской защите... С. 90; РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 768. Л. 26—27.

²⁸ Сивков К.В. Ракетный меч США // Военно-промышленный курьер. 2013. № 29(497). С. 10, 11; Литовченко В.В. Сущность категорий войны и специальных военных операций // Армейский сборник. 2022. № 7. С. 18—24; Кикнадзе В.Г. Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М.: Прометей, 2023. С. 192—204.

²⁹ Современные войны и гражданская оборона / Под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: Куна, 2008. С. 263—268.

V.P. Malyshev, A.V. Lebedev

«STRENGTHEN THE REAR...»

Actions of local air defense forces to protect cities during the Great Patriotic War

Information about authors. Vladlen Malyshev — chief researcher at the All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Federal Center for Science and High Technologies), D. Sc. (Chem.), Professor, honored scientist of the Russian Federation (Moscow. E-mail: Vlad1936.malyshev@yandex.ru);

Andrey Lebedev — senior researcher at the All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Federal Center for Science and High Technologies) (Moscow. E-mail: Pushkad1@yandex.ru).

Summary. The article, based on an analysis of memoir sources, examines the problem of the participation of local air defense forces in protecting the population of USSR cities during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to demining areas, fighting fires, and constructing protective structures. The role of local air defense in carrying out restoration work at the final stage of the war is reflected. The applied nature of the work is determined by the possibility of using a number of organizational measures to protect cities from modern weapons and to carry out restoration work in newly annexed territories.

Keywords: Great Patriotic War; local air defense; actions of forces to protect cities; engineering and anti-chemical parts; demining of territories; organization of restoration work; V.V. Osokin; I.U. Kharchenko; A.F. Belavin.

«СКОРОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПРИМЕНЕНИИ САМОДВИГАТЕЛЕЙ В АРМИИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НАС ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫМ»

На материалах журнала
«Известия Императорской Николаевской Военной Академии»

Сведения об авторе. Щерба Александр Николаевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Аннотация. На материалах «Известий Императорской Николаевской Военной Академии» анализируются проблемы, связанные с эволюцией взглядов ведущих учёных академии на тактическое применение автомобиля в вооружённой борьбе. Анализ этих статей, проведённый автором, показывает, что в целом оценки учёных Императорской Николаевской военной академии перспективы использования автомобильной техники в военном деле, в т.ч. в боевой обстановке, оказались верными. Это в полной мере подтвердилось в период Первой мировой войны, когда ведущие мировые державы начали массово применять автомобили. После их появления учёные Императорской Николаевской военной академии поняли и оценили большие перспективы использования автомобильной техники в военном деле. По их мнению, они могли использоваться как транспортное средство, для проведения разведки, для быстрого осуществления связи между воинскими частями в боевой обстановке и как боевое средство, бронированное металлическими листами и оснащённое пулемётами и пушками. Однако не все отечественные военные специалисты были единодушны в оценках, связанных с боевым применением автомобиля, что породило полемику, в ходе которой на страницах «Известий Императорской Николаевской Военной Академии» был опубликован целый ряд статей с анализом важных аспектов данной проблемы. К сожалению, в России не удалось создать собственную автомобильную промышленность, что явилось причиной крупных неудач русской армии на полях сражений той войны.

Ключевые слова: журнал «Известия Императорской Николаевской Военной Академии»; Императорская Николаевская военная академия; гужевое средство; обоз; обозные лошади; автомобили; Русско-Балтийский завод; транспортное средство; грузоподъёмность; скорость; Первая мировая война.

С выпуском компактного и эффективного двигателя внутреннего сгорания появилось новое транспортное средство — автомобиль. Автомобили различных марок начали динамично совершенствоваться и теснить все другие транспортные средства. В этой связи необходимо отметить, что данный процесс был обусловлен и объективными факторами. В частности, появлением миллионных армий, нуждавшихся в громадном количестве продовольствия, фуража и других припасов. Эти огромные армии обеспечивались новыми видами стрелкового оружия, в т.ч. автоматического, скорострельной артиллерией,

средствами связи, инженерным имуществом, что резко повысило транспортные потребности войск, особенно в ходе боевых действий. Все это значительно увеличило размеры и без того огромного армейского обоза.

В связи с этим уже в конце XIX века наиболее подготовленные в теоретическом отношении русские офицеры начали ставить вопрос о замене лошадей транспортными средствами на механической тяге. В 1899 году в военном и литературном журнале «Разведчик» была опубликована статья выпускника Императорской Николаевской военной академии капитана Н.А. Монкевица¹. По его подсчётам,

автомобили, обладавшие большей грузоподъёмностью, чем гужевой транспорт, позволяли уменьшить размеры обозных колонн более чем на 50 проц. за счёт уменьшения количества повозок. Одновременно это снижало число военнслужащих, обслуживавших обоз, и объём фуража для лошадей².

Полемика о месте автомобиля в военном деле из теоретической области быстро перешла в практическую плоскость. В германской армии автомобиль как транспортное средство для войск был впервые испытан на манёврах 1898 года. Испытаниям подвергался всего один автомобиль, и, несмотря на всё его тогдашнее несовершенство, была отмечена его полезность при умелом применении. В том же году в австро-венгерской армии близ Вены также испытывался один автомобиль, который перевозил 80 кг груза со скоростью 20 км/ч³. В 1899 году на больших осенних манёврах в Германии испытывались уже 8 усовершенствованных военных автомобилей, специально заказанных для этого⁴.

Впервые в истории русской армии автомобили были применены в 1902 году на Курских манёврах войск Киевского и Одесского военных округов. Тогда были испытаны отдельные образцы автомобильной техники⁵.

Русские военные специалисты детально анализировали первые опыты применения автомобилей в армии России и за рубежом, эволюция их взглядов, надо признать, представила значительный интерес для военно-исторической науки. Так, в вышеупомянутой статье Н.А. Монкевица отмечалось: «Конечно, военный автомобиль не может иметь значения как боевая повозка, но зато для перевозки военных грузов значение его столь велико, что на выработку хорошего удобоприменимого типа его в настоящее время должно

быть обращено самое серьёзное внимание»⁶.

Война с Японией, которая велась на отдалённом театре военных действий с плохо развитой инфраструктурой, с особой остротой выявила возросшие транспортные потребности войск. Она также со всей очевидностью показала, что успех боевых действий находится в самой тесной зависимости от снабжения войск.

В составе нашей действующей армии в период Русско-японской войны было 200 тыс. лошадей⁷, но этого количества оказалось недостаточно. Поэтому уже в ходе боевых действий пришлось в срочном порядке наращивать транспортные возможности боевых частей. Так, например, в марте 1905 года в штат каждого полка Сибирской казачьей дивизии было добавлено сразу по 173 вьючных и обозных лошади и по 140 обозных казаков. Ещё 21 обозная лошадь и 17 казаков были добавлены в штат штаба дивизии⁸.

Транспортная проблема чётко проявилась и в других соединениях русской армии. Так, например, через 2 недели после прибытия на театр военных действий 4-го армейского корпуса, ещё не участвуя в боевых действиях, это соединение имело некомплект 8 проц. штатного состава по причине постоянного выделения людей в формирующиеся тыловые транспорты⁹.

Автомобильная техника быстро овладевала умами многих зарубежных военных теоретиков. В 1905 году в Европе появилась книга с громким названием «Крушение века», авторство которой приписывали германскому

императору Вильгельму II, в которой говорилось о скором появлении нового рода войск — автомобильного. В книге также утверждалось, что в будущей войне войска будут осуществлять боевые рейды на автомобилях. Подтверждением этому стал грандиозный и громкий автомобильный пробег Пекин — Париж, который состоялся в 1907 году и длился 50 дней¹⁰.

Во французской армии при каждом корпусе, а также при каждом железнодорожном батальоне начали формироваться автомобильные роты. Офицеры железнодорожных батальонов стали получать специальное автомобильно-техническое образование. В военное время на базе автомобильных рот планировалось формировать автомобильные отряды. Планировалось также формирование 6 автомобильных полков общей численностью 24 тыс. человек при 6000 автомобилей¹¹.

С 1906 года в русской армии начинают создаваться первые небольшие автомобильные команды. На их базе в 1910 году были сформированы автомобильные роты. К концу 1910 года автомобили имели уже 13 штабов военных округов и 37 штабов корпусов русской армии. Для подготовки военных автомобилистов по указу императора Николая II 29 мая 1910 года в Санкт-Петербурге была организована Учебная автомобильная школа. Она стала первым учебным и техническим центром изучения автомобильного дела в русской армии¹².

Обратили внимание на быстрое развитие автомобильного транспорта и учёные

Императорской Николаевской военной академии, что побудило их исследовать возможности его применения в русской армии. Их выводы свидетельствовали о том, что даже первые, весьма несовершенные автомобили обладали явными преимуществами перед гужевым транспортом. Действительно, скорость движения автомобиля была в 4—4,5 раза выше, чем гужевого повозки. Грузоподъёмность грузового автомобиля в 8 раз превышала возможности пароконной гужевого повозки. Для обслуживания автомобильной техники требовалось в 3 раза меньше людей, чем для гужевого транспорта¹³.

Таким образом, применение автомобильного транспорта давало огромное преимущество в отношении быстроты доставки грузов. Так, при переходе протяжённостью 50 вёрст при одной и той же длине транспортная конная ко-

Ф.А. Макшеев

точное довольствие армии, имеющей в составе 200 тыс. человек и 60 тыс. лошадей, составляет 35 тыс. пудов. Для его подвоза необходимо 14 640 гужевого повозок с та-

повозок, необходимых при использовании гужевого транспорта, а число обслуживающего персонала — 15,9 проц.¹⁵

Всё это, очевидно, произвело впечатление на руководство военного ведомства России, которое вышло с ходатайством о закупках автомобилей для армии. В 1911 году правительство выделило из бюджета 245 тыс. рублей на расходы по снабжению войск русской армии автомобилями, а потом дополнительно ещё 14,4 тыс. рублей. Это было первое крупное ассигнование на приобретение автомобильного армейского транспорта¹⁶.

В мае 1912 года для определения наиболее пригодного для полевой службы легкового автомобиля военным ведомством был организован пробный пробег по специальной программе. К участию в нём были допущены легковые автомобили разных фирм с мощностью мотора 30—40 лошадиных сил, два санитарных автомобиля, автомобиль для перевозки смазочного масла, автомобиль-цистерна с горючим и два грузовых автомобиля. Для наблюдения за испытанием и проверки его результатов была организована особая комиссия из представителей главных управлений Военного министерства: инженерного, артиллерийского, санитарного, интендантского, представителей штабов округов, а также командира и офицеров учебной автомобильной роты¹⁷.

Автомобили стартовали на Марсовом поле в Санкт-Петербурге и должны были пройти 2757 вёрст, из них 927 по грунтовым дорогам. При этом средняя скорость машин не достигала и 40, а на грунтовых дорогах — 20 вёрст. По результатам пробега был сделан вывод об огромном значении применения

При использовании автомобилей число транспортных единиц составляет всего 5,3 проц. от количества повозок, необходимых при использовании гужевого транспорта, а число обслуживающего персонала — 15,9 проц.

лонна, состоявшая из парных повозок, преодолевала данное расстояние за 19,6 часа, а автомобильная — всего за 3,3 часа. Разница была огромной (более 16 часов), что в боевых условиях давало значительные преимущества¹⁴.

Учёными академии было также установлено, что су-

ким же числом проводников и 22 280 лошадей. Для доставки данного груза автомобильным транспортом требуется 780 трёхтонных грузовиков и 2340 человек прислуги. Таким образом, при использовании автомобилей число транспортных единиц составляет всего 5,3 проц. от количества

автомобиля в военном деле и необходимости принимать меры по обеспечению армии нужным числом машин. Однако комиссия отмечала, что при выборе «военно-годного типа автомобиля» необходимо учитывать состояние наших дорог¹⁸. Это был первый большой прогон, специально организованный военным ведомством. Его результаты, по оценкам офицеров Императорской Николаевской военной академии, «разрешили многие вопросы в области практического применения автомобиля к военным целям в боевой обстановке»¹⁹.

К сожалению, отечественная промышленность не могла обеспечить армию автомобилями. Фактически до начала Первой мировой войны грузовые и легковые автомобили в России производил лишь Русско-Балтийский завод. Он начал выпускать их с 1910 года, его производственные мощности были рассчитаны на выпуск до 200 единиц в год. Однако, по оценкам экспертов, необходимой производительности завод не достиг и выпускал с 1910 по 1915 год не более 75 штук в год²⁰. С 1911 года в Санкт-Петербурге начал работать завод И.П. Пузырёва²¹, выпускавший автомобили, адаптированные к русским дорогам²². Он мог осуществлять лишь мелкосерийное производство и выпустил до пожара, произошедшего на этом предприятии в январе 1914 года, всего 38 автомобилей²³.

В связи с этим приходилось ориентироваться на внешний рынок. В мае 1913 года в Михайловском манеже, находившемся в историческом центре Санкт-Петербурга, была проведена крупнейшая 4-я международная автомобильная выставка. На ней доминировали автомобильные

Первый автомобиль Русско-Балтийского завода

Гужевая обозная телега

Военные автомобили учебной автомобильной роты 1914 г.

Смотр военных автомобилей перед испытательным пробегом

4-я международная выставка автомобилей
Санкт-Петербург, 1913 г.

Грузовой автомобиль Русско-Балтийского завода

заводы Германии и Франции. Немецкими фирмами были заняты 64 стенда, французскими — 42, английскими — 18. Российская техника размещалась всего на 2 стендах²⁴.

Особенностью данной выставки стало то, что на ней были продемонстрированы автомобили, приспособленные для военных нужд. Наибольшее их число представила Франция. Среди них был специальный автомобиль фирмы «Лорен-Дитрих», на котором устанавливался прожектор, работавший от динамо-машины, приводившейся в движение мотором. Подобный же автомобиль-прожектор, построенный для нашей Военной электротехнической школы, был выставлен русским акционерным обществом «Фиат»²⁵. На нём был установлен 90-см прожектор итальянской фирмы «Оффичине-Галиллео». Были также представлены автомобильные походные кухни швейцарской фирмы «Зауфер», английской «Ллойд» и французской «Пежо». Парижской фирмой «Делаге» были представлены три автофургона, предназначенные для обслуживания боевой авиации: в первом фургоне размещалась мастерская с механическими станками, приводившимися в действие динамо-машиной, которая работала от автомобильного мотора. Во втором фургоне находились запасные части, в третьем — аэроплан большого размера²⁶.

Фирмой «Делаге» также была выставлена радиотелеграфная станция в фургоне, который был разделён на 2 части. Одна из них была предназначена для размещения динамо-машин, другая — для передающих аппаратов. Такая станция могла передавать радиogramмы на расстояние 120—150 км. На выставке были

представлены 4 санитарных автомобиля, и лучшим среди них являлся русский санитарный автомобиль московской фабрики П.П. Ильина²⁷ на шасси фирмы «Ля-Бюир». Он был оборудован по системе доктора В.П. Поморцева²⁸ и представлял собой маленький усовершенствованный лазарет. Оборудование позволяло делать 1000 перевязок, 150 операций, из них 60 под наркозом²⁹.

Быстрый прогресс автомобильной техники и успешное применение её в качестве транспортного средства побуждали отечественных военных теоретиков делать новые выводы о возможных перспективах использования автомобиля в военном деле. В 1911 году была опубликована книга полковника В.А. Златолинского, штаб-офицера — заведующего обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами³⁰. Это первый труд, в котором была предпринята попытка анализа возможных перспектив использования автомобильной техники в военном деле.

В книге В.А. Златолинский утверждает, что автомобили показали свою эффективность как транспортное средство, но их можно использовать гораздо шире. В частности, для доставки донесений, как санитарные машины, походные кухни, прожекторные, телеграфные станции и т.д. Но автор не ограничивался лишь этим и выдвинул предположение, что в ближайшем будущем автомобили можно будет использовать как боевые единицы, оснащённые пулемётами и лёгкими пушками, открытые или бронированные сталеникелевыми листами в 3 мм толщиной³¹.

Книга вызвала неоднозначные оценки среди военных

специалистов. В мае 1911 года в журнале «Разведчик» была опубликована рецензия на неё, где анонимный автор, в целом высоко оценивая данный труд, высказывал критическое отношение к возможности использования автомобилей как боевого средства и писал по данному поводу: «Очевидно, что действия панцирного автомобиля при охвате и вообще на флангах противника находится в такой степени зависимости от сети и состояния путей, что применение его для такого рода действий может быть ограничено только отдельными и притом весьма редкими случаями»³². Тем не менее сама постановка вопроса об использовании автомобиля как боевого средства носила, безусловно, новаторский характер.

Учитывая критические замечания, высказанные в адрес своей книги, полков-

видении применения автомобилей в армии. При этом он подчёркивал важность данной проблемы, которая определялась тем, что необходимо было принципиально решить ключевой вопрос — о запасе автомобилей на случай войны и порядке обеспечения ими войск. Наряду с этим В.А. Златолинский утверждал, что автомобили обладают большей универсальностью при применении в военном деле по сравнению, например, с летательными аппаратами или телеграфом, и в связи с этим делал вывод: «Скорое разрешение вопроса о применении самодвигателей в армии является для нас чрезвычайно важным»³³.

Как ведущий специалист в данной области далее он детально разъясняет, что универсальность автомобилей заключается в том, что область их применения в военном деле «может быть так

«Очевидно, что действия панцирного автомобиля при охвате и вообще на флангах противника находится в такой степени зависимости от сети и состояния путей, что применение его для такого рода действий может быть ограничено только отдельными и притом весьма редкими случаями»

ник В.А. Златолинский опубликовал в ноябре 1912 года большую статью в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии», которая называлась «Некоторые вопросы по военно-автомобильному делу», где ещё раз остановился на своём

же велика и разнообразна, как и самой вооружённой военной силы», но с учётом театра военных действий. По его мнению, главную роль автомобили будут играть как грузовое транспортное средство в деле снабжения и перевозки войск. Однако

Один из первых русских бронеавтомобилей

Автомобиль завода И.П. Пузырёва

Переброска войск с помощью автомобилей в годы Первой мировой войны

наряду с этим В.А. Златолинский вновь ставит вопрос о необходимости создания специального «военно-годного» типа автомобиля. Под этим понятием автор имеет в виду «механические повозки весьма прочной постройки», которые позволяют создать современное состояние техники³⁴.

Не все ведущие военные теоретики Императорской Николаевской военной академии были согласны с позицией В.А. Златолинского. С критикой выступил один из известных профессоров академии Ф.А. Макшеев³⁵. В своей статье он утверждал, что обоз из грузовых автомобилей чрезвычайно уязвим. Одна пуля, удачно попавшая в автомобиль, делает его надолго неподвижным. Кроме того, обоз из грузовых автомобилей прикован к хорошей дороге. В итоге автор делал вывод о том, что грузовые автомобили применимы только там, где им не угрожает опасность, а именно в тылу; выдвигание же их в район боевых действий является весьма опасным³⁶. Мы видим, что о боевом использовании автомобиля генерал Ф.А. Макшеев не говорит вообще.

Тем не менее динамично развивавшаяся автомобильная техника быстро корректировала подходы учёных к данной проблеме. В Императорской Николаевской военной академии уже в 1911 году в курсе лекций «Тактика технических войск» была включена лекция на тему «Автомобиль и его тактическое применение», которая, безусловно, отражала взгляды ведущих теоретиков академии на перспективы применения автомобиля в военном деле³⁷.

Затем на страницах журнала «Известия Императорской Николаевской Военной Акаде-

мии» была опубликована статья преподавателя академии полковника В.Г. Болдырева³⁸, в которой достаточно детально разработаны проблемы тактического применения автомобилей, а именно: подвоз различных грузов, служба связи, разведка и выполнение чисто боевых задач. Как транспортное средство они должны были заменить корпусные и армейские гужевые обозы, а также осуществлять переброску личного состава на значительное расстояние; как средство связи — обеспечить быстроту передачи приказаний и донесений, а также быстроту доставки станций искрового телеграфа, воздухоплавательных аппаратов и пр.; как средство разведки автомобили могли придаваться разведывательным эскадронам или использоваться самостоятельно начальствующими лицами для оперативного сбора сведений о противнике³⁹.

В материалах обсуждаемой статьи впервые давалась классификация типов автомобилей: пассажирские, грузовые и специальные. При этом в составе последних выделялась первая группа, которая называлась «Панцирные автомобили для пулеметов и орудий и для перевозки боевых снарядов»⁴⁰.

Далее в статье давалась краткая характеристика панцирного (бронированного) автомобиля, который некоторые авторы также называли боевым автомобилем, «боевой повозкой». По мнению автора, он должен был быть на базе грузового автомобиля с мотором мощностью не менее 40 лошадиных сил. В.Г. Болдырев, развивая идеи В.А. Златолинского, также предлагал осуществлять его бронирование сталеникелевыми листами. Артиллерийское орудие или

В.Г. Болдырев

пулемёт должны помещаться в задней части автомобиля в специальном вращающемся куполе, что обеспечивает круговой обстрел⁴¹.

В статье В.Г. Болдырева, которая, безусловно, отражала общие взгляды ведущих военных теоретиков Император-

армий и корпусов; в) дополнению недостаточно развитой сети железных дорог в районе действия армии; г) сохранению боевой силы армии от чрезмерного расхода на создание громадного числа транспортов и обслуживание этапных линий; д) облегчению зависимости от наличности коневых и повозочных средств театра войны⁴².

Данные выводы свидетельствуют о том, что теоретические взгляды учёных Императорской Николаевской военной академии существенно опережали время и достаточно точно определяли будущие тенденции в использовании автомобильной техники в военном деле, что в свою очередь отражало высокий уровень состояния теоретической мысли в ведущем высшем военном учебном заведении России.

Это также свидетельствует о том, что ещё до Первой мировой войны благодаря усилиям учёных академии сложилась система взглядов на будущее

В 1913 году доля отечественных машин на российском рынке не превышала 3 проц.

Это пагубно сказалось на развитии отечественной автомобильной промышленности

ской Николаевской военной академии на перспективы использования автомобильной техники в военном деле, был сделан многозначительный вывод: «В будущей большой войне применение автомобиля в значительной степени будет содействовать: а) успеху наступательных операций; б) разгрузке ближнего тыла

применение автомобильной техники в военном деле. Их правильность подтвердилась на полях сражений этой войны.

К сожалению, до начала Первой мировой войны реализовать на практике идеи, изложенные в трудах офицеров Императорской Николаевской военной академии, не

удалось, т.к. развитие автомобильной промышленности в России заметно отставало от уровня наиболее развитых стран мира.

Очевидно, военно-политическое руководство России в тот период не вполне осознавало стратегическую важность развития автомобилестроения. Об этом свидетельствует то, что с 1906 года в Российской империи проводилась непродуманная таможенная политика, при которой ввоз комплектующих узлов и агрегатов для автомобилей, а также станков для их изготовления облагался непомерно высокими пошлинами. Но при этом ввоз готовых автомобилей был сравнительно недорог. Это привело к тому, что в 1913 году доля отечественных машин на российском рынке не превышала 3 проц.⁴³ Это пагубно сказалось на развитии отечественной автомобильной промышленности.

По оценкам специалистов, только для наших западных военных округов в 1914 году требовалось более 2000 автомобилей, а вся русская армия имела всего 711 автомашин, из них 428 грузовиков, большинство из которых были иностранного производства. Почти совсем отсутствовали крайне необходимые армии тяжёлые грузовики и специальные автомобили: санитарные, передвижные

мастерские, штабные, связные и т.п. Поэтому в период Первой мировой войны военное ведомство вынуждено было закупить у союзников 24 978 автомобилей⁴⁴. Благодаря этому к концу 1914 года удалось сформировать 20 автомобильных рот и 55 санитарно-автомобильных отрядов, хотя военное ведомство планировало сформировать 29 рот и 70 санитарных отрядов⁴⁵.

В самом начале Первой мировой войны значение автомобильной техники проявилось со всей очевидностью. 7 сентября 1914 года для быстрой переброски французской 7-й дивизии из окрестностей Парижа к Нантейлю были использованы даже легковые автомобили. С этой целью в Париже были спешно реквизированы 1100 такси, и на каждом были перевезены по 5 солдат. Это позволило за одну ночь перебросить целую дивизию на 50 км. Отсутствие подобной мобильности не позволило русской армии избежать катастрофы, постигшей её в начальный период войны в Восточной Пруссии⁴⁶.

По причине отсутствия развитой автомобильной промышленности не удалось развернуть и производство бронеавтомобилей, которые вынуждены были выпускать в ограниченном количестве на базе иностранных грузовиков. Германская же про-

мышленность смогла освоить серийный выпуск бронированных автомобилей. Они не раз оказывали решающее влияние на ход сражений на Восточном фронте. Так, в сражении под Сольдау⁴⁷ немецкие бронеавтомобили, вооружённые пулемётами и пушками, ворвавшись в боевые порядки русских войск, нанесли им огромные потери, что позволило немцам добиться решающего перевеса в сражении⁴⁸.

Таким образом, автомобиль с его скоростью и манёвренностью, а затем и с броневаой защитой существенно повлиял на характер вооружённой борьбы. В ходе Первой мировой войны он стал непосредственным и активным участником боевых действий. К сожалению, несмотря на выводы отечественных военных теоретиков о широких возможностях тактического применения автомобилей, в России не удалось создать автомобильную промышленность. Это самым негативным образом сказалось на боевых возможностях частей русской армии в период Первой мировой войны.

Иллюстрации с сайтов:
artmoskovia.ru;
viupetra2.3dn.ru;
urfinus.no-ip.org; pastvu.com;
topwar.ru; ланское.pdf;
a.d-cd.net; alternathistory.com;
thelib.ru.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Монкевиц Николай Августович (1869—1926?) — окончил Второй кадетский корпус, Павловское военное училище, Императорскую Николаевскую военную академию, генерал-лейтенант.

² Монкевиц Н. Автомобили в военном деле // Разведчик. 1899. № 457. С. 620.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Разведчик. 1911. № 1072. С. 315.

⁶ Монкевиц Н.А. Указ. соч. С. 620.

⁷ Разведчик. 1904. № 736. С. 1236.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 25. СПб.: Гос. тип., 1908. С. 175.

⁹ Болдырев В.Г. Автомобиль и его тактическое применение // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1912. № 26. С. 268.

¹⁰ Новые роды оружия: автомобили и «дирижабли» // Разведчик. 1907. № 876. С. 455.

¹¹ Там же.

¹² На страже Родины. 2001. 25 октября.

¹³ Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 279.

¹⁴ Разведчик. 1911. № 1072. С. 315.

¹⁵ Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 282, 283.

¹⁶ Разведчик. 1911. № 1072. С. 315.

¹⁷ Болдырев В.Г. Пробег легковых автомобилей в 1912 г. // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1912. № 30. С. 885.

¹⁸ Там же. С. 889, 894.

¹⁹ Харитонов Н.А. Пробег легковых автомобилей, организованный Воен-

ным ведомством в 1912 г. // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1912. № 34. С. 1517.

²⁰ *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 212.

²¹ *Пузырёв Иван Петрович* (1883—1914) — российский предприниматель, один из основоположников автомобильной промышленности в России. В августе 1909 г. в Петербурге открыл завод по производству собственных запчастей и ремонту автомобилей под названием «Русский автомобильный завод И.П. Пузырёва». В 1911 г. на заводе был разработан и изготовлен автомобиль повышенной мощности (40 лошадиных сил) модели «Пузырёв А28/40».

²² *Харитонов Н.А.* Четвертая международная автомобильная выставка // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1913. № 41—42. С. 892.

²³ Русский автомобильный завод И.П. Пузырёва // RussoAuto. [Электронный ресурс] <http://russoauto.ru/automaker/gazip>.

²⁴ *Харитонов Н.А.* Четвертая международная автомобильная выставка. С. 892.

²⁵ Русское АО автомобилей «Фиат» — создано в 1913 г. торговало автомобилями итальянской фирмы «Фиат», в 1914 г. начало строительство автомобильного завода в селе Всехсвятском под Москвой.

²⁶ *Харитонов Н.А.* Четвертая международная автомобильная выставка. С. 893.

²⁷ *Ильин Пётр Петрович* (1886—1951) — унаследовал родительскую экипажную фабрику, существовавшую с 1805 г. и располагавшуюся в Москве, в Каретном ряду. С 1904 г. здесь начали собирать автомобили, в 1908 г. фабрика стала называться «Московское

Акционерное Общество экипажно-автомобильной фабрики П. Ильина». На заводе было налажено производство роскошных лимузинов «Руссо-Бюир».

²⁸ *Поморцев Владимир Петрович* (1869—?) — работал врачом губернским инспектором, затем врачом московского почтамта. Написал несколько книг по медицине. Возглавлял станцию скорой медицинской помощи в Москве в 1919—1922 гг.

²⁹ *Харитонов Н.А.* Четвертая международная автомобильная выставка. С. 894.

³⁰ *Златолинский Владимир Александрович* (1867—1941) — окончил Нижегородский кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище и Императорскую Николаевскую военную академию, участник Первой мировой войны, после окончания которой добровольно вступил в РККА, полковник. Автор книги «Автомобиль и прочие виды механической тяги в применении к военным целям». СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. 185 с.

³¹ Разведчик. 1911. № 1072. С. 315.

³² Там же.

³³ *Златолинский В.А.* Некоторые вопросы по военно-автомобильному делу // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1912. № 35. С. 1631.

³⁴ Там же. С. 1632, 1639.

³⁵ *Макшеев Фёдор Андреевич* (1855—1932) — окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую Императорскую военную академию, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Служил в Главном штабе, где занимался вопросами военно-железнодорожного дела. Защитил в Императорской Николаевской военной академии диссертацию на тему «Военно-административное устройство тыла армии». Заслуженный профессор академии, генерал от инфантерии.

³⁶ *Макшеев Ф.А.* Снабжение продовольствием армии по учению германского генерального штаба // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1913. № 47. С. 1710.

³⁷ *Болдырев В.Г.* Автомобиль и его тактическое применение. С. 267.

³⁸ *Болдырев Василий Георгиевич* (1875—1933) — выпускник Военно-топографического училища, участник Русско-японской войны. С 1911 г. преподавал в Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба, где защитил диссертацию на тему «Атака укрепленных позиций», после чего был назначен экстраординарным профессором.

³⁹ *Болдырев В.Г.* Автомобиль и его тактическое применение. С. 281, 287, 292.

⁴⁰ Там же. С. 267, 279.

⁴¹ Там же. С. 273.

⁴² Там же. С. 292.

⁴³ *Кирилец С.* Детище войны. Рождение русского автопрома // Грузовик Пресс. [Электронный ресурс] <https://gruzovikpress.ru/article/9337-rojdenie-rossijskogo-avtoproma-detishche-voyny>.

⁴⁴ *Ширшов Г.М.* «Если у вас нет нефти, все ваши преимущества мало чего стоят» // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 36.

⁴⁵ На страже Родины. 2001. 25 октября.

⁴⁶ *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914—1918. 2-е изд., перераб., доп. М.: Воениздат, 1931. С. 118.

⁴⁷ Сражение при Сольдау — одно из сражений в ходе Восточно-Прусской операции 26—30 августа 1914 г., в ходе которой войска русской 2-й армии под командованием генерала А.В. Самсонова потерпели крупное поражение.

⁴⁸ Вопросы мировой войны: сборник статей / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Петроград: Право, 1915. С. 629.

A.N. Shcherba

«THE EARLY SOLUTION OF THE QUESTION OF THE USE OF AUTOMOBILES IN THE ARMY IS EXTREMELY IMPORTANT FOR US»

On the materials of the magazine *Izvestiya Imperatorskoy Nikolaevskoy Voennoy Akademii* [«The Imperial Nicholas Military Academy News»]

Information about author. Alexander Shcherba — senior researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Summary. On the basis of the materials of *Izvestiya*, the printed organ of the Imperial Nicholas Military Academy, the author analyzes the problems connected with the development of the views of the leading scientists of the Academy on the tactical use of the automobile in armed struggle. The author's analysis of these articles shows that, in general, the scientists of the Imperial Nicholas Military Academy were correct in their assessments of the prospects of using automobile technology in military affairs, including in combat. This was fully confirmed during the First World War, when the leading world powers began to use automobiles en masse. After the appearance of automobiles, the scientists of the Imperial Nicholas Military Academy recognized and appreciated the great prospects for the use of automobile technology in military affairs. In their opinion, they could be used as a means of transportation, for reconnaissance, for rapid communication between military units in a combat situation, and as an armored combat vehicle equipped with machine guns and cannons. However, not all Russian military specialists were unanimous in their assessments of the use of the automobile in combat, which led to a polemic in which a number of articles analyzing important aspects of this problem were published in *Izvestia*. Unfortunately, Russia failed to create its own automobile industry, which was the cause of the Russian army's major failures on the battlefields of that war.

Keywords: the *Izvestiya Imperatorskoy Nikolaevskoy Voennoy Akademii* magazine [the Imperial Nicholas Military Academy News magazine]; Imperial Nicholas Military Academy; carriage; cart; cart horses; automobiles; Russian-Baltic factory; vehicle; load capacity; speed; World War I.

«КАЗАЛОСЬ, САМ АД РАЗВЕРЗСЯ...»

**Боевые ракеты Конгрева в русской армии
в ходе осады и взятия крепости Данциг в кампании 1813 года**

Сведения об авторах. Рогожан Николай Альфредович — преподаватель Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, подполковник, соискатель учёной степени кандидата исторических наук (г. Балашиха Московской обл. E-mail: R.nicholas@mail.ru);

Бурмакин Алексей Леонидович — доцент кафедры Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, полковник запаса, кандидат военных наук (г. Балашиха Московской обл. E-mail: aburmakin@list.ru).

Аннотация. В статье на основе опубликованных и архивных материалов рассматривается применение английских боевых ракет конструкции У. Конгрева в интересах русской армии при осаде крепости Данциг (ныне Гданьск, Республика Польша) и его влияние на создание отечественных боевых ракет. Осада Данцига стала первой операцией такого рода в Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Особенностью операции являлось включение в состав осадного корпуса контингентов союзных войск — Пруссии и Великобритании. Английская армия была представлена отрядом конной артиллерии, имевшим на вооружении боевые ракеты, в 1807 году с успехом применённые при осаде Копенгагена. На конкретных примерах рассмотрены достоинства и недостатки этого нового для регулярных армий Европы того времени оружия, выявленные русскими офицерами-испытателями.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; Заграничные походы; осада Данцига; ракеты Конгрева; А.И. Картмазов; П.И. Меллер-Закомельский; Ф.М. Шульман; Вилли Лей; А.Д. Засядко.

Период Наполеоновских войн является основополагающим в истории развития ракетного оружия, т.к. именно в то время боевые ракеты впервые вводятся в состав вооружений регулярных армий ведущих мировых держав, формируются первые воинские части, предназначенные для их боевого применения, закладываются основы их тактики.

110 лет назад, после победоносного завершения Отечественной войны 1812 года, русская армия начала кампанию за освобождение Германии — первый из Заграничных походов 1813—1814 гг. В сражениях 1813 года нашим воинам пришлось взаимодействовать со ставшими вновь союзными контингентами английских войск и их новым оружием — боевыми ракетами конструкции У. Конгрева.

Осада крепости Данциг (ныне Гданьск, Республика Польша) стала первой осадной операцией в ходе Заграничных походов. Она имела ряд особенностей как в организации боевых действий, так и в боевом применении вооружений.

Данциг, один из крупнейших балтийских городов начала XIX века, представлял собой весьма сильную крепость, являясь одним из центров наполеоновского во-

енного присутствия в Пруссии. С момента установления своего контроля французы постоянно держали здесь значительный гарнизон и проводили работы по усилению укреплений. По итогам катастрофической для Великой армии кампании 1812 года Данциг был также назначен одним из центров сбора и формирования войск. Таким образом, к началу 1813 года его гарнизон составлял около 36 тыс. человек

при 1300 орудиях. Возглавлял оборону дивизионный генерал Жан Рапп (Rapp), способный военачальник, известный своей храбростью¹. Газета «Монитор» от 26 января 1813 года писала: «Данциг, в настоящее время непобедимая крепость...»².

24 декабря 1812 года авангард 1-го отдельного пехотного корпуса генерала от кавалерии П.Х. Витгенштейна занял Кёнигсберг³ (ныне Калининград, Российская Феде-

рация), а 2 января 1813 года под Данцигом появились первые разьезды казаков генерала от кавалерии М.В. Платова. С 9 января около 7000 казаков начали блокаду города, а 15 января к ним подошла пехота генерал-лейтенантов Ф.Ф. Штейнгеля и Ф.Ф. Левиза. Штурм крепости был признан нецелесообразным, и 21 января П.Х. Витгенштейн с основными силами двинулся дальше. Через месяц, 21 февраля, оставшийся руководить блокадой генерал-лейтенант Ф.Ф. Левиз предпринял сильную атаку, вытеснив неприятеля из дальних предместий, чем подготовил позиции для осады. Весной к Данцигу подошли войска генерала от кавалерии герцога А. Вюртембергского, состоявшие в основном из дружин Санкт-Петербургского и Новгородского ополчений и резервных батальонов регулярных полков, впоследствии усиленные дружинами Тульского, Калужского, Ярославского ополчений и несколькими полками прусского ландвера⁴. Герцог принял главное командование 11 апреля. С этого времени началась подготовка к правильной осаде крепости.

Полноценно снабжённой запасами, защищённой активным и прекрасно вооружённым гарнизоном европейской крепости русская армия не осаждала практически со времён Северной войны (1700—1721 гг.). «...Наша осада и тем замечательна, что со времен Петра Великого русские не делали формальной осады...» — писал в своём дневнике генерал-лейтенант М.Д. Волконский, командовавший Тульским ополчением⁵, вошедшим в блокадный корпус. Основной проблемой русских войск под Данцигом являлась

острая нехватка тяжёлой осадной артиллерии. В мае к городу подошла эскадра контр-адмирала А.С. Грейга⁶, включавшая большое количество канонерских лодок и несколько бомбардирских судов (всего до 95 вымпелов⁷). Флот блокировал крепость с моря и предпринял попытки организовать регулярные бомбардировки, но в связи с неустойчивой погодой существенных результатов в этом не достиг. Ещё большие трудности пришлось преодолевать, наращивая сухопутную группировку. Здесь помощь оказали новообретённые союзники: Пруссия предоставила около полусотни тяжёлых орудий своей крепостной артиллерии, ещё столько же доставили из России. Самый существенный вклад сделала Англия, предоставив более сотни мортир, гаубиц и тяжёлых пушек⁸. Вместе с орудиями прибыл небольшой отряд Королевской конной артиллерии в составе майора А. Макдональда (Macdonald), капитанов Г.Дж. Маклауда (Macleod) и У. Монтегю (Montagu) с двумя десятками нижних чинов. На вооружении отряда состояли боевые ракеты конструкции У. Конгрева (Congreve). «...Перемирие кончилось. Началась серьёзная осада. До сих пор с февраля месяца была только блокада; теперь англичане привезли нам осадных орудий, конгревовых ракет и всякой всячины; мы занялись деланием фашинов и туров — и вскоре работа закипела», — писал ещё один очевидец событий прапорщик Санкт-Петербургского ополчения Р. Зотов⁹.

Новое, но уже громко заявившее о себе оружие вызвало интерес у российского императора Александра I и военных Российской империи¹⁰.

А. Вюртембергский

А.С. Грейг

Ж. Рапп

Д.М. Волконский

У. Конгрев

Бомбардировка Данцига
в 1813 г.

Художник О.В. Пархаев

В 1810—1812 гг. экстраординарный академик Академии наук К. Кирхгоф по заказу Учёного комитета по артиллерийской части уже проводил химический анализ ракетного состава (твёрдого топлива) попавших в его распоряжение образцов Конгрева¹¹. На основании этих экспериментов Учёный комитет предпринял попытки создания первых отечественных боевых ракет. Работы, возглавляемые членом комитета А.И. Картазовым, проводились в Санкт-Петербурге как раз в описываемое время¹².

Получив информацию о прибытии английской команды, император Александр приказал управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А.И. Горчакову организовать получение сведений о боевых ракетах. Горчаков в свою очередь поставил задачу инспектору всей артиллерии генерал-лейтенанту барону П.И. Меллер-Закомельскому, занимавшемуся, в числе прочего, и вопросами артиллерийского обеспечения данцигской осады. Штаб инспектора на тот момент располагался в Вильно (ныне Вильнюс, Литовская Республика).

В течение 17 августа инспектор направил начальнику Лифляндского артиллерийского округа полковнику (в дальнейшем генерал-майору) Н.И. Третьякову приказ, в котором дошёл до его сведения, что «Господин управляющий военным министерством в повелении своем ко мне за № 608 прописывает, что к Данцигу прибыла английская артиллерийская рота с зажигательными особого состава ракетами, испытания с коими производит ныне военно-ученый комитет. Между тем, благоугодно Его Императорскому Величеству дабы

я немедленно распорядился отправлением туда нескольких наших офицеров и лаборатористов, которые, оставаясь при английской роте, практически изучились бы употреблению и составу зажигательных ракет»¹³.

Аналогичный приказ был отдан и на тот момент подполковнику Ф.М. Шульману 1-му, командиру 6-й артиллерийской бригады¹⁴, с января командующему артиллерией блокадного корпуса¹⁵. Чтобы и лично иметь информацию об английском изобретении, инспектор также отправил под Данциг подпоручика находившейся в Вильно 8-й артиллерийской бригады С.Н. Чикина, молодого офицера, только в марте 1811 года выпущенного в армию из 2-го кадетского корпуса, но уже успевшего получить боевой опыт в сражениях с турками в Молдавии¹⁶. В помощь ему Шульман назначил прапорщика лёгкой роты № 40 из 21-й артиллерийской бригады А.А. Дитмара, принятого в службу «из лифляндских дворян» 21 сентября 1812 года, — одного из самых молодых офицеров своей части, так что осада Данцига была его боевым крещением¹⁷.

Примерно в то время, когда Чикин выезжал под Данциг, английские артиллеристы впервые провели там пуски ракет по городу, впрочем, без особого успеха. «17-го августа были сделаны великолепные приготовления по случаю конгревовых ракет. Английский артиллерист поставил у форштата Оры свой станок и объявил нам, что пустит в город 200 ракет, что верно в 30 местах загорится, что мы в это время должны сделать всеобщую тревогу, что Рапп сбесится и сделает вылазку, что мы разобьем его и ворвемся на плечах

его в Данциг. Весь осадный корпус стал под ружье. Началось бросание ракет — началось и кончилось. Город ни в одном месте не загорелся, Рапп не сбесился, не сделал вылазки, мы его не разбили — и разошлись преспокойно по домам...» — иронизировал Р. Зотов¹⁸. В оправдание неудачи можно привести только тот факт, что стрельба велась практически на предельную дальность.

Пока разворачивалась осадная артиллерия, в конце августа — начале сентября попытки атаки на город предпринимал флот. «4-го числа (сентября. — Прим. авт.) флотилия гребная, рано поутру, подошла к устью реки с запада... 1-й дивизион лодок... в 6 часов открыл беглый и самый сильный огонь... стали бросать бомбы и конгревы»¹⁹, — отметил в своих записках другой очевидец события, капитан-лейтенант барон В. Штейнгель. Судя по всему, английские артиллеристы передали часть боеприпасов русским морякам, к тому же в эскадру контр-адмирала А.С. Грейга входило несколько английских кораблей, матросы которых также могли быть обучены применению ракет Конгрева.

На дистанцию действительного артиллерийского огня осаждавшие смогли подойти только к концу сентября. В ночь на 29-е была произведена бомбардировка с северного направления от предместья Оливы. В. Штейнгель очень патетично описал это событие: «...Сделана была при темноте ночи фальшивая атака с левого фланга от Ашбуде на Оливские ворота, открытием сильной канонады из мортир, пушек и конгревовыми ракетами. Вскоре город был зажжен в 3-х местах, и ужасное кро-

Русские войска под Данцигом зимой 1813 г.
Немецкая гравюра, начало XIX в.

Памятник русским воинам, павшим при осадах Данцига
(1734. 1807. 1813)
Сооружён в 1898 г.
Гданьск, Республика Польша

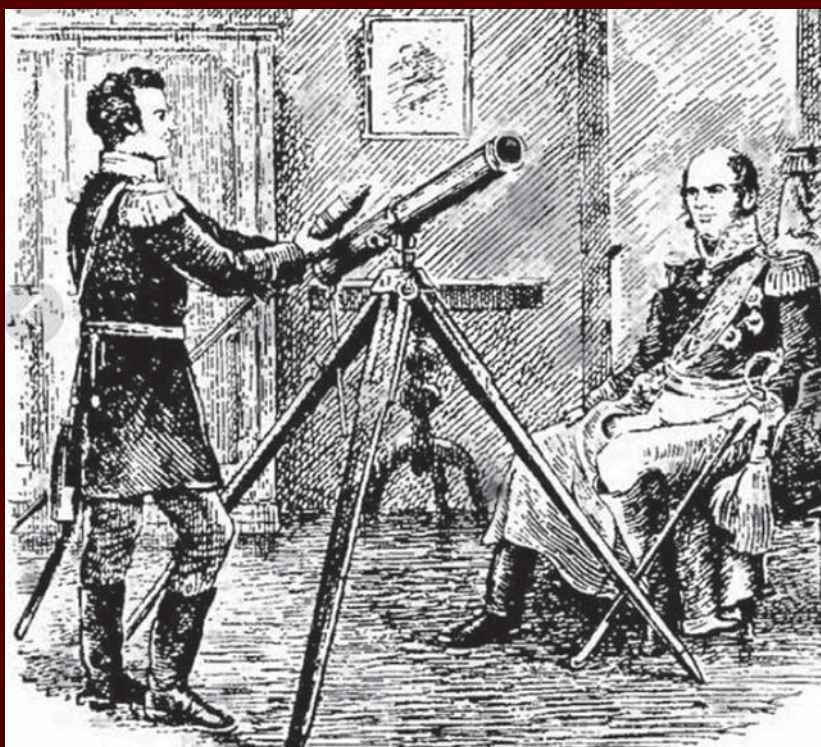
Ключи от Данцига, трофей русской армии

Нагрудная планка, означающая награждение золотой шпагой «За покорение Данцига». Принадлежала А. Вюртембергскому

Знак отличия Военного ордена № 33967, принадлежал канониру ракетного отряда Дж. Маккензи

Генерал-лейтенант А. Д. Засядко демонстрирует боевые ракеты генерал-фельдмаршалу М. Б. Барклаю де Толли в 1817 г.
Сонкин М. Русская ракетная артиллерия: исторические очерки. М., Воениздат, 1952.

вавое пламя отразило свет белой луны»²⁰. 30 сентября была заложена первая параллель против укреплений Бишофсберга. С октября интенсивность обстрела города постоянно возрастала. «Установя все осадные орудия, открыта была 7-го Октября по городу канонада, — и менее нежели в полчаса Данциг уже горел в 4 местах»²¹. Капитан П.-О. д'Артуа (d'Artois), инженер данцигского гарнизона, продолжает: «В самом деле в полседьмого вечера противник открыл огонь из всех своих батарей по городу Хольму и укрепленному лагерю Зиганкенберг... Они запустили в то же время множество ракет Конгрева с батареи, расположенной на середине контрфорса Кенигшталъ. Среди множества выпущенных ракет только две попали внутрь города. Часть из них взорвались в воздухе, большая часть во рву и на гласисе»²². Капитан д'Артуа, похоже, занижает размер урона, нанесённого городу. В памяти осаждавших тот день запечатлён иначе: «7-го Октября по наступлении вечера открыта сильнейшая канонада с батарей правого фланга, коими командовали флотские офицеры. Не прошло полчаса, как показался в городе сильный пламень, вскоре разлившийся подобно огненному морю... казалось, сам ад разверзся, в который со всех сторон летели огненные змеи, наполняющие воздух ужасным свистом и ревом, подобным грому, от коего самая земля дрожала»²³.

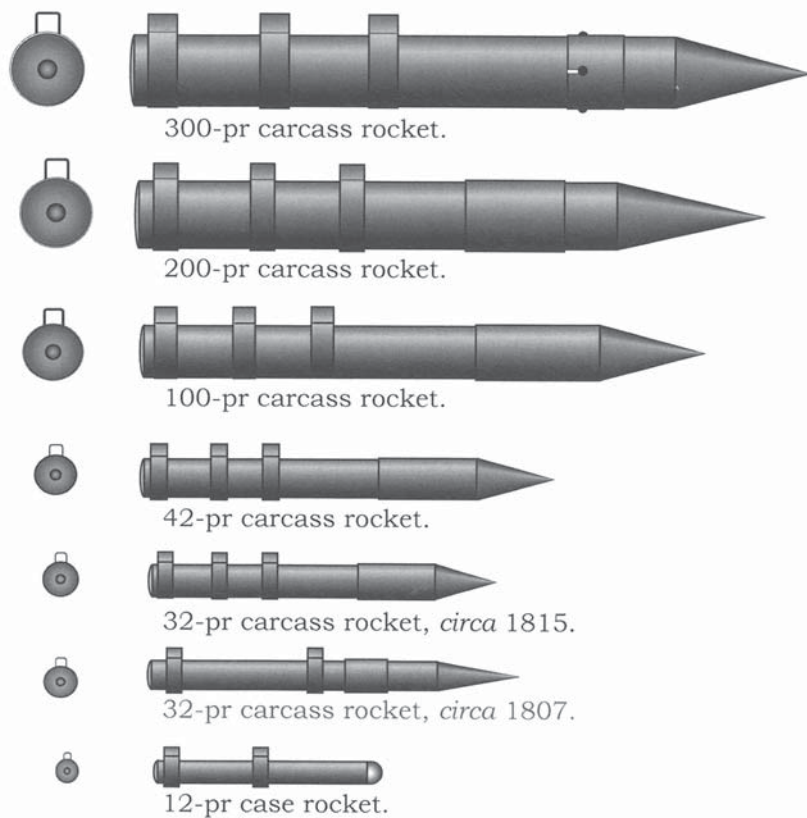
«Ночь с 17 на 18 была необычайно спокойной. Этот отдых, похожий на затишье перед бурей, означал, что осаждающие готовятся к очень важной операции. И действительно, 18-го в семь

часов утра, они запустили огромное количество зажигательных ракет, бомб и каленых ядер с четырех батарей Звезды, так же как с Кабуна, Шеллемюле, Йоханисберка и т.д... Бомбардировка продолжалась ночью с 18 на 19-е и весь следующий день»²⁴.

Эта бомбардировка подорвала силы защитников крепости. Несмотря на самоотверженную борьбу гарнизона, с пожаром справиться не удалось. Склады с основными запасами продовольствия были потеряны. Некоторые авторы, в частности Вилли Лей (Ley), напрямую связывают сожжение складов именно с действием ракет Конгрева²⁵. 23 октября была заложена вторая параллель, и положение гарнизона становилось незавидным — остановить продвижение противника он не мог. Тем временем обстрел продолжался: «Также отметим, 26-го, заметное ослабление их огня, что позволяет предположить, что противник занят ремонтом. Тем не менее он вскоре снова обрушился на город. За 24 часа было выпущено более 250 бомб и 500 ракет, гранат и каленых ядер, которые, среди всех зажигательных средств, были самыми опасными»²⁶.

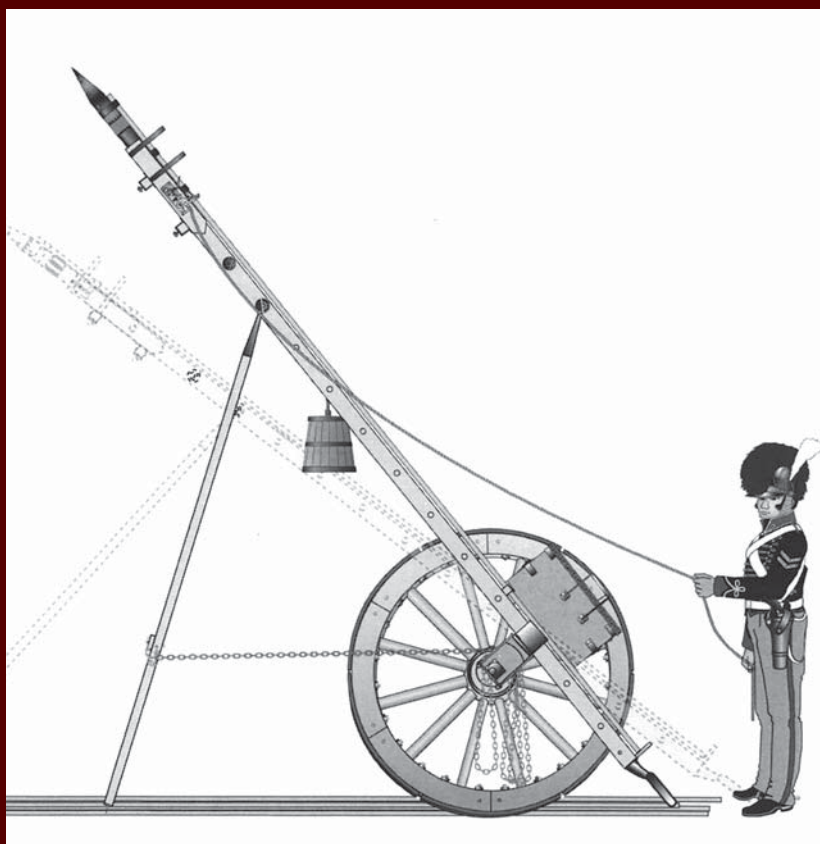
В этих условиях 13 ноября генерал Рапп начал переговоры, а 30-го капитуляция была подписана.

Взятие сильной крепости и одного из важных узловых пунктов балтийской торговли можно было считать большой победой. Применение реактивного оружия при осаде Данцига не показало всей заявленной эффективности и не стало решающим фактором победы. В то же время ракетный отряд внёс существенный вклад в артиллерийское обеспечение операции. Ко-

Основные образцы ракет У. Конгрева

Franklin C.E. British rockets of Napoleonic and colonial wars 1805—1901. Staplehurst: Spellmount Ltd, 2005.

Пусковая установка ракет У. Конгрева

Franklin C.E. British rockets of Napoleonic and colonial wars 1805—1901. Staplehurst: Spellmount Ltd, 2005.

мандующий осадным корпусом генерал от кавалерии герцог А. Вюртембергский был отмечен орденом Св. Георгия 2-го класса и Золотым оружием. Вклад английских ракетчиков также не остался незамеченным императором Александром. И хотя их действия не всегда были так эффективны, как рассчитывалось, отмечены они были более чем достойно. Все британские офицеры, участвовавшие в осаде, включая капитанов кораблей, получили ордена Российской империи. Макдональд стал кавалером ордена Св. Анны 2-го класса, Маклауд и Монтегю — Св. Владимира 4-го класса. Все 20 нижних чинов ракетной команды —

пять сержантов, капрал и 14 рядовых — были награждены знаками отличия Военного ордена²⁷.

Но на этом история с «данцигскими» ракетами Конгрева не закончилась. Российские офицеры внимательно изучили британские образцы. Подпоручик С.Н. Чикин и прапорщик А.А. Дитмар, которых можно считать одними из первых войсковых офицеров-испытателей ракетной техники, провели несколько опытных пусков, наблюдали ракеты в деле и могли сделать некоторые обобщения. По правде говоря, английское оружие не впечатлило русских артиллеристов. В своём рапорте полковник Ф.М. Шульман

высказался о них отрицательно, считая как дальность действия, так и фактическую точность ракет значительно уступавшими артиллерии, бывшей под его командованием²⁸. Тем не менее русская армия получила реальный боевой опыт применения реактивного оружия. Образцы ракет Конгрева из-под Данцига были направлены в Военно-учёный комитет в Санкт-Петербурге, что привело к активизации исследований по созданию отечественных боевых ракет²⁹. Комитет продолжал свои исследования до 1818 года, но ни самостоятельно, ни с привлечением сторонних специалистов создать боевые ракеты с удовлетворительными характеристиками не удалось.

В то же время передовые офицеры русской армии, понявшие потенциал реактивного оружия, оказались более заинтересованными в его принятии на вооружение. В 1815 году над созданием боевых ракет в инициативном порядке начал работать генерал-лейтенант А.Д. Засядко. Боевые ракеты и пусковые станки его конструкции в 1817 году прошли войсковые испытания в частях 1-й армии, расквартированных в районе Могилёва, и были высоко оценены командующим этой армией генерал-фельдмаршалом М.Б. Барклаем де Толли. Ходатайствуя перед Военным министерством о принятии их на вооружение русской армии, Барклай де Толли писал в Санкт-Петербург: «Полезность сих ракет неоспорима, равно как и необходимость иметь оные при войсках»³⁰. А.Д. Засядко вошёл в нашу военную историю и как крупнейший учёный и изобретатель боевых ракет, и как основоположник тактики ракетного оружия.

Канонир ракетного отряда Королевской конной артиллерии

¹ Подробную информацию по осаде Данцига см.: Военная энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1912. С. 40; *Кибовский А.В., Леонов О.Г.* 300 лет российской морской пехоте. Т. I (1705—1855). М., 2008. С. 208—213; *Smith D.* The Greenhill Napoleonic Wars Data Book: Actions and Losses in Personnel, Colours, Standards and Artillery, 1792—1815. London: Greenhill Books, 1998.

² *Кибовский А.В., Леонов О.Г.* Указ. соч. С. 209.

³ Здесь и далее хронология осады даётся в основном по: *Кибовский А.В., Леонов О.Г.* Указ. соч. С. 208—213.

⁴ Состав осадного корпуса дан по: Военная энциклопедия; *Smith D.* Op. cit.

⁵ *Волконский Д.М.* Дневник. 1812—1814 гг. // 1812 год...: военные дневники. М.: Советская Россия, 1990.

⁶ За отличие при осаде награждён чином вице-адмирала 4 сентября 1813 г.

⁷ Военная энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1912. С. 40.

⁸ Парк осадной артиллерии составил около 220 орудий, из них английский от 116 до 124, по разным данным.

⁹ *Зотов Р.* Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов, прапорщика Санктпетербургского ополчения. СПб., 1836. С. 157.

¹⁰ Подробнее о конструкции ракет Конгрева см.: *Winter F.H.*

The first golden age of rocketry. Washington: Smithsonian institution press, 1990; *Рогожан Н.А.* Ракеты Конгрева: развитие материальной части в эпоху Наполеоновских войн // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн: материалы XIV научной конференции. Калининград, 2016.

¹¹ О зажигательных ракетах (Конгревских) // Военный журнал. 1828. № III. С. 95.

¹² *Сокольский В.М.* Ракеты на твёрдом топливе в России. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 27.

¹³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. «Штаб генерал-фельдцейхмейстера». Д. 5808. № 5612.

¹⁴ Чин полковника присвоен Шульману 23 марта 1813 г., но в приказе он проходит ещё прежним чином.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. «Штаб генерал-фельдцейхмейстера». Д. 5799. Л. 49—50.

¹⁶ Там же. Л. 107.

¹⁷ Там же. Л. 400.

¹⁸ *Зотов Р.* Указ. соч. С. 157.

¹⁹ *Штейнгель В.* Записки касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обзором всех происшествий во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия

Данцига, писанные Фл. К. лейт. Б.В. Шт. Ч. 2. М., 1815. С. 111, 112.

²⁰ *Штейнгель В.* Указ. соч. С. 116.

²¹ *Зотов Р.* Указ. соч. С. 166.

²² Relation de la defense de Danzig, en 1813, par le 10e corps de l'armee francaise, contre l'armee combinee russe et prussienne par P.-H. D'Artois, capitaine du genie. Paris, 1820. P. 294, 295.

²³ *Штейнгель В.* Указ. соч. С. 118, 119.

²⁴ D'Artois... P. 316.

²⁵ *Лей В.* Ракеты и полёты в космос. М.: Воениздат, 1961. С. 54.

²⁶ D'Artois.... P. 326, 327.

²⁷ *Рогожан Н.А.* Применение реактивного оружия при осаде Данцига в 1813 году // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн. Материалы IX научной конференции. Калининград, 2011.

²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. «Крепости». Д. 3725. Л. 2—4.

²⁹ *Рогожан Н.А.* К вопросу о создании первых отечественных боевых ракет (дело оберберг-мейстера Чеботарева) // Военно-теоретический сборник «Известия» № 260. Проблемные вопросы строительства, истории развития и боевого применения РВСН. М.: ВА РВСН, 2016.

³⁰ *Ольховик Ю.И., Рогожан Н.А.* Первое поколение ракетного оружия Русской армии // Гуманитарный вестник. № 1(18). Балашиха: ВА РВСН, 2020.

N.A. Rogozhan, A.L. Burmakin

«IT SEEMED AS IF HELL ITSELF WAS UNFOLDING...»

Combat rockets Congreve in the Russian army during the siege and capture of the fortress of Danzig in the campaign of 1813

Information about authors. Nilolay Rogozhan — lecturer of the Military Academy of Strategic Rocket Forces named after Peter the Great, lieutenant colonel, applicant for a degree of Cand. Sc. (Hist.) (city of Balashikha, Moscow region. E-mail: R.nicholas@mail.ru);

Alexey Burmakin — assistant professor at the Military Academy of the Strategic Missile Forces named after Peter the Great, colonel (res.), Cand. Sc. (Mil.) (city of Balashikha, Moscow region. E-mail: abyrmakin@list.ru).

Summary. Based on published and archival materials, the article examines the use of British combat rockets designed by W. Congreve in the interests of the Russian army during the siege of the fortress of Danzig (now Gdansk, Republic of Poland) and its influence on the development of domestic combat rockets. The siege of Danzig was the first operation of this kind in the foreign campaigns of the Russian army in 1813—1814. Its peculiarity was the inclusion of contingents of allied forces — Prussia and Great Britain — in the siege corps. The British army sent a detachment of horse artillery, equipped with combat rockets that had been successfully used during the 1807 siege of Copenhagen. The advantages and disadvantages of this weapon, new to the regular armies of Europe at that time, as revealed by Russian test officers, are discussed on specific examples.

Keywords: Patriotic War of 1812; foreign campaigns; siege of Danzig; Congreve's rockets; A.I. Kartmazov; P.I. Meller-Zakomelsky; F.M. Shulman; Willie Ley; A.D. Zasyadko.

«ВСЕЙ РАБОТЫ НТК ЗА ПЕРИОД ВОЙНЫ НЕ ПЕРЕЧИСЛИТЬ...»

Деятельность Научно-технического комитета Народного комиссариата
ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Сведения об авторах. Прасников Владислав Борисович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: vbvladislav@yandex.ru);

Добрякова Марта Александровна — научный сотрудник Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (Санкт-Петербург. E-mail: vupc-vmf-3fil@mil.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются деятельность Научно-технического комитета ВМФ в годы Великой Отечественной войны, а также его огромная роль в использовании научных исследований для практического решения проблем кораблестроения, ремонта и боевого обеспечения. Приведена статистика реформирования и совершенствования структуры, организационно-штатных мероприятий в системе НТК, показано использование промышленного ресурса в создании новых и модернизации старых малоомощных производств под строительство боевых кораблей и катеров. Сделаны авторские выводы о необходимости поддержания военного кораблестроения и его научного обеспечения на высочайшем уровне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Научно-технический комитет; военная наука; история кораблестроения; региональные структуры НТК.

Великая Отечественная война стала величайшим испытанием для всего нашего народа и его Вооружённых сил. Свой значительный вклад в Победу внёс Военно-морской флот СССР, и самое непосредственное участие в её приближении, как показала практика, при-

нимала военно-морская наука. Война потребовала значительной перестройки работы Научно-технического комитета Народного комиссариата ВМФ¹, ставшего фактическим преемником Научно-исследовательского института военного кораблестроения² (НИИВК).

Как писал в своих воспоминаниях «70 лет службы на флоте и в военном кораблестроении» начальник Института военного кораблестроения с 1950 по 1969 год вице-адмирал Л.А. Коршунов, «по-видимому, мобилизационного плана для Научно-технического комитета не существовало, так как какой-либо ясности относительно нашей судьбы не было»³. Управление кораблестроения, которому подчинялся НТК, 23 октября 1941 года было эвакуировано из Москвы в Ульяновск, где находилось до 27 февраля 1942

года. К ноябрю 1941 года обстановка, складывавшаяся на советско-германском фронте, стала настолько тяжёлой и непредсказуемой, что было принято решение о преобразовании с понижением статуса и резким сокращением численности сотрудников дислоцированных в блокадном Ленинграде следующих научных организаций: НТК, Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ), Научно-испытательный минно-торпедный институт (НИМТИ).

В соответствии с приказом наркома ВМФ от 24 ноября

1941 года № 02433 Управление кораблестроения (УК) было переведено на новый штат, в котором НТК был преобразован в 4-й (научно-технический) отдел Управления кораблестроения ВМФ, АНИМИ — в научно-исследовательский отдел Артиллерийского управления (НИО АУ) ВМФ, а НИМТИ — в 3-й отдел Минно-торпедного управления ВМФ.

Испытательные базы НИМТИ на Черноморском и Балтийском флотах были расформированы. Следует заметить, что данные чрезвычайные преобразования не упоминаются авторами

«официальных» историй этих организаций.

По мере изменения ситуации на советско-германском фронте научно-исследовательским организациям ВМФ вновь был возвращён их прежний статус. Так, в соответствии с приказом НК ВМФ от 6 апреля 1942 года № 0304 4-й (научно-технический) отдел был выведен из состава Управления кораблестроения и вновь стал НТК ВМФ, оставаясь главным научным органом УК ВМФ. В свою очередь в это же время НИО АУ ВМФ вновь стал АНИМИ, а вот НИМТИ обрёл самостоятельный статус только в августе 1943 года.

В дальнейшем обязанности НТК в условиях военного времени были сформулированы в приказе наркома ВМФ № 0304 от 6 апреля 1942 года⁴. Эти новые обязанности возлагались на НТК в дополнение к тем, которые были определены «Положением о Научно-техническом комитете», утверждённым постановлением правительства 9 января 1939 года.

Между тем в Ленинграде в течение первых 7–8 месяцев войны находилась часть руководства и значительное число сотрудников НТК. Тяжёлая обстановка, в которой приходилось работать в то время личному составу НТК, направление его деятельности и настроение людей довольно точно воспроизводятся в докладе начальника НТК инженер-контр-адмирала А.А. Жукова начальнику Управления кораблестроения Н.В. Исаченкову и заместителю наркома ВМФ по кораблестроению Л.М. Галлеру от 25 марта 1942 года. «НТК в целом существует и работает, — писал он. — Личный состав НТК, находящийся в Ленинграде, с первого дня

войны сделал многое: НТК оборудовал более 60 боевых и вспомогательных судов КБФ, десятки кораблей ЧФ, СФ и ТОФ защитными устройствами от магнитных мин (система Ленинградского физико-технического института); им разработаны проекты, составлены инструкции, которыми пользуются все флоты; подготовлены и разосланы всем флотам приборы. На складах флота и промышленности был найден нужный кабель.

— НТК оборудовал 14 деревянных судов под тральщики магнитных мин и вместе с сетевыми электромагнитными тралами передал их КБФ.

— НТК организовал и обеспечил установку семи батарей в районе Ладожского озера и реки Невы.

— НТК разработал проект и организовал постройку 140 плашкоутов для перевозки водою различных грузов. Эти плашкоуты сыграли немалую роль в переправе танков «КВ» в районе верховья Невы (очевидно, имелся в виду район «Невского пяточка». — **Прим. авт.**). Потребность в плашкоутах подтверждается многочисленными запросами Ленфронта.

— НТК организовано, построено на судостроительных и других заводах и смонтировано оперативной группой на линии фронта 625 броневых дотов различной конструкции.

— НТК проводил работу по изучению систематизации и обобщению боевого опыта. Практические мероприятия представлены к реализации предприятиям тыла и промышленности. Всей работы НТК за период войны не перечесть...»⁵.

Это донесение создавалось в самые тяжёлые дни блока-

В.Г. Власов

А.К. Попов

М.А. Рудницкий

Руководящий состав НТК ВМФ в блокадном Ленинграде. В первом ряду слева направо: Л.А. Коршунов, Н.П. Сербин, А.А. Жуков, А.В. Каменский
Март 1942 г.

Сотрудники конструкторского бюро НТК ВМФ в Ленинграде. Слева направо: Л.Я. Ващин, В.Т. Демьянюк, А.Н. Середин
1942 г.

Большой охотник за ПЛ проекта 122а

ды Ленинграда, который тогда подвергался непрерывной бомбёжке и артиллерийскому обстрелу, а его героические защитники страдали от холода и голода.

Если проанализировать краткие страницы доклада начальника НТК инженер-контр-адмирала А.А. Жукова, то станет понятно, что НТК осуществил решение чрезвычайно важной в то время задачи обеспечения защиты кораблей от подрыва на магнитных неконтактных минах, широко применявшихся противником и являвшихся тогда большим техническим новшеством. Совместно с Академией наук СССР при участии будущих академиков А.П. Александрова и И.В. Курчатова корабли в короткие сроки получили достаточно надёжные средства от магнитных мин. Активными участниками этой работы от НТК были офицеры И.В. Климов, А.В. Курленков и Б.А. Ткаченко.

Использование корабельной брони для долговременных огневых точек различной конструкции и установка их на линии фронта осуществлялись оперативной группой (начальник группы инженер-капитан 3 ранга П.Г. Котов⁶), в которую входили сотрудники НТК А.М. Зиппет, Л.М. Ишов, Н.Н. Лесников, Г.М. Малкин, А.М. Хватовкер и др. Общее руководство группой осуществлял начальник НТК инженер-контр-адмирал А.А. Жуков, одновременно являвшийся в то время помощником начальника Морской обороны Ленинграда по технической части.

Однако в кратком отчёте о деятельности НТК за 1943 год⁷ о ленинградской группе НТК говорится совершенно по-иному: «...Ленинградская группа НТК представ-

ляла из себя организационно бесформенную группу офицеров НТК⁸» и далее: «Различные обстоятельства неизбежно привели к снижению авторитета НТК как в системе ВМФ, так и в промышленности. Завершением этих аморальных болезней явилось самоубийство бывшего начальника НТК инженер-контр-адмирала Жукова»⁹.

Из воспоминаний вице-адмирала Л.А. Коршунова: «В тяжёлый период блокады (Ленинграда. — Прим. авт.) Научно-технический комитет пережил свою трагедию. Находившийся осенью 1942 г. в командировке в Москве А.А. Жуков там, в служебном кабинете Управления кораблестроения, покончил с собой — застрелился. Причина самоубийства осталась неизвестной. Каких-либо предпосылок к этому мы не видели... Строили предположения, что он переживал открывшиеся в ходе войны отдельные недостатки кораблей, созданных в бытность его начальником Управле-

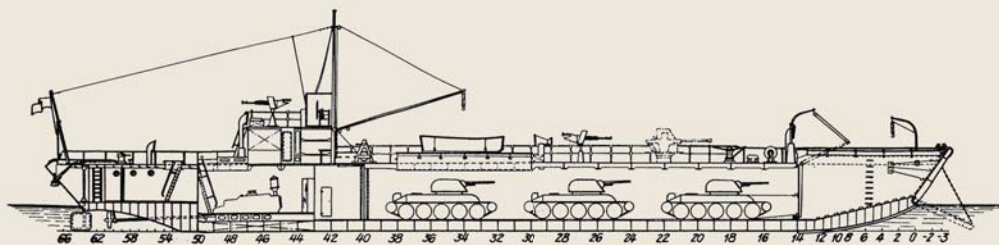
ния кораблестроения ВМФ. Но это были лишь догадки, так как недостатки кораблей устранялись, и никто из-за них не был привлечён к ответственности»¹⁰. Историк В.М. Лурье указывает другие месяц и даже год трагедии — 12 января 1943 года¹¹.

Наиболее откровенно и, очевидно, ближе всего к истине пишут в своей книге «Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР» П.И. Качур, А.Б. Морин: «Этот же вопрос (прочности. — Прим. авт.) обсуждался в конце 1942 г. на специальном совещании с участием И.В. Сталина, однако серьёзных оргвыводов и применения репрессивных мер к судостроительной промышленности после рассмотрения, к счастью, не последовало. Однако несчастье всё же произошло: прибывший из осаждённого Ленинграда по вызову командования в Москву начальник НТК ВМФ инженер-контр-адмирал А.А. Жуков — начальник Управления кораблестрое-

ния (в 1938—1939 гг.) не выдержал острой критики в свой адрес и застрелился 12 января 1943 года в служебном кабинете. Между тем в аварии эсминца «Громкий» и катастрофе «Сокрушительного» была своя доля вины как судостроительной промышленности, так и ВМФ»¹².

У авторов также есть косвенные подозрения в активной «подковёрной» борьбе за лидерство в НТК между оставшейся в Ленинграде и эвакуированной в Казань группами сотрудников НТК, в которой победила казанская группа. С назначением начальником НТК инженер-контр-адмирала А.А. Якимова руководство региональными группами НТК (в т.ч. Ленинградской) осуществлялось из Казани.

В годы войны начальниками НТК были инженер-контр-адмиралы А.А. Жуков (1940—1943), А.А. Якимов (1943—1944), Н.В. Алексеев (1944—1945 гг.). Непосредственно на местах подразделениями НТК во время вой-

ГЛАВНЫЕ РАЗМЕРЕНИЯ

Длина по КВЛ.....	50,0 м
Ширина по КВЛ.....	7,0 м
Высота борта у миделя.....	4,0 м
Осадка в полном грузу с 3 танками „КВ“ средн.....	1,60 м
Тот же без груза, но с водой в дифференциальных отсеках (для выравнивания дифферента) средняя.....	1,19 м
Осадка в полном грузу (с 3 танками „КВ“) и заполненной кормовой дифференциальной системой: носом 1,44 м, кормой 1,99 м, средней 1,71 м	
Водоизмещение в пресной воде в полном грузу с 3 танками „КВ“.....	455 т
Водоизмещение без груза.....	287,4 т
Начальная поперечная м-ц высота при водоизмещении в полном грузу.....	1,62 м

ГРУЗОВОСТИМОСТЬ

3 танка „КВ“, или 4 танка типа „Т-34“, или 6 штучных грузов (взамен танков или автомаш) 165 т	
Площадь трюма №1 (танкового).....	182 м ²
Площадь трюма №2.....	21 м ²
Габарит трюма №1 (в свету).....	26×6×3 м
Тот же трюма №2.....	2,8×5,5×3 м

ГРУЗОВОЕ УСТРОЙСТВО

Стрела 2-х тонная с ручной лебедкой	
Грузовой люк размером 4,2×8 м для погрузки танков береговым крапом	
Ворота в носовой части для погрузки танков своим ходом. Размер ворот: ширина в свету 4,70 м	
Сходня для выгрузки танков своим ходом: Длина сходни.....	3,50 м
Максимальный угол склона сходни.....	30°
Время постановки сходни.....	ок. 10 мин.

ВООРУЖЕНИЕ

Артиллерийское: 1-37мм автомат системы 70К	
1×42мм пулемета сист. ДШК	
Минное-минные пути для 24 мин весом по 1000 кг	
БОЕЗАПАС	
Для 37мм автомата 1500 патронов на ствол	
Для ДШК по 3000 патронов на ствол	
МЕХАНИЗМЫ	
Тип главных двигателей-шарма „Дженераль Моторс“	
Мощность при длительной работе.....	400 лс
Мощность при кратковрем. работе (до 15 мин).....	500 лс
Запас топлива (общий).....	9 т
Скорость хода на спокойной и глубокой воде при полном водоизмещении и эксплуатационной мощности механизмов 10 узл.	
Дальность плавания при скорости хода 10 узлов.....	450 миль
Мореходность при состоянии моря до 8 баллов	
Автономность плавания.....	2,5 суток

Материалы по проекту см. черт. №№ 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103 и 104

Универсальная десантная баржа (эскизный проект КБ НТК)

ны руководили: в Казани — инженер-контр-адмирал В.Г. Власов (он был назначен заместителем начальника НТК в 1940 г.), а с 1943 года инженер-капитан 1 ранга А.К. Попов; в Ленинграде — инженер-капитан 1 ранга Н.П. Сербин, а с 1943 года — инженер-капитан 1 ранга Л.А. Коршунов; в Горьком — инженер-капитан 1 ранга М.А. Рудницкий и в Москве — инженер-капитан 2 ранга Ю.П. Потапов. Следует сказать также, что некоторые сотрудники НТК — П.А. Панцерный, Н.П. Сербин, А.А. Фролов, А.А. Якимов — командировались в США для закупки военно-морской техники по ленд-лизу. Таким образом, основным местом дислокации НТК стала Казань.

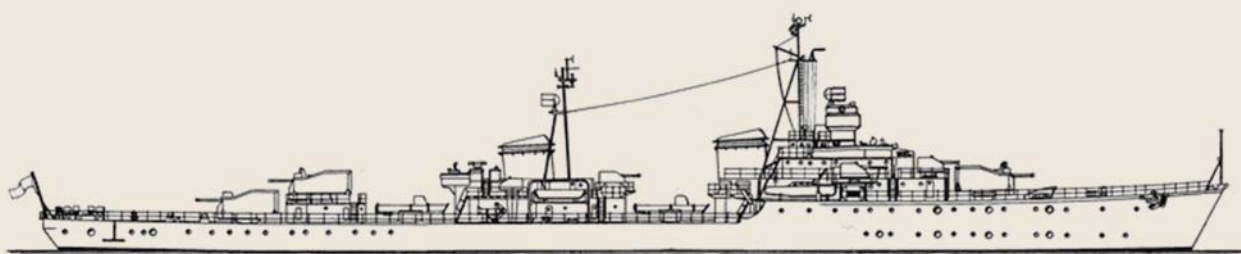
Казанская группа НТК была создана 10 мая 1942 года в соответствии с приказом НК ВМФ № 0304 от 6 апреля о преобразовании Научно-технического отдела УК ВМФ в НТК ВМФ.

В Казани НТК размещался в нескольких помещениях на одном из этажей недостроенного (введено в строй в 1945 г.) здания Казанского финансово-экономического

института (ныне это Казанский (Приволжский) федеральный университет), располагавшегося по адресу: ул. Бутлерова, д. 4. Условия для работы были тяжёлые. «Крайняя стеснённость служебных помещений (две комнаты для служебной работы офицеров), частые перебои с электроэнергией, холод (зимой 1942/43 г. люди работали сидя в валенках, шинелях и рукавицах), при недостаточном питании и плохих бытовых условиях, создали тяжёлые условия для работы...»¹³.

Разумеется, современному исследователю, сидящему за компьютером в тёплом кабинете, непросто судить об условиях, в которых работала казанская группа НТК, но следует заметить, что Казань находилась в глубоком тылу и до неё не долетел ни один фашистский снаряд, не упала ни одна авиабомба! Поэтому условия, в которых работала ленинградская группа НТК в 1941–1943 гг., надо признать сверхтяжёлыми, просто нечеловеческими! Ленинградская группа НТК располагалась на Васильевском острове по адресу:

Филологический переулок, д. 3. Водопровод не работал, воду возили из Невы в бочке, зимой на санках. Для обогрева использовали печки-буржуйки. В качестве топлива НТК были выделены два старых деревянных дома в дачном посёлке Парголово¹⁴. С большим трудом их разобрали и перевезли на Васильевский остров. Дрова расходовали очень экономно, все печи топили только в сильные морозы. Работали одетыми по-зимнему, иногда в шапках. Фашисты постоянно бомбили и обстреливали Ленинград. Как выяснилось много позже, здание НТК в Филологическом переулке было отмечено на немецкой карте как важный объект для артобстрелов. По воспоминаниям Л.А. Коршунова: «При одном из обстрелов снаряд попал в здание НТК и разорвался в комнате политотдела. Осколки прошили сейф с документами, но стоявший за ним человек не пострадал»¹⁵. 1 января 1942 года мощной взрывной волной в здании НТК была выбита большая часть окон, в т.ч. в кабинете, который занимал Л.А. Коршунов.

ГЛАВНЫЕ РАЗМЕРЕНИЯ

Длина по КВЛ	126,0м
Ширина по КВЛ	10,0м
Высота борта у миделя	7,2м
Водоизмещение стандартное	3200 т
Водоизмещение нормальное	3547 т
Объём средней при нормальном водоизмещении	4,15м
<u>Остойчивость</u>	
Поперечная МЦ Высота при ДСТ	0,7м
То же при Дн	1,11м
То же при Дп	1,25м
<u>Вооружение</u>	
В-130мм орудий в 34 спаренных	

УСТАНОВКИ ОМ-2

В-45мм автоматов в спаренных стабилизированных установках	
В-533мм 51трубных ТА	
В-бомбомета БМС-1	
В-корневой бомбосрабатыватели	
<u>Оборудование</u>	
Станция "Рибс"	1 ком.
"Риб" "	1 ком.
"Свой-чуждой"	2 ком.
"Марс"	1 ком.
"Юпитер 2Б"	2 ком.
Станция разведки	
Станция помех	

Безопас

Для 130мм орудий	1200шт.
Для 45мм автоматов	12000шт.
БГВ	48шт.
Торпед	10шт.
<u>Механизмы</u>	
Мощность ГЛ механизмов	~7000лс
Тип и число двигателей:	
Турбо-зубчатых агрегатов	2
Котлов	4
Скорость полного хода	36 узл.
Скорость экономичного хода	14 узл.
Дальность плавания экономичным ходом	5700миль

Эсминец пр. 40 (эскизный проект КБ НТК ВМФ)

Питались сотрудники НТК по пятой (самой низкой) военной норме в столовой Адмиралтейства, куда зимой ходили по льду через Неву. Как вспоминал Л.А. Коршунов, «запомнилось такое обеденное меню: на первое совершенно жидкий крупяной суп, на второе — оладьи из смеси картофельной шелухи с гущей суррогатного кофе»¹⁶.

В Казанской группе НТК под руководством крупного учёного, профессора инженер-контр-адмирала В.Г. Власова проводилась большая работа по изучению опыта борьбы личного состава кораблей за живучесть и непотопляемость кораблей. Так, были разработаны альбомы непотопляемости эскадренных миноносцев проектов 7 и 7у, которые позволяли быстро, без аналитических расчётов, графически определить положение повреждённого корабля не только после затопления части его отсеков, но и после отрыва носовой или кормовой оконечностей корпуса. Каждый альбом состоял из отдельных диаграмм, число которых соответствовало числу отсеков, и их комбинаций. На каждой из диаграмм были показаны шкалы аварийных осадок кормой и носом, значение метацентрической высоты¹⁷, запаса плавучести. Проведя прямую линию, положение которой определялось районом затопления, можно было получить данные об остойчивости и плавучести повреждённого корабля. Кроме того, в альбомах были приведены справочные данные, необходимые для выравнивания корабля посредством контрзатопления отсеков и перекачки топлива.

К сожалению, эта очень ценная документация попа-

ла на флоты только в начале 1944 года, когда боевое применение относительно крупных надводных кораблей в основном прекратилось.

Следует отметить ещё две небольшие группы сотрудников НТК в других регионах. Например, группа специалистов во главе с инженер-капитаном 1 ранга М.А. Рудницким работала в Горьком на заводе «Красное Сормово». Она осуществляла военно-научное сопровождение достраивавшихся там подводных лодок типа «С» IX-бис серии, а также обеспечивала их испытания на Каспийском море и перевод по внутренним водным путям на действующие флоты, правда, уже в самом конце войны. Группа М.А. Рудницкого тесно взаимодействовала с эвакуированными в Горький проектным главком Наркомата судостроительной промышленности и ЦКБ-18¹⁸.

Небольшая группа во главе с инженер-капитаном 2 ранга Ю.П. Потаповым находилась в Москве и занималась разработкой способов маскировки кораблей, а также выполняла отдельные задания Главного штаба ВМФ.

В апреле 1942 года приказом наркома ВМФ при ленинградской группе НТК было создано конструкторское бюро. Штат КБ состоял из 23 вольнонаёмных сотрудников и одного военнослужащего — начальника КБ. Укомплектовать КБ вольнонаёмными сотрудниками в условиях блокады было не просто. Так, к концу 1942 года удалось заполнить всего семь вакансий. В то же время при отсутствии в Ленинграде полноценных конструкторских бюро судостроительной промышленности военный совет КБФ часто требовал срочного

Н.В. Алексеев

Л.А. Коршунов

Здание, в котором располагалась ленинградская группа НТК
Ленинград, Филологический переулок, д. 3

Первая на Балтийском флоте станция безобмоточного размагничивания СБР-11

Повреждённый крейсер пр. 26-бис «Молотов» в плавучем доке 1942 г.

Один из вариантов эскизного проекта тяжёлого крейсера пр. 82

Здание Казанского финансово-экономического института (ныне Казанский (Приволжский) федеральный университет) по адресу: ул. Бутлерова, д. 4, в некоторых помещениях которого располагалась казанская группа НТК

выполнения того или иного оперативного задания. Поэтому по просьбе инженер-контр-адмирала А.А. Жукова штаб КБФ прикомандировал к КБ НТК восемь краснофлотцев, имевших высшее инженерное образование. В 1944 году всем им были присвоены офицерские звания¹⁹.

С началом войны изучение опыта боевого использования кораблей и боевых катеров было возложено на ленинградскую группу НТК. Первые материалы о боевых повреждениях были собраны офицерами НТК на эсминце «Стережущий» 29 июня 1941 года. На второй день войны эсминец получил повреждения от взрыва мины в параване²⁰. В дальнейшем материалы о повреждениях боевых кораблей и катеров поступали с флотов, собирались и обобщались специалистами НТК практически непрерывно²¹.

В течение первых полутора лет войны изучение и обобщение боевого опыта велось параллельно ленинградской и казанской группами НТК. В Казани эта работа проводилась совместно с ЦНИИ-45. Однако при выявлении тех или иных недостатков на кораблях совместная работа специалистов НТК и ЦНИИ-45 из-за различной ведомственной принадлежности организаций очень часто приводила к разногласиям, что тормозило работу. Поэтому с 1943 года НТК начал заниматься обобщением боевого опыта самостоятельно²².

Военное кораблестроение в годы Великой Отечественной войны не стояло на месте: строились бронекатера, торпедные катера, охотники за подводными лодками и другие малые корабли на речных заводах, расположенных в глубине страны;

достраивались надводные корабли и катера.

В глубине страны, несмотря на тяжёлую обстановку, были построены небольшие предприятия и переведены на военное кораблестроение принадлежавшие различным наркоматам речные судостроительные заводы. На них строились большие и малые охотники за подводными лодками, торпедные катера и другие небольшие корабли.

Так, в Тюмени строились торпедные катера проекта 123-бис, затем — проекта М123-бис; в Красноярске, Куйбышевском затоне и Новосибирске — бронекатера проекта 1124; в Перми — бронекатера проекта 1125; в Зеленодольске — бронекатера проекта 1124 и большие охотники. В посёлке Сосновка на р. Вятка — охотники за подводными лодками проекта ОД-200. В Туапсе и Поти были достроены несколько подводных лодок и один эсминец проекта 30 «Огневой».

На Дальнем Востоке были достроены два крейсера про-

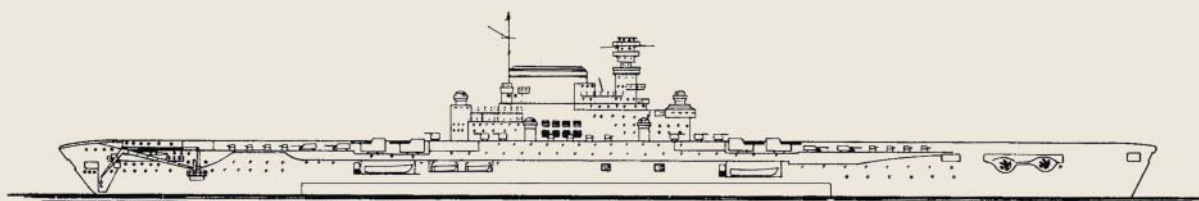
екта 26-бис — «Калинин» и «Каганович» — и три крупных речных монитора проекта 1190 типа «Хасан».

В 1943 году объём материалов по боевым и эксплуатационным повреждениям кораблей, направленных в Ленинград и Казань, составил 2961 машинописный лист, 86 чертежей и 14 фотографий. Конечно, эти материалы существенно обогатили выпускавшийся с 1942 года НТК бюллетень «Ведомости с выводами и предложениями по выявленным недостаткам в конструкции корпусов, механизмов и электрооборудования кораблей». Изложенные в нём предложения рассматривались Управлением кораблестроения, докладывались замнаркома ВМФ адмиралу Л.М. Галлеру и по его решению направлялись в конструкторские бюро для реализации.

Значительная часть собранных материалов была издана в бюллетенях, получивших название «Материалы о боевых повреждениях

кораблей ВМФ и поведении их при различных условиях службы в военное время». Тщательному анализу подверглись боевые повреждения, полученные линейными кораблями, крейсерами, эсминцами, подводными лодками, торпедными катерами, охотниками за подводными лодками, бронекатерами и другими катерами.

Всего за 1942—1945 гг. НТК выпустил 21 многотиражный бюллетень общим объёмом свыше 300 печатных листов со 150 схемами и 200 фотографиями²³. Значительная часть материалов представляла собой научные исследования и научно-технические отчёты НТК о своей деятельности с конкретными рекомендациями, полученными по опыту войны. Собранные материалы имели большую ценность не только в качестве рекомендаций для внедрения на кораблях ВМФ, но и как научно-технический задел, необходимый для дальнейшего развития военно-морской науки и тех-

Главные размеры

Длина по КВЛ	224 м
Ширина по КВЛ	27,9 м
Высота борта	20,9 м
Водоизмещение полное	28800 т
Водоизмещение стандартное	23700 т
Осадка при полном водоизмещении	8,45 м
Осадка при стандартном водоизмещении	7,23 м
<u>Коэффициенты полноты при T=7,23 м</u>	
Водоизмещения	$\delta = 0,526$
Ватерлинии	$\alpha = 0,672$
Миделя	$\beta = 0,963$

Начальная метациентрическая высота
При D полном **2,80 м**

Вооружение

Артиллерийское

- III** - 130 мм оспаренных
- VI** - 85 мм оспаренных
- VII** - 37 мм оспаренных
- XXIV** - 23 мм оспаренных

Парованное

Парован - охранитель 2 компл.

Самолетное

Самолеты 30

Боезапас

- 130 мм - 250 выстрелов на ствол
- 85 мм - 300 выстрелов на ствол
- 37 мм - 1500 выстрелов на ствол
- 23 мм - 3300 выстрелов на ствол

Бронирование

Борт 90 мм
Палуба 30 + 55 мм

Механизмы

- Двигатели - паровые турбины
- Количество и мощность двигателей 4 × 3600 л.с.
- Количество и производительность котлов 8 × 73 т/час
- Скорость полного хода 30 узл.
- Скорость экономичекого хода 18 узл.
- Дальность плавания экономическим ходом 10000 миль

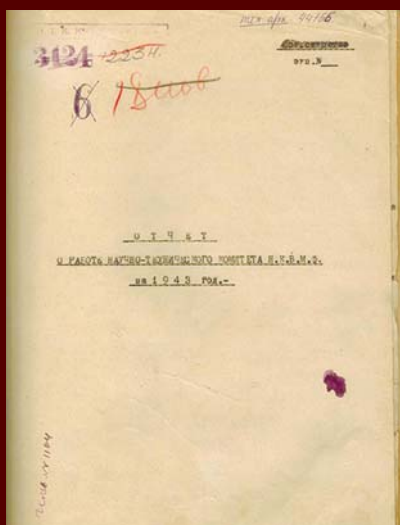
Комплектация

Состав команды 2000 чел.

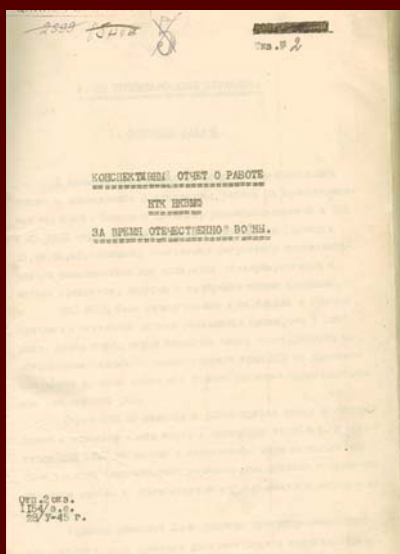
Один из вариантов эскизного проекта авианосца

Обложка Бюллетеня НТК ВМФ

Титульный лист Отчёта о работе НТК ВМФ за 1943 г.

Титульный лист Конспективного отчёта о работе НТК ВМФ за время Великой Отечественной войны

ники. Изучение и обобщение боевого опыта позволили выявить положительные и отрицательные качества кораблей и боевых катеров, сделать объективные выводы об их действительных тактико-технических характеристиках.

В 1943—1944 гг. были разработаны проекты ледовой защиты крейсеров проекта 26-бис, лидеров пр. 1 и 38, эскадренных миноносцев пр. 7 и 7у, тральщиков пр. 53, катеров типа МО-4, бронекатеров пр. 1124 и 1125.

Под руководством отдела ледовой защиты в 1944 году был спроектирован кормовой кессон²⁴ для линейного корабля «Архангельск»²⁵. Кессон был предназначен для производства работ по ремонту корпуса корабля и его винторулевой группы.

Таким образом, в результате работ отдела ледовой защиты кораблей НТК корабля ВМФ СССР получили возможность вести боевые действия во льдах и совершать межтеатровые переходы Северным морским путём²⁶.

После Сталинградской битвы, положившей начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны, с 1943 года постепенно начали меняться задачи, стоявшие перед НТК. В планах научно-исследовательских работ появились темы, учитывавшие опыт войны и ориентированные не на текущие задачи, а на послевоенную перспективу. Вот лишь некоторые из них: «Анализ устойчивости и непотопляемости кораблей на основании опыта боевых действий на море», «Разработка требований к проектированию машинно-котельных установок по опыту их работы в условиях военного времени», «Изучение иностранного кораблестро-

ения, анализ механических установок американских и немецких кораблей и разработка на его основе рекомендаций по применению пара с высокими параметрами», «Разработка общих требований к электрооборудованию кораблей в части рода тока, напряжения, схемы генерирования защиты и живучести».

Эти и аналогичные научно-технические проблемы становились предметом широкого обсуждения и острых дискуссий на научно-технических конференциях и заседаниях НТК, проходивших в Казани. К участию в них привлекались специалисты промышленности. В ходе дискуссий отрабатывалась единая техническая политика по многим вопросам послевоенного кораблестроения. Научно-исследовательские работы НТК военного времени, в которых широко использовался опыт войны и изучалось иностранное кораблестроение, легли в основу разработки оперативно-тактических требований и тактико-технических заданий ВМФ на проектирование кораблей первой послевоенной программы военного кораблестроения.

Большое внимание уделялось изучению опыта зарубежного кораблестроения. С этой целью 15 июля 1943 года в НТК было создано бюро переводов²⁷, с помощью которого был организован перевод иностранной технической литературы. Вот лишь некоторые названия переводов, выполненных в годы войны: «Правила постройки кораблей в Англии и США», «Типовые спецификации Британского адмиралтейства на постройку линейных кораблей типа

«Король Георг V» и эсминцев военного времени», «Общие спецификации департамента кораблестроения США на постройку кораблей».

Переводились английские и американские спецификации на материалы и оборудование, инструкции и описания различных механизмов и систем кораблей США и Англии, в т.ч. описание котельных установок новейших американских эсминцев, торпедных катеров различных типов, дизельных тральщиков и охотников за ПЛ. Всего с 1943 по 1945 год бюро переводов НТК выполнило несколько сотен технических переводов.

Изучение иностранных материалов и личное знакомство специалистов НТК с английскими и американскими кораблями, ориентированное прежде всего на использование передового иностранного опыта в послевоенном отечественном кораблестроении, позволило составить достаточно объективную оценку качества отечественных кораблей. Наши корабли довоенной постройки уступали кораблям иностранных флотов в мореходности, прочности и дальности плавания. В то

же время они, как правило, превосходили иностранные аналоги в мощности оружия. По оборудованию и площади жилых помещений отечественные корабли также превосходили иностранные, хотя отдельные предметы бытового оборудования (камбузы, прачечные) на иностранных кораблях были лучше²⁸.

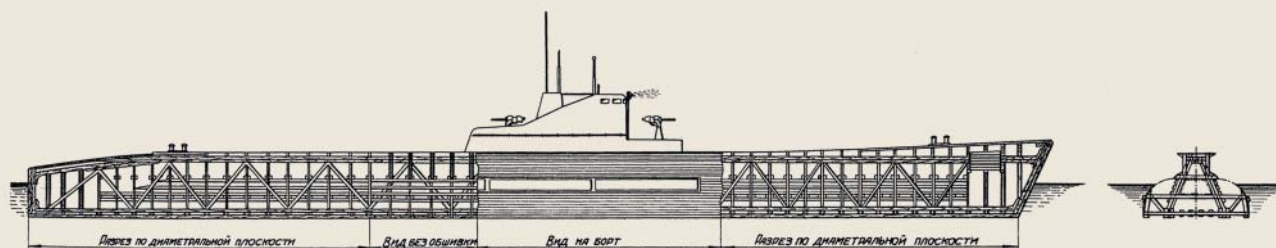
С 1943 года НТК и его проектное бюро совместно с КБ судостроительной промышленности выполнили ряд проектных проработок исследовательского характера: проекты большой дизельной ПЛ, сторожевого корабля, воспроизведение теоретического чертежа английского эсминца «Кассандра»²⁹, который ремонтировался на Мурманском судоремонтном заводе³⁰.

Силами НТК в годы войны были осуществлены исследования перспективных разработок с прицелом на будущее для использования и реализации в послевоенном кораблестроении.

Вот некоторые из этих исследований: анализ устойчивости и непотопляемости кораблей на основе опыта боевых действий на море и изучения иностранных ко-

раблей; создание альбомов непотопляемости лидеров и эсминцев; разработка требований, предъявляемых к проектированию машинно-котельных установок (по опыту работы машинно-котельных установок в условиях военного времени); выработка рекомендаций по применению высоких параметров пара для новых главных турбомеханических установок (на основе анализа подобных агрегатов американских и немецких кораблей); создание общих требований, предъявляемых к электрооборудованию кораблей (род тока, напряжение, выбор схемы генерирования); требований к управляемости, живучести и надёжности.

В НТК по его проектам совместно с конструкторскими бюро судостроительной промышленности были разработаны проекты кораблей, которые определялись особенностями боевых действий. Они с успехом использовались в ходе войны. Это были тральщики — минопрорыватели магнитных минных полей, зенитные плавбатарей, плавающие контейнеры для жидкого топлива, переоборудованные

ГЛАВНЫЕ РАЗМЕРЕНИЯ

Длина наибольшая.....	59м
Длина у основной.....	57м
Высота корпуса у ∞	3,8м
Осадка корпуса на ровный киль.....	2,0м
Ширина корпуса по былям.....	6,2м

Полноразмерный макет ПЛ типа «Щ» (проект КБ НТК ВМФ)

под станции размагничивания судна и т.д.

К концу войны НТК совместно с центральными конструкторскими бюро Наркомата судостроительной промышленности перешёл к научно-исследовательскому проектированию. Оно нацеливалось на поиск лучших конструкторских и проектных решений для кораблей послевоенной постройки. Для них же подготавливался научно-технический задел на основе результатов испытаний различных устройств и опытных образцов.

Всего в годы войны конструкторские бюро Наркомата судостроительной промышленности и Научно-технический комитет ВМФ работали над 32 проектами боевых надводных кораблей и катеров, включая такие, как будущие линкоры, крейсера и даже авианосцы; проектами вспомогательных судов и мобилизационного переоборудования гражданских судов.

Как видно из изложенного, НТК проявлял большую заботу о будущем флота. Но, оценивая состояние научных работ в области военного кораблестроения того времени, собственные усилия НТК, работу промышленности в этом направлении, следует со всей определённостью подчеркнуть, что общий объём научных исследований в годы войны был незначительным. Научно-исследовательские и опытные работы, которые велись до Великой Отечественной войны, с началом военных действий существенно сократились. Многие исследовательские организации, выполнявшие заказы флота, перестроили свою работу на нужды армии, другие вследствие эвакуации временно

потеряли соответствующие экспериментальные базы. Фактически были прекращены важнейшие опытно-конструкторские работы, от которых зависело будущее флота (создание новых типов турбин, котлов, дизелей, броневой и противоторпедной защиты и т.д.).

Такое незавидное положение с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами можно было объяснить условиями военного времени. С этим ещё можно было как-то мириться в годы войны. Но оно стало совершенно неприемлемым к концу войны, когда остро встала задача послевоенного развития кораблей ВМФ.

Каковы же общие выводы о деятельности НТК за семь с половиной лет его существования, четыре года из которых приходится на войну?

НТК проделал важную работу по обобщению опыта войны, необходимого для создания кораблей послевоенного флота. Был создан коллектив способных военных инженеров-кораблестроителей, которые в ходе войны приобрели огромный запас знаний для последующей работы в сфере военного кораблестроения.

НТК должен был собственными силами выполнять исследования для поиска новых путей в решении технических вопросов и получения научных доказательств реальности этих путей. Наконец, он должен был разрабатывать общие и частные требования ВМФ к проектированию кораблей и их технических средств, осуществлять ряд других функций, связанных с проведением лабораторных и натурных испытаний кораблей и техники.

НТК по своему назначению, функциям, штатной численности и структуре не в состоянии был развернуть работу в таком масштабе.

В связи с этим после завершения войны возникла настоятельная необходимость воссоздания Научно-исследовательского института военного кораблестроения как главного научного органа Военно-морского флота в области военного кораблестроения.

Практическая значимость деятельности НТК за годы Великой Отечественной войны повлияла и на численность его сотрудников. К концу войны она составила 265 человек, в т.ч. 142 офицера, 13 старшин и 110 вольнонаёмных сотрудников. Это было почти на треть больше довоенной численности НТК ВМФ. 28 сотрудников НТК были награждены правительственными наградами³¹.

Деятельность НТК НК ВМФ во многом способствовала повышению роли и авторитета научных учреждений флота. Признанием этого явилось указание наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова от 22 декабря 1945 года № 00290³², согласно которому НТК³³ был преобразован в Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения (ЦНИИВК). 26 июня 1946 года Генеральный штаб Вооружённых сил СССР директивой № Орг./6/247659 объявил НТК ВМФ реорганизованным в ЦНИИВК.

В настоящее время его преемником является Научно-исследовательский институт кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», который 3 сентября 2022 года отметил своё 90-летие.

¹ Постановлением Комитета обороны при СНК СССР от 17 июля 1938 г. № 155сс был образован НТК НК ВМФ, выполнявший основные функции НИИВК.

² Постановлением Комитета обороны при СНК СССР от 26 мая 1938 г. № 87сс «О передаче Научно-исследовательского института Военного кораблестроения из ведения НК ВМФ в ведение НК ОП» НИИВК вместе со всей лабораторной базой и большинством персонала был передан в состав Наркомата оборонной промышленности, а затем в состав Наркомата судостроительной промышленности, где получил наименование НИИ-45, ЦНИИ-45, ЦНИИ имени академика А.Н. Крылова — ныне это Крыловский государственный научный центр.

³ Коршунов Л.А. 70 лет службы на флоте и в военном кораблестроении. СПб.: Малахит, 1998. С. 105.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-2040. Оп. 1. Д. 49. Л. 193, 194.

⁵ Там же. Л. 125—127.

⁶ Адмирал П.Г. Котов (1911—2007). Его последняя должность — заместитель главнокомандующего по кораблестроению и вооружению — начальник кораблестроения и вооружения ВМФ.

⁷ Отчёт о работе Научно-технического комитета НК ВМФ за 1943 г. (рукопись). Л.; Казань: НТК НК ВМФ, 1944. С. 32.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Коршунов Л.А. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Лурье Л.М. Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941—1945). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр; БЛИЦ, 2001. С. 83.

¹² Качур П.И., Морин А.Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. СПб.: Остров, 2003. С. 321.

¹³ Отчёт о работе Научно-технического комитета НК ВМФ за 1943 г. (рукопись). С. 31.

¹⁴ В настоящее время посёлок входит в состав Выборгского района Санкт-Петербурга.

¹⁵ Коршунов Л.А. Указ. соч. С. 101.

¹⁶ Там же; подробнее о питании в блокадном Ленинграде см.: Красноженова Е.Е. Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941—1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2024. № 1. С. 58—65.

¹⁷ Метацентрическая высота — важнейший параметр, определяющий остойчивость корабля. Чем больше метацентрическая высота, тем выше остойчивость корабля.

¹⁸ В настоящее время АО ЦКБ МТ «Рубин».

¹⁹ Отчёт о работе Научно-технического комитета НК ВМФ за 1943 г. (рукопись). С. 14, 15.

²⁰ Параван (фр. paravent — ширма) — буксируемое устройство для защиты корабля от якорных морских мин.

²¹ Конспективный отчёт о работе НТК НК ВМФ за время Великой Отечественной войны (рукопись). Л.: НТК НК ВМФ, 1945. С. 93.

²² Отчёт о работе Научно-технического комитета НК ВМФ за 1943 г. (рукопись). С. 6.

²³ Конспективный отчёт о работе НТК НК ВМФ за время Великой Отечественной войны (рукопись). С. 94.

²⁴ Кессон (фр. caisson — ящик) — конструкция из шпунтованных досок или стального листа, предназначенная для заделки пробоин в борту корабля ниже ватерлинии при отсутствии возможности постановки в док.

²⁵ Бывший английский «Ройял Соверен». В 1944 г. передан ВМФ СССР в

счёт репараций Италии. Возвращён в 1949 г. и сдан на слом.

²⁶ Конспективный отчёт о работе НТК НК ВМФ за время Великой Отечественной войны (рукопись). С. 195—199.

²⁷ Коршунов Ю.Л. Научно-технический комитет в годы Великой Отечественной войны // Судостроение. 2006. № 6. С. 31.

²⁸ Конспективный отчёт о работе НТК НК ВМФ за время Великой Отечественной войны (рукопись). С. 40.

²⁹ «Кассандра» — английский эсминец типа Са. Вступил в строй в 1944 г. Участвовал в проводке Северных конвоев. 11 декабря 1944 г. тяжело повреждён торпедой с немецкой подводной лодки U-365. В результате взрыва была оторвана носовая оконечность корабля, однако он смог своим ходом вернуться в Мурманск, где для него была построена временная носовая оконечность длиной 12 м. Новейший британский эсминец вызывал большой интерес у советских специалистов.

³⁰ Коршунов Ю.Л. Военно-морская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Галеев Принт, 2005. С. 33.

³¹ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 99. Научно-технический комитет Народного комиссариата Военно-морского флота (1938—1945). Оп. 28. Д. 11. Л. 5.

³² Там же. Ф. 14. Канцелярия Главнокомандующего Военно-морским флотом. Оп. 47. Д. 277. Л. 61.

³³ Одновременно с преобразованием НТК в ЦНИИВК в Москве при Главном штабе ВМФ был создан центральный научный орган ВМФ. В разные годы он носил наименования: НТК ВМФ (1945—1953), Научный отдел ГШ ВМФ (1953—1955), Морской научно-технический комитет (МНТК) (1955—1966), НТК ВМФ (1966—1992), Морской научный комитет (МНК) (1992—2009, 2016 — по наст. время).

V.B. Prasnikov, M.A. Dobryakova

«IT IS IMPOSSIBLE TO LIST ALL THE ACTIVITIES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL COMMITTEE DURING THE WAR...»

Activity of the Scientific and Technical Committee of the People's Commissariat of the Navy of the USSR during the Great Patriotic War 1941—1945

Information about authors. Vladislav Prasnikov — senior researcher at the Research Institute of Shipbuilding and Weapons of the Navy of the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: vbvladislav@yandex.ru);

Marta Dobryakova — scientific researcher at the Research Institute of Shipbuilding and Weapons of the Navy of the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mail.ru).

Summary. The article deals with the activities of the Scientific and Technical Committee (STC) of the Navy during the Great Patriotic War, as well as its great role in the use of scientific research for practical solutions to the problems of shipbuilding, repair and combat support. The statistics of the reform and improvement of the structure, organizational and personnel measures in the system of STC are given, the use of industrial resources in the creation of new and modernization of old low-capacity production facilities for the construction of warships and boats is shown. The author draws conclusions on the necessity of maintaining military shipbuilding and its scientific support at the highest level.

Keywords: Great Patriotic War; Scientific and Technical Committee (STC); military science; history of shipbuilding; regional structures of the STC.

«КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ И РУССКИЙ РЕГИСТР — НАВЕКИ ЗАПЕЧАТЛЕВАЮТ ПАМЯТЬ О НЁМ»

Кораблестроитель, учёный и педагог К.П. Боклевский

Сведения об авторе. Евграфова Ирина Владимировна — декан факультета естественно-научного и гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат педагогических наук, доцент, соискатель учёной степени доктора наук (Санкт-Петербург. E-mail: srbmtu@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе вводимых в научный оборот архивных документов исследуются жизненный путь, флотская служба и научно-педагогическая деятельность выдающегося российского инженера-кораблестроителя, профессора Петербургского политехнического института Императора Петра Великого и Военно-морской академии генерал-майора Корпуса корабельных инженеров К.П. Боклевского. Оценивается его вклад в развитие военного и гражданского судостроения, создание первых в России кораблестроительного факультета и воздухоплавательных курсов.

Ключевые слова: К.П. Боклевский; И.П. Алымов; морская политика России; проектирование судов; корабельная архитектура; отечественное кораблестроение; подготовка корабельных инженеров; Главный морской штаб; Петербургский политехнический институт Императора Петра Великого; кораблестроительное отделение; кораблестроительный факультет; Военно-морская академия; Корпус корабельных инженеров; воздухоплавательные курсы; специальная школа авиации; Русский регистр.

К.П. Боклевский

Имя Константина Петровича Боклевского хорошо известно специалистам, обладающим знаниями в области истории российского кораблестроения. Известно оно и будущим кораблестроителям — студентам Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ), из числа которых наиболее достойные ежегодно получают стипендию его имени. Заслуги этого человека в становлении отечественного военного и гражданского флота бесспорны, его вклад в развитие российской науки и образования огромен, без упоминания о нём в большинстве случаев не обходилась ни одна соответствующая тематике публикация сотрудников СПбГМТУ и других вузов страны¹. Вместе с тем выявление в архивных документах ранее не известных подробностей о жизни и деятельности К.П. Боклевского позволяет ввести в научное обращение новые сведения о его многолетней и плодотворной службе Отечеству.

Броненосный крейсер «Баян»
Художник К. Черепанов, 2014 г.

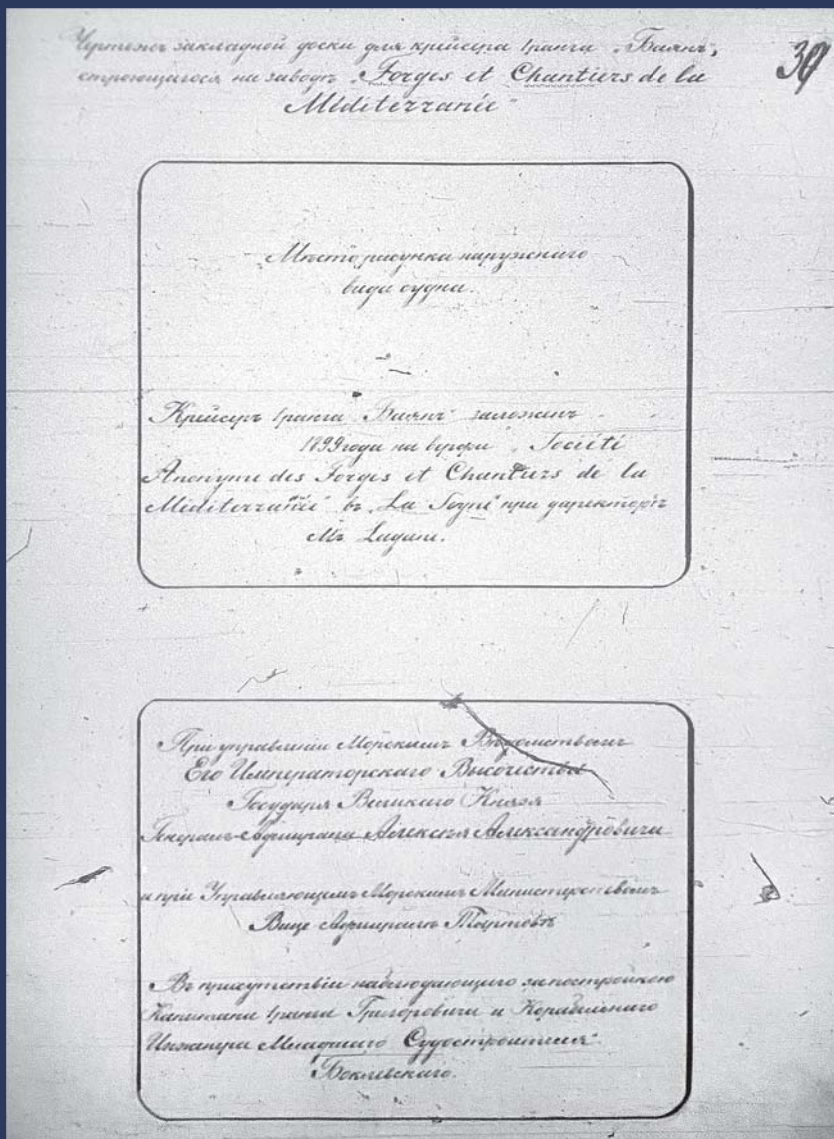

Чертёж закладной доски для крейсера «Баян»
РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1887. Л. 30.

Профессора Политехнического института (К.П. Боклевский первый справа в нижнем ряду)
1902 г.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) хранится подлинное личное дело К.П. Боклевского — кавалера орденов Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 3-й степени. Дело датировано 1922 годом — следовательно, оно сформировано уже в Советской России, когда в Морской академии проводили расширенную аттестацию преподавателей. Так, в разделе «Аттестация за 1922 год» в графе «Занимаемая должность» о К.П. Боклевском указано: «Кораблестроитель. Профессор по кафедре проектирования судов, состоит на этой должности с 1 ноября 1920 года»². Но, пожалуй, одной из значимых находок в этой папке является дата рождения Константина Петровича, которая, как выяснилось, в специальной литературе и интернет-ресурсах указана неверно, а именно — 21 или 24 апреля. В личном же деле имеется запись о том, что К.П. Боклевский родился «в селе Питомши Рязанской губернии Скопинского уезда апреля 23-го 1862 года»³ и имел дворянское происхождение.

Отцом Константина Петровича был известный художник-иллюстратор Пётр Михайлович Боклевский. Склонность Константина к точным наукам и особенно к черчению способствовала выбору его будущей профессии и поступлению в Реальное училище в Скопине. Училище, здание которого было построено в 1876 году по инициативе коммерции советника Ивана Григорьевича Рыкова при финансовой поддержке Петра Михайловича Боклевского, оставило у будущего знаменитого кораблестроителя самые лучшие впечатления, а главное — дало необходимые базовые знания

по математике, геометрии, черчению, астрономии и другим предметам. После окончания этого учебного заведения Константин приехал в Петербург и поступил в Техническое училище морского ведомства в Кронштадте (впоследствии — Морское инженерное училище Императора Николая I) на отдел кораблестроения. В те годы Техническое училище имело статус военного учебного заведения, а его слушатели находились на казарменном положении, что было обусловлено реалиями внешнеполитической обстановки.

В 1870-х годах Российская империя остро нуждалась в судах новых типов и классов, и в первую очередь — в броненосцах и броненосных крейсерах океанского типа, аналогичных уже имевшимся во флотах ведущих морских держав. Броненосные крейсе-

ры предназначались как для дальних плаваний, так и для ведения крейсерских операций в океане с целью нарушения морской торговли противника на его главных коммуникациях (Commerz destroyer). Предполагалось, что эти корабли составят боевое ядро будущего флота России и станут одним из эффективных средств воздействия на противника. В указанный период в качестве такого противника выступала Великобритания, и вероятность войны с этой сильной морской державой не исключалась с 1870 года.

В этой связи в морском ведомстве будущие броненосные крейсера рассматривались в качестве кораблей двойного назначения: как сдерживавший потенциального противника фактор и как средство нанесения Англии серьёзного экономического урона в случае

начала военных действий⁴. По сути, российское правительство придерживалось концепции Fleet in being (флот как фактор присутствия), которая была принята на вооружение британцами ещё в XVIII веке и гласила: морская нация должна обладать таким флотом, который одним своим существованием способен воспрепятствовать намерениям реального или потенциального противника⁵. Стоит добавить, что в Североамериканских Штатах в начале 1860-х годов приняли план развития военно-морских сил, основной акцент в котором делался на создании особого крейсерского флота, который на случай военных действий будет эффективно «очищать океан и истреблять неприятельские суда»⁶. Таким образом, исходя из реалий времени, стратегических целей морской и

Кронштадтъ. Морское Инженерное училище.
CRONSTADT — Ecole des Ingénieurs de la marine.

Техническое училище морского ведомства
в Кронштадте

1 апреля 1901 г.
СНБ. 113

Александр Николаевич
г. № 21. Боклевского

Александр Николаевич
Иванов Константинович
Тодрабинский Вагнер и правительственный
Каси, которую увидели мои сердечные
пожелания Вагнер и великую Вашу и се-
мьиному пожеланию здоровья и благополучия
Вагнера и семьи, которая для себя
принимает доброго пожелания Вагнера
за то, что Вы представили мне в
Станиславу 2-й этаж, который я и полу-
чил сейчас.

Моя жена попросила мне поздравить
Вагнер — это Вагнер сейчас в правительственном.
Она хотела написать Марии Николаевне
и Наталье Владимировне о семье, но
мне попросили (мать 3-й этаж —
послать М-е Константинову) написать, что

первое время она, пожелания, в Вагнер
возмает ее наемным маневром, которая
были доброты и не имели доброты, а только
хорошо перед правительством.

Во втором же время в маневры
на время губернаторской — маневры, которая
прекрасно повела дело. Вспомнил Сергеев
и Немец на отрядные в Реформатские
упреки, которая, в настоящее время,
считается делом пожелания и
в нежелательном и нежелательном
отношении (новое пожелание с прекрас-
ными отношениями кассам).

Успешная поговорка на будущее
в будущем, т.е. с 1-м этажом правитель-
ства перебрался на 2-й, куда — еще сами
не знаем.

Я очень прошу, что Федор Боклевский
недавно посетил «Боклевский»,
тогда сравнил его с «Царевичем».

114 80

Мне хотелось бы не стесняться в будущем.
Сейчас удовлетворение пожелания в «Нел. Вр.»
принимает Лубя и о семье, что она пожелания
Вагнер «командирского креста».

Принимает пожелание в семье к Вагнер
уважения и преданности, всегда гото-
ван к услугам

К. Боклевский.

**Письмо К.П. Боклевского
И.К. Григоровичу
от 1 апреля 1901 г.
РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 39.
Л. 113—114.**

лялся крупным специали-
стом в области теории кора-
бля, автором классического
учебника «Теория корабля» в
двух частях: «Качка судна на
тихой воде» и «Качка судна
на волнении», а также работ
«О влиянии погруженного бор-
та на остойчивость судна»⁷ и
«Необходимость определения
центра тяжести и остойчиво-
сти»⁸. Но, пожалуй, одним
из наиболее значимых его
достижений можно считать
разработку оригинальной
инновационной струйной си-
стемы расчётов обводов судов.
И.П. Алымов доказал, что си-
стема струйного образования
корпуса судна способствует
увеличению его водоизме-
щения в среднем на 14 проц.

судостроительной полити-
ки России и задач обороны,
правительства императоров
Александра II и сменившего
его Александра III приняли
решение о подготовке про-
фессиональных кадров для
потребностей отечественного
кораблестроения и обслужи-

вавших его отраслей промыш-
ленности.

Учёба в Техническом учи-
лище значительно обогатила
знания К.П. Боклевского, чему
способствовали выдающиеся
наставники и преподаватели
И.П. Алымов и А.С. Попов.
Илья Павлович Алымов яв-

при остающейся неизменной форме мидель-шпангоута. Морское министерство России и Морской технический комитет (МТК) одобрили данный проект и передали чертежи Балтийскому заводу. В 1878 году состоялся спуск на воду миноносцы со струйными образованиями корпуса, которая получила наименование «Касатка». Автор идеи небезосновательно полагал, что его струйная система по отношению к миноноскам наиболее оптимальная. Данная разработка ещё долгие годы применялась ведущими европейскими инженерами.

Тем временем успешное завершение учёбы в Техническом училище в 1880 году позволило К.П. Боклевскому, как записано в его аттестации, «пройти курс в Николаевской Морской Академии» в Петербурге в 1880—1884 гг., а с 1884 по 1902 год он «служил во флоте корабельным инженером»⁹. Как представляется, эти сведения носят более точный характер, нежели те, которые указаны в другом документе, где приведены иные даты окончания училища, прохождения курсов в Морской академии и службы на Чёрном море¹⁰.

В 1881 году вступивший на российский престол император Александр III утвердил 20-летнюю судостроительную программу, где стержневой составляющей значилась серийная постройка новейших броненосцев, крейсеров и эскадренных миноносцев, а также поддержал доктрину определяющей роли сильного океанского флота в будущих войнах. В соответствии с данной доктриной морское ведомство России постановило строить суда однородного типа на случай действия эскадрами.

В 1884 году на Адмиралтейских верфях состоялась закладка киля эскадренно-

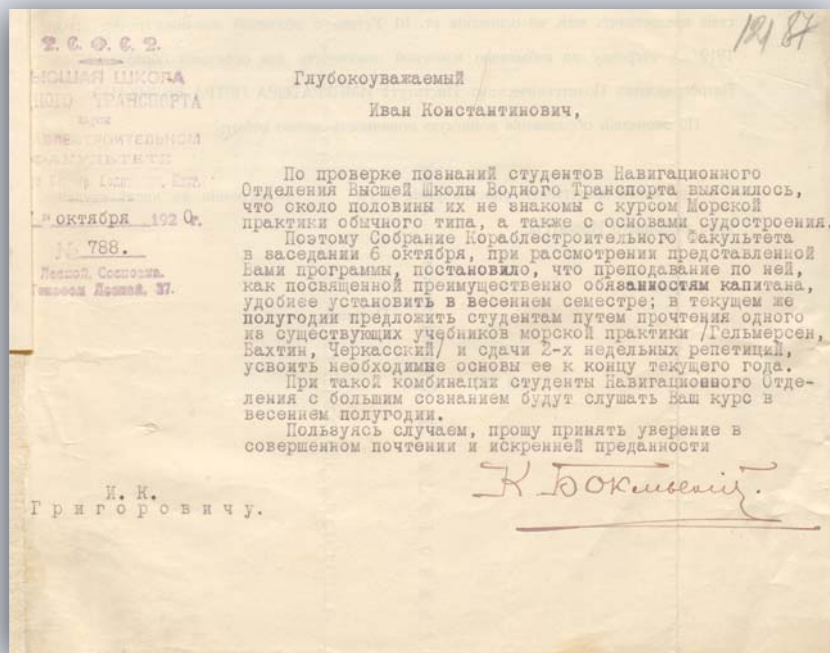
го броненосца, получившего наименование «Император Александр II». Корабль стал головным в серии из шести броненосцев, впоследствии построенных в течение 12 лет для Балтийского флота по судостроительной программе 1881 года. К.П. Боклевский получил назначение на почётную и весьма ответственную должность помощника строителя корабля (подполковника Н.А. Субботина) и отлично справился с порученным делом. «Император Александр II» имел сложную архитектуру корпуса, в частности, его таранный форштевень состоял из трёх частей общей массой 18,8 т. Оконечность тарана выдавалась от плоскости носового перпендикуляра на 2,2 м и находилась на глубине 2,74 м. Броненосец нёс мощную артиллерию главного калибра: 305-мм, 229-мм и 152-мм орудий¹¹. На торжественной церемонии его спуска на воду присутствовали Александр III, императрица Мария Фёдоровна, члены Дома Романовых, высшие чины Морского министерства. Позднее «Император Александр II» в качестве флагмана в составе других судов участвовал в средиземноморском походе. Причём у побережья Италии он попал в сильнейший шторм, когда при силе ветра до 10 баллов и волнении моря до 7 баллов крен достигал 30°. В течение минуты корабль совершал до 15 размахов на борт, но выдержал шторм.

Весной 1896 года К.П. Боклевский получил назначение на Чёрное море — сначала в Николаев в качестве корабельного инженера Николаевского порта, затем в Одессу, о чём 1 апреля 1896 года было объявлено приказом № 49 по морскому ведомству и по флоту¹². Россия относительно недавно вышла из войны с Османской империей 1877—1878 гг., и для оборо-

ны южных рубежей требовалось создавать сильный флот, боевое ядро которого составляли броненосцы, эскадренные миноносцы и крейсера.

В Одессе Константин Петрович принимал непосредственное участие в строительстве миноносцев «Анапа» и «Айтодор» на частном заводе Беллино—Фендериха, а также десантных ботов и катеров для пароходов Добровольного флота и Русского общества пароходства и торговли¹³. Морское ведомство придавало большое значение судам Добровольного флота как вспомогательным на случай возникновения боевых действий с Турцией.

Кораблестроителя с незаурядными инженерными и математическими способностями заметили в Главном морском штабе (ГМШ), следствием чего стало поручение ГМШ военно-морскому агенту (атташе) в Англии капитану 1 ранга И.К. Григоровичу от 4 декабря 1897 года оказать содействие Константину Боклевскому во время его служебной командировки в Британию. По давней традиции российские кораблестроители стажировались на верфях передовых морских держав, неуклонно повышая своё мастерство¹⁴; расчёты зарубежных специалистов, естественно, оказывались в зоне пристального внимания отечественных корабелов, стремившихся не повторять этих ошибок¹⁵. Впитывая лучший иностранный опыт, российские инженеры в итоге не только не уступали своим маститым коллегам, но часто превосходили их в корабельном искусстве¹⁶. В ГМШ подчеркнули, что официальное разрешение на поездку К.П. Боклевского подписал лично управляющий Морским министерством вице-адмирал П.П. Тыртов¹⁷. Важно отметить, что именно в Англии возникла

Письмо К.П. Боклевского
И.К. Григоровичу
Октябрь 1920 г.
РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 39. Л. 121.

Втягивание России в орбиту экономических, стратегических и геополитических интересов ведущих мировых держав на Дальнем Востоке, в частности в Маньчжурии, Китае и Корее, также ускорило решение вопроса об усилении Тихоокеанского флота

дружба между двумя выдающимися личностями, которые впоследствии в полной мере — каждый на своём посту — проявили себя на службе флоту и Отечеству. Иван Константинович Григорович стал полным адмиралом, последним морским министром императорской России, а Константин Петрович — деканом кораблестроительного отделения (факультета) Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. После совместной командировки в Англию и Францию К.П. Боклевский и И.К. Григорович не утратили связи, и ак-

тивная научно-педагогическая деятельность Константина Петровича не препятствовала ему поддерживать со своим другом тёплые отношения, прерывавшиеся лишь в 1903–1906 гг., когда Григорович находился сначала на Дальнем Востоке, в Порт-Артуре, а затем на Чёрном море. Сохранилось несколько неизданных писем Боклевского к Григоровичу, датированных 1901 и 1920–1921 гг.¹⁸ Так, в письме от 1 апреля 1901 года Константин Петрович поздравил Григоровича со Святой Пасхой, поблагодарил за вручение ему ордена Св. Станислава 2-й сте-

пени и сообщил о подготовке к спуску на воду эскадренного броненосца «Бородино»¹⁹.

Из Англии К.П. Боклевский и И.К. Григорович выехали во французский Тулон, где с июля 1898 года находились на верфи Forges et Chantiers de la Mediterranee (Форж и Шантье) в качестве наблюдавших за постройкой эскадренного броненосца и крейсера 1 ранга. Оба корабля строили по заказу правительства Николая II по чертежам французского инженера А. Лаганя. Броненосец получил наименование «Цесаревич», крейсер — «Баян». Вновь, как и в период постройки «Императора Александра II», на Константине Петровиче лежала большая ответственность за качество проведения работ. Кроме того, на него была возложена задача наблюдения за постройкой в Гавре на заводе Нормана двух миноносцев водоизмещением 312 т, получивших наименования «Форель» и «Стерлядь»²⁰.

На исходе XIX века вероятная война с Великобританией, длительное время как дамоклов меч висевшая над Россией, сменилась на отчётливую угрозу войны с Японией. В этой связи российское правительство в начале 1898 года приняло новую кораблестроительную программу под условным обозначением «Для нужд Дальнего Востока», предусматривавшую разработку и строительство нескольких броненосцев с надёжным бронированием, сильной артиллерией и высокой скоростью хода. Кроме того, втягивание России в орбиту экономических, стратегических и геополитических интересов ведущих мировых

держав на Дальнем Востоке, в частности в Маньчжурии, Китае и Корее²¹, также ускорило решение вопроса об усилении Тихоокеанского флота.

Изначально постройка эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера 1 ранга «Баян» начиналась не в рамках названной программы, но по мере завершения их строительства и вступления в строй оба корабля логично вписались в заданную концепцию. «Цесаревич», наблюдение за постройкой которого осуществляли И.К. Григорович и К.П. Боклевский, не являлся типовым судном, что усиливало меру ответственности обоих офицеров. Броненосец водоизмещением 12 900 т имел форму корпуса, необычную для российского судостроения, но применявшуюся во Франции, — с завалом бортов внутрь. В шторм завалы вы-

полняли функцию своего рода успокоителей качки, поскольку вкатывавшиеся на них массы воды препятствовали нарастанию крена. Корабль обладал и другими преимуществами — развивал скорость до 18 узлов, а его верхние конструкции имели меньшую массу, за счёт чего повысилась остойчивость корабля. Кроме того, из средних башен «Цесаревича» стало возможным вести огонь вдоль диаметральной плоскости.

Спуск на воду «Цесаревича» состоялся 10 февраля 1901 года, а 29 марта броненосец посетил президент Французской республики Э. Лубе. Накануне этого события он дал обед в Тулоне в честь российских офицеров и кораблестроителей²². Спущенный на воду эскадренный броненосец находился в строю 15 лет.

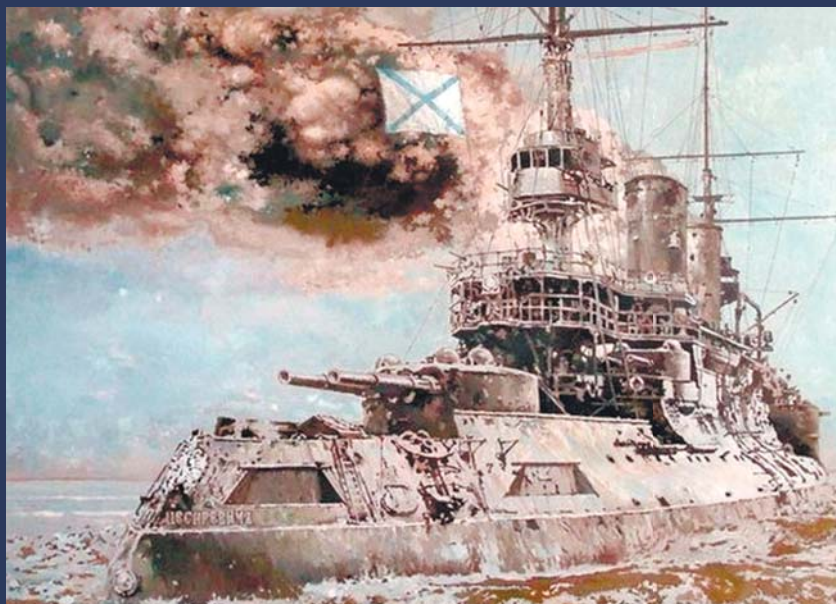
Согласно документам «ци-тадельный крейсер («Баян».

— Прим. авт.) в смысле непотопляемости представляет собой лучший крейсер»²³. Он имел водоизмещение 7800 т и мог развивать скорость до 22 узлов. Кроме броневых пояса (ниже грузовой ватерлинии), защищавшего жизненно важные котлы, машины и механизмы, в средней части корпуса выше грузовой ватерлинии находилась броневая коробка, усиленная артиллерией. Претерпела изменения и концепция будущей службы крейсеров: теперь, в отличие от предыдущих океанских крейсеров — рейдеров, нацеленных прежде всего на воспрепятствование морской торговле противника (Commeres destroyer), «Баян» предназначался для действий в составе эскадр, а также в качестве дальнего разведчика.

Будучи в Англии и во Франции, Константин Петрович

Эскадренный броненосец
«Император Александр II»

Эскадренный броненосец «Цесаревич»
Художник С. Крупп, 1904 г.

Занятие на теоретических курсах Офицерской школы морской авиации при Политехническом институте в Петрограде
1916 г.

К.П. Боклевский (в центре в цилиндре) с супругой и детьми во дворе профессорского дома на территории Политехнического института
1904—1906 гг.

мог воочию наблюдать и оценивать уровень состояния судостроительной промышленности этих государств²⁴. Он в деталях изучил технологию применения алюминия при постройке судов, турбины Парсонса, водотрубные котлы Вира, новые типы двигателей Дизеля и другие зарубежные новинки. После возвращения из командировки К.П. Боклевский творчески развивал и совершенствовал приобретённый опыт, анализировал и обобщал полученную информацию, публиковал статьи в научных журналах. Во Франции, несмотря на чрезвычайную занятость, он находил время для знакомства с системой кораблестроительного образования и положением дел на верфях относительно прохождения практики кораблестроителями. Впоследствии рациональные зёрна из собственных наблюдений он успешно внедрял при постановке учебного процесса на кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого.

Судя по документам, в первой половине 1901 года Константин Петрович ещё находился во Франции, поскольку спуск на воду крейсера 1 ранга «Баян» состоялся 31 мая 1901 года²⁵. После возвращения в Россию К.П. Боклевский получил назначение на должность помощника главного корабельного инженера Санкт-Петербургского порта. Занять этот пост мог далеко не каждый инженер, а только тот, кто успешно прошёл аттестацию и набрал необходимые коэффициенты. В РГА ВМФ хранится не публиковавшийся ранее документ, датированный 24 ноября 1901 года, за подписью главного инспектора кораблестроения Н.Е. Кутейникова и самого К.П. Боклевского²⁶.

Этот и другие схожие документы сведены в «Таблицу данных о деятельности корабельного инженера Константина Боклевского для определения прав на зачисление в звания». Такая форма была установлена Положением о корабельных инженерах и инженер-механиках флота от 15 мая 1886 года и утверждена Александром III. Таблица достаточно подробная, с цифровыми данными и указанием всех военных кораблей, в постройке которых К.П. Боклевский принимал участие. В ней имеется запись от 7 октября 1898 года, на основании которой Константин Петрович имел право претендовать на должность помощника главного корабельного инженера: «По проверке согласия коэффициентов с установленными Правилами и правильности всех арифметических действий, оказывается выработанным по этой Таблице в цен тонн на младшего судостроителя всего 5727 цен тонн. Для получения звания требуется выработать 4000 цен тонн. Следовательно, избыток 1727 т определяет время выработки ценза на звание к 15 февраля 1895 года». Следующую таблицу по выработанному К.П. Боклевским кораблестроительному цензовому тоннажу подписал 24 ноября 1901 года главный инспектор кораблестроения Н.Е. Кутейников, внизу неё стояла отметка: «Таблица сия рассмотрена и одобрена журналом Морского Технического Комитета по Кораблестроению от 24 ноября 1901 года. № 80»²⁷.

Итак, со второй половины 1901 года корабельный инженер К.П. Боклевский трудился в Санкт-Петербургском порту, но в следующем году в его деятельности наступил другой, не менее важный этап. После образования Политехниче-

ского института Императора Петра Великого его директор князь А.Г. Гагарин рекомендовал именно Константина Петровича на должность декана кораблестроительного отделения и получил согласие министра финансов, в чьем ведении находился учебный отдел²⁸. К.П. Боклевский принял предложение князя А.Г. Гагарина и с 1902 года начал большую и плодотворную научно-педагогическую деятельность в Политехе, где читал лекции и издавал учебные пособия по теории корабельной архитектуры, ставшие классикой российского кораблестроения. В 1904—1905 гг. вышло его редкое и малоизвестное литографированное издание под названием «Курс проектирования судов, составленный проф. К. Боклевским для студентов Кораблестроительного Отделения СПб Политехнического Института».

В этом издании, прежде чем вводить в научный обо-

устройствами и приспособлениями». Излагая значимость основополагающего теоретического чертежа и правильность вычисления обводов корпуса при проектировании, Константин Петрович подчеркнул чрезвычайно большое значение расчётов «силы механизма, потребной для движения судна с заданной скоростью», отметив, что «расчет этот обыкновенно основывается на исчислении силы сопротивления воды на проектируемое судно»²⁹. Далее в указанном издании следуют собственные формулы К.П. Боклевского для расчётов площадей надводной и подводной частей судна, для получения лучшего и оптимального дифферента на нос и на корму, оригинальные расчёты по статьям нагрузки для военных судов и многое другое.

В период пребывания Константина Петровича в должности декана кораблестроительного отделения Политеха

К.П. Боклевский принял предложение князя А.Г. Гагарина и с 1902 года начал большую и плодотворную научно-педагогическую деятельность в Политехе, где читал лекции и издавал учебные пособия по теории корабельной архитектуры

рот собственные математические формулы и расчёты, автор обозначил общую обучающую концепцию: «Под словом проектирование надо понимать науку, указывающую общие методы и приемы для расчета и составления чертежей различного типа судов со всеми их

частью учебного процесса стали практическая работа студентов на заводах и верфях и участие в плаваниях, в т.ч. заграничных, с целью изучения внутреннего устройства и механизмов кораблей, минных аппаратов, а также знакомства с корабельной артиллерией.

Занимаясь преподавательской деятельностью, К.П. Боклевский по мере сил старался приносить пользу Отечеству и на ниве практического кораблестроения. В 1903 году сошёл на воду первый в мире дизель-электроход «Вандал» с тремя двигателями по 120 л.с. каждый, построенный по его проекту. А следом, в том же году, Константин Петрович представил чертежи верфи для постройки торговых судов, судоремонтного завода на Канонерском острове в Петербурге и теплоходов с двигателями внутреннего сгорания.

21 мая 1908 года на кораблестроительном отделении состоялся первый в России вы-

пуск морских инженеров, среди которых значился ученик К.П. Боклевского Валентин Львович Поздюнин — будущий академик, преподаватель Ленинградского кораблестроительного института. В стенах Политехнического института Императора Петра Великого вместе с Константином Петровичем работали такие выдающиеся учёные, инженеры и педагоги, как И.В. Мещерский, А.Н. Крылов, И.Г. Бубнов, а его ученики — В.Л. Поздюнин, П.Ф. Папкович, В.В. Семёнов-Тян-Шанский — стали достойными преемниками своего учителя.

К.П. Боклевский расширил список учебных дисциплин на

отделении и ввёл в качестве обязательных начертательную геометрию, неорганическую химию, прикладную механику, термодинамику, сопротивление материалов, детали машин, подъёмные механизмы, гидравлику, судовую электротехнику, тепловые двигатели и морскую технологию. Будучи деканом, он требовал от студентов повышения качества выполнения заданий, связанных с черчением, графикой и разбивкой на плазе теоретического чертежа в натуральную величину. Как преподаватель теории корабельной архитектуры Константин Петрович старался добиться, чтобы студенты научились

Санкт-Петербургский политехнический институт
Императора Петра Великого

профессионально точно «выполнить чертеж корабля на ватманской бумаге грифельным карандашом, тушью или в красках, представить расчетно-графические и схематические изображения планов, сечений, палуб, внутреннего устройства, шпангоутов и мидель-шпангоута военного (или коммерческого) судна любого типа и класса»³⁰.

В 1900 году Главный морской штаб вплотную приступил к изучению нового направления в военно-морской области — воздухоплавания, которое могло успешно применяться в военных целях. По прошествии восьми лет профессор К.П. Боклевский подписал

приказ об организации при кораблестроительном отделе воздухоплавательного кружка. Весной 1908 года совет профсоюзов института утвердил Устав кружка, а с осе-

ни начались занятия студентов. В декабре 1909 года Константин Петрович выступил с докладом на конференции в Императорской Академии наук. Тема его доклада —

Благодаря активному ходатайству Константина Петровича перед Советом министров и его председателем П.А. Столыпиным в Политехе начала работу первая в России специальная школа авиации

«О преподавании воздухоплавания в высших учебных заведениях» — вызвала огромный интерес у присутствовавших высших чинов военного и морского ведомств, председателей Государственного совета и Государственной думы, а также у командующего Балтийским флотом контр-адмирала О. фон Эссена. Всего же выступление К.П. Боклевского слушали около 400 человек³¹.

В 1910 учебном году кружок при Политехе перерос в полноценные Воздухоплавательные курсы, утверждённые Николаем II. На курсах студентам читали новую научную дисциплину — аэронавтику. По инициативе К.П. Боклевского сюда принимались студенты, не имевшие академической задолженности и сдавшие зачёты по профилирующим предметам — высшей математике, начертательной геометрии, черчению, корабельной архитектуре, физике, химии, теоретической механике, деталям машин. По сути, благодаря активному ходатайству Константина Петровича перед Советом министров и его председателем П.А. Столыпиным в Политехе начала работу первая в России специальная школа авиации³². Окончивших курсы при призыве на военную службу зачисляли в воздухоплавательный батальон инженерного ведомства.

В 1915—1916 гг. К.П. Боклевский председательствовал в комиссии Союза морских инженеров, и его деятельность на этой ниве высоко ценил академик Петербургской Академии наук генерал-лейтенант по флоту А.Н. Крылов. Так, заслушав доклад «О мерах поощрения отечественной судостроительной промышленности», выдающийся российский учёный резюмировал: «Комиссий, подобных председательствуемой Константином

Петровичем, было много, но только в первый раз в такой Комиссии председательствует корабельный инженер». Подчеркнув чрезвычайную важность развития судостроительной промышленности в России, Алексей Николаевич просил присутствовавших поддержать корабеля в его работе и оказывать ему содействие³³.

Вообще 1916 год оказался насыщенным в служебной деятельности К.П. Боклевского. 1 августа произошло важное событие: Морской генеральный штаб (МГШ) уведомил канцелярию министра торговли и промышленности о том, что «Высочайшим приказом по флоту и Морскому Ведомству от 26 июля сего года Ординарный Профессор по кафедре корабельной архитектуры и Декан Кораблестроительного Отделения Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого Статский Советник Константин Боклевский переведен в Морское Ведомство, в Корпус Корабельных Инженеров полковником, с производством, за отличие, в Генерал-майоры»³⁴. В октябре того же года он вошёл в состав Комиссии по авиационным вопросам при Особом совещании по обороне государства и принял участие в обсуждении способов улучшения «постановки дела авиации в Морском ведомстве», а также в совещаниях ГМШ по вопросам снабжения морских авиационных станций и школ гидропланами и моторами для них.

После революции 1917 года многие коллеги К.П. Боклевского и его студенты покинули Россию, но он, как и И.К. Григорович, принял решение остаться и продолжать служить Отечеству. В его аттестации указано, что с 1917 года он «состоял Главным инспектором заводов Морского ведомства»³⁵, не прекратив

деятельность в Политехническом институте, где отделение было переименовано в кораблестроительный факультет. А в 1920 году помимо работы деканом в Политехе К.П. Боклевского избрали «Конференцией Морской Академии на должность профессора по Кафедре проектирования судов»³⁶. Константин Петрович стал преподавателем уже в советской Морской академии, о чём лаконично записано в его аттестации: «Действительно ценный работник для Советской России, трезво смотрящий на вещи и события»³⁷.

30 мая 1922 года на кораблестроительном факультете К.П. Боклевского поздравляли с 20-летним юбилеем пребывания в должности декана. Собрание факультета отметило его выдающиеся заслуги перед судостроительной промышленностью, огромный вклад в дело постановки и развития кораблестроительного образования в России и торжественно присвоило ему звание морского инженера, которое по латыни звучало как «Honoris Causa» (почётный доктор наук). В следующем году Константин Петрович по состоянию здоровья оставил занимаемую должность и деканом стал его преемник В.Л. Поздюнин.

К.П. Боклевский скончался в 1928 году и был похоронен на Богословском кладбище. По случаю кончины Константина Петровича академик А.Н. Крылов писал: «...Всякое дело, за которое К.П. Боклевский брался, он умел доводить до успешного конца; этому способствовало его редкое умение подбирать себе сотрудников, своим примером внушить им ревностное отношение к делу, а обаянием своей личности — и любовью к нему. Много поработав для создания русского торгового

судостроения, Константин Петрович ясно осознал необходимость создания Русского регистра, чтобы освободить наше торговое судостроение от иностранной опеки. С самого начала учреждения и по день своей смерти покойный был бессменным председателем Технического совета Русско-

го регистра. Эти два главнейших создания Константина Петровича Боклевского — кораблестроительный факультет и Русский регистр — навеки запечатлевают память о нём в летописях русского кораблестроения»³⁸.

В честь этого неординарного, талантливого учёного,

педагога, организатора науки и образования Ленинградский кораблестроительный институт учредил стипендию его имени, которую получают лучшие студенты-корабелы Санкт-Петербургского государственного морского технического университета и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Холодидлин А.Н. Ленинградский Кораблестроительный. Факультет — Институт — Университет. СПб.: Судостроение, 1992; История отечественного судостроения / Под ред. И.Д. Спасского. Т. 5. СПб.: Судостроение, 1996; Смелов В.А. История кораблестроительной школы в Политехническом. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2005.

² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2034. Л. 1.

³ Там же. Л. 1—2.

⁴ Муханов П.С. Великое значение крейсерской войны. М.: Университетская типография, 1904; Федечкин А.Д. Развитие типа океанских броненосных крейсеров Российского флота. СПб.: Остров, 2021.

⁵ Mahan A.T. The Life of Nelson. The Embodiment of the Sea Power of Great Britain. Boston: Sampson, Low, Marston & Company, Limited, 1897. P. 136, 137.

⁶ Hovgard W. Modern History of Warships. London: E. & F.N. Spon, Limited, 1920. P. 165.

⁷ Алымов И.П. О влиянии погруженного борта на остойчивость судна // Морской сборник. 1870. № 11. С. 1—16.

⁸ Он же. Необходимость определения центра тяжести и остойчивости. СПб.: Кронштадтский вестник, 1871.

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2034. Л. 2—3.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 25. К.П. Боклевский. Оп. 1. Д. 491. Л. 1—5; Оп. 2. Д. 595.

¹¹ О постройке и артиллерийском вооружении броненосца «Император Александр II» // РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 764. Л. 1—10, 227—235; Оп. 2. Д. 595. Л. 16—35.

¹² Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 70. Л. 87 об.

¹³ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 491. Л. 1—5.

¹⁴ Евграфова И.В. Инновации в строительстве российских линейных фрегатов второй половины XVIII века // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 194.

¹⁵ Она же. Иван Петрович Клапье де Колоног — моряк, учёный, математик // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 6(2). С. 16.

¹⁶ Она же. К истории отечественной научной школы математических методов корабельного проектирования (XVIII — первая треть XIX вв.) // Современная научная мысль. 2023. № 2. С. 240.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 1889. Л. 43.

¹⁸ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 39. Л. 113—114, 121.

¹⁹ Там же. Л. 113—114.

²⁰ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1887. Л. 2, 5, 5 об., 10.

²¹ Сборник договоров и других документов по истории международных

отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Институт востоковедения, 1927. С. 153, 154.

²² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1887. Л. 131, 135.

²³ Там же. Л. 2—3, 47.

²⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 491. Л. 1—5.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2110. Л. 20.

²⁶ Там же. Ф. 421. Оп. 10. Д. 341. Л. 100—103 об.

²⁷ Там же. Л. 101 об.—103 об.

²⁸ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 491. Л. 7.

²⁹ Курс проектирования судов, составленный проф. К. Боклевским для студентов Кораблестроительного Отделения СПб. Политехнического Института. СПб.: Литогр. Трофимова, 1904—1905. С. 1, 7.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Воздухоплавательный Кружок при Санкт-Петербургском Политехникуме // Воздухоплаватель. 1909. № 10.

³² Особые Журналы Совета Министров Российской империи. 1909—1917 годы. М.: РОССПЭН, 2001.

³³ Союз морских инженеров: ежегодник. Т. 1. Пг.: Тип. Е.Ф. Мекс, 1916. С. 235, 236.

³⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 491. Л. 137.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2034. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Там же. Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 78. Л. 64.

³⁸ Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. С. 401, 402.

I.V. Yevgrafova

«THE SHIPBUILDING FACULTY AND THE RUSSIAN REGISTER FOREVER IMPRINT THE MEMORY OF HIM»

Shipbuilder, scientist and teacher K.P. Boklevsky

Information about author. Irina Yevgrafova — dean of the faculty of natural science and humanities education at the St. Petersburg State Marine Technical University, Cand. Sc. (Educ.), associate professor, doctoral research scholar (St. Petersburg. E-mail: spbmtu@yandex.ru).

Summary. The article studies the life, naval service, scientific and pedagogical activity of the outstanding Russian shipbuilder, professor of the Petersburg Polytechnical Institute of Emperor Peter the Great and the Naval Academy, Major-General of the Corps of Naval Engineers K.P. Boklevsky on the basis of archival documents brought into scientific circulation. His contribution to the development of military and civilian shipbuilding, creation of the first shipbuilding faculty and aeronautical courses in Russia is evaluated.

Keywords: K.P. Boklevsky; I.P. Alymov; Russian maritime policy; ship design; ship architecture; domestic shipbuilding; training of ship engineers; General Naval Staff; Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great; shipbuilding department; shipbuilding faculty; Naval Academy; Corps of Naval Engineers; aeronautical courses; special school of aviation; Russian Register.

«ОБЯЗАТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ... ПРЕДОСТАВЛЯТЬ ИНВАЛИДАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ РАБОТУ»

Социальное обеспечение и трудоустройство инвалидов
Великой Отечественной войны в Карелии (1944—1957 гг.)

Сведения об авторе. Вавулинская Людмила Ивановна — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук (Республика Карелия, г. Петрозаводск. E-mail: ludvav@mail.ru).

Аннотация. Изучение проблем социального обеспечения инвалидов после Великой Отечественной войны является одним из важных направлений исследований в области социальной политики Советского государства. Несмотря на имеющуюся литературу, не все аспекты этой проблемы получили достаточное освещение, в частности положение домов инвалидов, вовлечение инвалидов в трудовую деятельность, организация их досуга. Анализ деятельности местных органов власти по социальному обеспечению инвалидов войны позволяет выявить общие закономерности культурной трансформации общества, проявившейся, в частности, в заботе и поддержке наиболее уязвимой категории населения. В статье поставлена задача на основе введения в научный оборот новых архивных материалов рассмотреть государственные меры социальной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны в Карелии в послевоенное десятилетие. Освещены проблемы материально-бытовых условий, пенсионного обеспечения и трудоустройства, медицинского обслуживания, организации отдыха, отмечены трудности и недостатки в процессе оказания социальной помощи инвалидам войны. Сделан вывод о том, что местные органы власти провели значительную работу по социальному обеспечению этой категории населения, однако вследствие тягот послевоенного времени, а нередко бюрократизма и формализма, не все проблемы удалось решить.

Ключевые слова: инвалиды; социальная защита; трудоустройство; дома инвалидов; материально-бытовое и медицинское обслуживание.

Деятельность государства по социальному обеспечению населения является одним из основных направлений исследования проблем социальной политики. Важный аспект данной темы — изучение инвалидности в контексте войн, что представляет не только научный интерес, но и практическое значение в условиях

современной России, когда требуются осмысление и помощь ветеранам войн и вооружённых конфликтов в XXI веке. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение опыта Советского государства по социальной реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны в послевоенные годы.

В последние два десятилетия возрос интерес исследователей к данной проблеме. В монографии А.Ю. Альбеевой исследованы теоретические основы правовой политики в отношении инвалидов на различных исторических этапах¹. В статьях Н.Ф. Басова², Д.А. Бистайкиной³ рассматри-

ваются этапы формирования системы социальной реабилитации инвалидов в России, показаны преобразования в деятельности организационно-управленческих структур социальной защиты, проводится сравнение систем социального обеспечения инвалидов в СССР и современной России.

В исследовании Е.Ю. Зубковой, посвящённом борьбе с нищенством в СССР, подчёркивается, что, несмотря на поворот к социальным программам в государственной политике в середине 1950-х годов, «развитие системы призрения инвалидов и престарелых осуществлялось на прежних государственно-

патерналистских принципах... В лучшем случае речь шла о трудовом обучении инвалидов и трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями»⁴.

Богатый фактический материал содержат статьи, посвящённые вопросам организации социальной помощи инвалидам в различных регионах страны⁵. В них анализируются проблемы трудоустройства, переобучения, лечебного, жилищно-бытового и материального обслуживания, пенсионного обеспечения инвалидов войны, отмечены трудности и недостатки в процессе оказания им социальной помощи, подчёркивается комплексный характер государственных мер по реабилитации инвалидов войны.

В связи с этим необоснованными выглядят точка зрения С.М. Емелина, считающего, что «при всей её многогранности проблема инвалидов войны не решалась по существу на государственном уровне. Государство делало вид, что данная проблема не существует», а также вывод автора о вынужденном применении мер государственной поддержки инвалидов, поощрении пассивного социально-профессионального поведения инвалидов, что характеризовало отношение к проблеме в целом⁶.

В статье А.А. Пасса⁷ на материалах Южного Урала исследуются наименее изученные проблемы трудовой деятельности инвалидов на кооперативных предприятиях в 1950-е годы. Автор приходит к важному, имеющему практическое значение выводу об оптимальной форме трудоустройства граждан с ограниченными физическими возможностями — кооперативном предприятии с вариативными видами занятости⁸.

Малоосвещённому в литературе вопросу — жалобам инвалидов Великой Отечественной войны как инструменте регу-

лирования отношений между государством и гражданами — посвятила статью Е. Чуева⁹.

К изучению проблем инвалидов проявляют интерес и зарубежные историки. Справедливо отмечая низкие размеры пенсий и заработной платы, сложности трудоустройства людей с ограниченными физическими возможностями, Б. Физелер¹⁰ полагает, что «трудоустройство приобрело приоритетное значение среди всех мер социального обеспечения инвалидов и даже превратилось в их единственную цель». При этом автор не учитывает ту работу, которая проводилась в разорённой войной стране по медицинской реабилитации инвалидов, оказанию им значительной материальной помощи, предоставлению ряда льгот, обучению новым профессиям.

В отличие от Б. Физелера М.К. Галмарини¹¹ признаёт, что «после войны “гуманность” (т.е. внимание властей к потребностям человека) стала важной основой для политики социального обеспечения. Кроме того, до Великой Отечественной войны господствовало упомянутое “правило исключения”, тогда как послевоенная система предоставляла равный доступ к социальной помощи всем общественным группам».

Несмотря на уже имеющуюся литературу по проблемам социального обеспечения инвалидов войны, региональные исследования позволяют расширить и углубить отдельные аспекты проблемы с учётом локальных особенностей. В статье на основе введённых в научный оборот архивных материалов впервые в Карелии, в местной исторической литературе, рассматриваются вопросы социальной реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие. Исследование подготовлено с комплексным использованием

системного, проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов.

С окончанием войны произошли большие изменения в характере и содержании всей работы органов социального обеспечения. Если в довоенный период их главными задачами являлись вопросы выплаты пенсий, то в первые послевоенные годы основной упор был сделан на трудовое устройство бывших фронтовиков, особенно инвалидов Великой Отечественной войны, организацию их лечения и протезирования, улучшение материально-бытовых условий и производственное обучение. О важности решения этих задач говорит тот факт, что по мере освобождения территории республики одними из первых в освобождённых районах возобновляли работу отделы гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих городских и районных исполкомов. Так, в столице Карелии г. Петрозаводске, освобождённом 29 июня 1944 года, такой отдел приступил к работе уже 9 июля 1944 года. В апреле 1945 года в республике на учёте в отделах соцобеспечения состояли 2362 инвалида войны, из них первой группы — 27, второй — 799 и третьей — 1536 человек¹².

Значительные трудности в послевоенные годы были связаны с бытовым устройством инвалидов и их продовольственным обеспечением, хотя эти проблемы испытывало большинство населения страны. 28 июня 1945 года бюро ЦК КП(б) Карело-Финской ССР¹³ приняло постановление «О состоянии социального обеспечения, трудового устройства и материально-бытового обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны по Карело-Финской ССР», которое определило главные задачи работы местных органов власти в данном направлении. Помощь

инвалидам включала как централизованные денежные выплаты в виде государственных пособий, пенсий и единовременной денежной помощи, так и создание фондов помощи за счёт средств трудящихся. Только за первый квартал 1945 года инвалидам войны было выдано пенсий и единовременных пособий на сумму 1 423 329 руб., выделено из фондов помощи 1039 кг муки и зерна, 270 кг картофеля, 5500 рублей денежной

помощь инвалидам и их семьям оказывали крупные предприятия, местная промышленность и кооперация.

В трудных условиях послевоенного времени особое значение приобретало пенсионное обеспечение инвалидов войны. Оно назначалось в зависимости от группы инвалидности, трудового стажа и величины ранее получаемой зарплаты, а также от принадлежности к рядовому или офицерскому составу. На

вой группы — 150 руб. в месяц, второй группы — 120, третьей — 90 руб. в месяц. Размеры названных пенсий повышались на 25 проц. военнослужащим сержантского и старшинского состава. Военнослужащим и их семьям, проживавшим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством, пенсия назначалась в размере 80 проц. от названных сумм¹⁵.

С 1 января 1946 года минимальные размеры пенсий инвалидам войны первой группы были повышены в два и более раза и составили 300 руб. в месяц, а для занятых в сельском хозяйстве — 250 руб.¹⁶

В сентябре 1946 года в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 13 августа 1946 года Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Совете министров КФССР было передано Министерству социального обеспечения КФССР¹⁷. В республике к этому времени действовали 29 районных и городских отделов социального обеспечения. Для назначения пенсий и пособий при районных и городских советах депутатов трудящихся были образованы 58 комиссий, которые рассматривали заявления трудящихся о назначении пенсий и пособий. В каждом районе республики работали ВТЭК, которые в 1946—1948 гг. освидетельствовали 56 108 человек¹⁸. К началу 1948 года получали пенсию 5249 инвалидов войны, 4211 инвалидов труда. Если в 1926—1927 гг. пенсия инвалиду в среднем за год в Карелии составляла 195 руб., то в 1947 году — 3163 руб. (263 руб. в месяц)¹⁹. Однако в целом пенсии как по старости, так и по инвалидности были незначительными и часто служили для пенсионеров источником обид и недовольства. Для сравнения можно привести приблизительную стоимость

В первые послевоенные годы основной упор был сделан на трудовое устройство бывших фронтовиков, особенно инвалидов Великой Отечественной войны, организацию их лечения и протезирования, улучшение материально-бытовых условий и производственное обучение

ссуды, 2764 м мануфактуры и 1405 предметов одежды, обуви и белья. Выдано подарков союзных стран 551 предмет, на приобретение продуктивного скота отпущено 300 тыс. рублей. Направлены на все виды протезирования и обеспечены протезами 176 человек¹⁴.

Важна была и моральная поддержка инвалидов войны и их семей. Особое внимание обращалось на активное привлечение к этой работе общественности. На местах проводились недели, декады, месячники помощи семьям военнослужащих, были организованы заготовка и подвозка дров, ремонт квартир. Большинство инвалидов войны обеспечивались земельными участками для огородов от 5 до 10 соток, семенами картофеля и овощных культур. Большую

основание постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года военнослужащим рядового состава, ставшим инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, или вследствие заболеваний на фронте, работавшим до призыва на военную службу в качестве рабочих или служащих и имевшим среднемесячную заработную плату до 400 руб., пенсии устанавливались в размерах: инвалидам первой группы — 100 проц. среднемесячной зарплаты, второй группы — 75 проц., третьей — 50 проц. среднемесячной зарплаты. Для не работавших до поступления на военную службу и их семей пенсии составляли: для инвалидов пер-

необходимого набора продуктов питания, исключая картофель, для третьего ценового пояса СССР, куда входила и Карело-Финская ССР. В ценах денежной реформы (декабрь 1947 г.) она составляла 8852 руб. 42 коп. в год, или 737 руб. 70 коп. в месяц, при условии его покупки в системе государственной розничной торговли²⁰.

В середине 1950-х годов с принятием Закона «О государственных пенсиях» (1956 г.) увеличился размер пособий пенсионерам — инвалидам войны. По закону устанавливались твёрдые размеры пенсий военнослужащим рядового состава срочной службы, ставшим инвалидами вследствие исполнения обязанностей военной службы либо заболевания, связанного с пребыванием на фронте. Минимальные размеры пенсий составили: по первой группе инвалидности — 385 руб. в месяц; по второй — 285; по третьей — 210 руб., максимальные размеры пенсий соответственно: 1200, 900 и 450 руб.²¹

Существенная помощь инвалидам войны и членам их семей оказывалась в виде введения ряда льгот, снижения или освобождения от различных налогов. Инвалиды Великой Отечественной войны освобождались от уплаты подоходного налога по всем доходам, с хозяйств инвалидов войны первой и второй групп снимались все числившиеся за ними недоимки прошлых лет по сельскохозяйственному налогу, по обязательному окладному страхованию, обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству, а также штрафы. Кроме того, в постановлении СНК СССР от 6 мая 1942 года «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» уже были установлены льготы для этой категории инвалидов. В частности, в нём говорилось: «Обязать руководителей пред-

приятий, учреждений и организаций в кратчайшие сроки, без задержек, предоставлять инвалидам Отечественной войны соответствующую работу...»²². А в постановлении Совета министров Карело-Финской ССР от 2 октября 1945 года исполкомам районных советов было предложено снижать в 1945—1946 гг. до 50 проц., а в отдельных случаях освобождать полностью от попенной платы²³ демобилизованных, производивших для себя заготовку топлива. Всем застройщикам

предлагалось 10 проц. новой и восстановленной жилплощади передавать исполкомам для предоставления её демобилизованным²⁴. Для инвалидов войны предусматривались также льготы по квартирной плате, преимущества при приёме на работу или учёбу.

Одной из наиболее важных задач местных органов власти являлось трудоустройство возвратившихся в Карелию людей. Уже в апреле 1945 года работой были обеспечены 2038 инвалидов войны (87,2 проц. их чис-

Лицевой счёт № 12

Инвалида Отечественной войны
Минина Александра Ефимовна

Дата выдачи	Наименование предметов	Росписка в получении	Дата сдачи	Росписка в приеме
1/15	Матрац - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Тюрок - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Одеяла баш - 2 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Тюрок - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Наволочки - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Тюрок - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Тюрок - 1 шт	Минина	16/5	Аллава
"	Рубашка хол - 1 шт	Минина		
"	Кальсоны - 1 шт	Минина		
"	Шейная косынка - 1 шт	Минина		
"	Брюки 1/5 - 1 шт	Минина		
"	Костюм шер - 1 шт	Минина		
"	Тюрок хол - 1 шт	Минина		
"	Коски 1/5 - 1 пара	Минина		
29/7/46	Ушард. в. п. - 1 шт	Минина		
	ср. фаянса 1 шт			
	Тюрок 1 шт			
	Калашник			

Лицевой счёт инвалида Великой Отечественной войны А.Е. Минина 1945 г. Документы Валаама

ла), из них третьей группы — 1504 человека, или 97,9 проц. Обучались 86 инвалидов войны, закончили учёбу 30 человек²⁵. При этом многие инвалиды были устроены на высококвалифицированную работу с более высокой зарплатой. Так, в Ругозерском районе инвалид войны Тегунов получал зарплату 700 руб., в то время как до войны — 450; инвалид войны Кротов из Петрозаводска

ставления предусматривалось лишение пенсии и снабжения продовольственными и промышленными товарами по нормам иждивенцев²⁷. Инвалиды второй группы привлекались к работе в зависимости от характера травм.

Российские исследователи признают наличие мер принуждения к труду по отношению к инвалидам, подчёркивая, что государство ставило задачу

организовало обучение 333 человек, из них 139 инвалидов Великой Отечественной войны. Инвалиды, окончившие обучение, получили специальности счётных работников, портных, сапожников, часовщиков, лесных работников, работников сельского хозяйства, шофёров, турбинистов (машинистов турбин), слесарей, киномехаников, железнодорожных мастеров и пр. На вновь организованных трёхмесячных курсах счётных работников при трудовом интернате «Ламберо», в котором содержались преимущественно инвалиды войны, в 1948 году получили квалификацию счетовода 45 человек. Кроме того, на сапожном и портновском отделениях были обучены 8 человек³¹. В учебно-производственных мастерских Общества слепых на клейке пакетов, щипке слюды, выделке щёток в 1951 году работал 31 человек, а Обществом глухонемых были вовлечены в работу на разных промышленных предприятиях 383 человека³². В то время в Карелии насчитывалось 32 048 инвалидов всех категорий, получавших пенсии, в т.ч. 4979 инвалидов Великой Отечественной войны³³. Трудовой деятельностью в 1951 году были заняты 89,2 проц. инвалидов войны, в т.ч. 97,3 проц. инвалидов третьей группы, 82 проц. членов семей умерших инвалидов войны, 63,6 проц. инвалидов труда, 66 проц. получавших пенсии по старости³⁴.

Одной из наиболее эффективных форм привлечения инвалидов к труду являлась кооперация, однако она испытывала значительные трудности в работе, связанные с нехваткой специалистов, оборудования и сырья, отсутствием механизации производственных процессов, неудовлетворительными условиями труда и быта. В 1947 году в Петрозаводске действовали 4 артели, созданные Союзом

Нередко инвалиды сталкивались с нежеланием руководства предприятий принимать их на работу, создавать надлежащие условия труда

— 750 руб. вместо 450 до войны; Соколов из Петрозаводска — 500 руб. вместо довоенной зарплаты в сумме 200 руб.²⁶

Однако далеко не все инвалиды войны могли устроиться на работу по прежней профессии, многие же из них не имели соответствующей специальности и вынуждены были довольствоваться подсобным низкооплачиваемым трудом, работая вахтёрами, чернорабочими и т.д. Нередко инвалиды сталкивались с нежеланием руководства предприятий принимать их на работу, создавать надлежащие условия труда.

В послевоенные годы вопросы трудовой деятельности инвалидов войны регулировались законами, постановлениями и инструкциями, принятыми в военное время. Согласно постановлению СНК № 73 от 20 января 1943 года «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» за уклонение инвалидов третьей группы от работы в течение двух месяцев со дня её предо-

полного охвата трудовой деятельностью этой группы людей, считая труд их обязанностью²⁸. Следует отметить, что трудовая активность инвалидов позволяла им реализовать своё стремление быть полезными обществу.

На 1 января 1946 года в Карелии в трудовой деятельности участвовало 86,7 проц. от общего числа инвалидов войны, а на 1 января 1947 года — 88,2 проц., что соответствовало средним данным по РСФСР²⁹. В то же время, как отмечалось в справке военного отдела ЦК КП(б) КФССР, слабым местом в работе органов соцобеспечения являлись недостаточная организация работы инвалидов на дому и обучение их новым специальностям через курсовую сеть, что позволило бы улучшить дело трудоустройства демобилизованных³⁰.

К началу 1948 года были трудоустроены 815 инвалидов войны второй группы (62 проц.) и 3829 — третьей группы (99 проц.). В 1948 году Министерство социального обеспечения

кооперативных артелей инвалидов (коопинсоюзом), они насчитывали всего 136 человек³⁵. Сырьё для артелей поступало из других регионов страны, местные же возможности использовались слабо: только 6 проц. продукции, выпущенной кооперацией инвалидов в 1946 году, было изготовлено из местного сырья³⁶.

В 1949 году в республике работали 17 артелей инвалидов, которые специализировались на производстве товаров народного потребления: металлической посуды, мебели, хлебобулочных изделий, пошиве и ремонте обуви и одежды. В артелях числились 1082 рабочих и служащих, из них 850 инвалидов. Объём произведённой продукции был незначительным: производственный план республики в ценах 1932 года был выполнен артелями всего в сумме 7741,7 руб.³⁷

Для нетрудоспособных инвалидов войны, не имевших родственников, которые могли бы их содержать, организовывались дома-интернаты и дома инвалидов. В них осуществлялась медицинская, социальная и трудовая реабилитация людей. Инвалиды были обеспечены мебелью, постельными принадлежностями, одеждой, обувью и питанием.

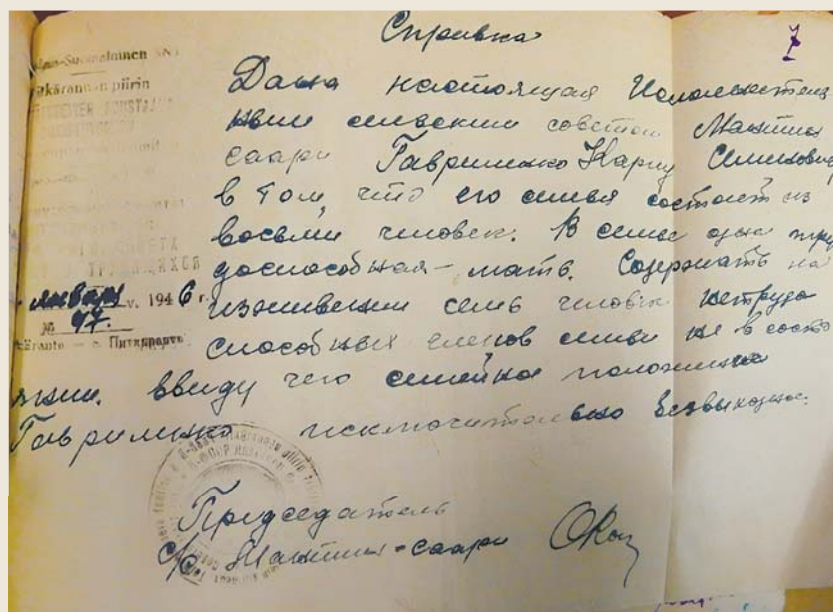
Одиноким инвалидам войны, помещённым в дома инвалидов, пенсии выплачивались в размере 25 проц. от назначенной суммы. По разъяснению Министерства социального обеспечения КФССР (январь 1948 г.), в тех случаях, когда размер пенсии превышал стоимость содержания в доме инвалидов, выплачивалась разница между пенсией и стоимостью содержания, но не менее 25 проц. от назначенной суммы пенсии³⁸. Инвалиды войны третьей группы могли быть зачислены на полное обеспечение в дом инвалидов только при условии

обучения в мастерских. При этом ученикам на руки выдавалось 50 проц. среднего месячного заработка.

До войны в республике насчитывалось 10 домов инвалидов. После окончания войны Министерство социального обеспечения восстановило 8 домов инвалидов на 870 человек, организовало лечебно-производственный интернат «Ламберо» на 60 мест для инвалидов Великой Отечественной войны. В 1948 году открылся дом отдыха для инвалидов войны на 80 мест в дер. Косалма. В домах инвалидов в январе 1948 года содержались 967 человек, в т.ч. 74 инвалида войны³⁹. Они попадали сюда по разным причинам. Кто-то не желал быть обузой для родственников, другие лишились жилья и семей, от некоторых отказались близкие люди, часть просто не смогла адаптироваться к мирным условиям. Некоторые инвалиды, оказавшись в трудной ситуации, спивались и нищенствовали, побираясь в людных местах.

Как следует из справки, семья бывшего танкиста К. Гавриленко, ослепшего на оба глаза, состояла из 8 человек, из которых трудоспособной была только мать, вследствие чего ему было дано направление в инвалидный дом. Однако спустя 5 лет, в августе 1951 года, мать забрала Гавриленко из инвалидного дома на своё иждивение⁴⁰.

Многие инвалиды нуждались в квалифицированной медицинской помощи, особенно в лечебно-производственном интернате «Ламберо». Некоторые из них имели открытые раны и болели туберкулёзом. Однако с момента организации интерната врача, положенного по штату, не было, и в интернате работала только одна медицинская сестра. Больные вынуждены были обращаться за медицинской помощью в Олонец, расположенный в 30 км от интерната, или в Петрозаводск. Лучше обстояло дело с обеспечением протезно-ортопедическими изделиями. В 1946 году инвалидам войны и труда было выдано 1093 про-

Справка сельсовета Мантсинсаари Питкярантского района инвалиду войны К.С. Гавриленко для помещения его в инвалидный дом
Январь 1946 г.
Документы Валаама

тезно-ортопедических изделия и отремонтировано 237 протезов⁴¹. Созданная в столице республики протезная мастерская в первые послевоенные годы обслужила свыше 1000 человек⁴². В конце 1940-х — начале 1950-х годов нуждавшимся в транспортных средствах инвалидам Великой Отечественной войны начали выдавать моторные коляски и машины с ручным управлением.

По рекомендациям врачей инвалидов войны часто направляли на лечение в ортопедический госпиталь и поликлинику Петрозаводска, в города Ленинград, Петрозаводск, Кондопога для заказа протезов, а также в Косалминский и Святозерский дома отдыха сроком на 18 дней и даже в санаторий г. Пятигорска сроком на месяц.

В 1948 году в санатории были направлены 188 инвалидов, в т.ч. 163 инвалида войны и 25 инвалидов труда. В домах отдыха Министерства социального обеспечения побывали 840 человек⁴³. Если в 1940 году на пенсии, пособия, содержание домов инвалидов и санаторно-курортное лечение в республике было израсходовано 19 950 тыс. руб., то в 1948 году — 65 700 тыс. руб.⁴⁴ В то же время существовавшая практика признания инвалидности требовала от людей ежегодного обращения во ВТЭК, что в условиях Карелии существенно затруднялось разбросанностью населённых пунктов и недостаточной сетью врачебно-трудовых комиссий.

Имели место и случаи невнимательного отношения к инвалидам войны, волокиты и формализма при рассмотрении их обращений в органы власти и министерства. Так, инвалид войны Медведева в 1947 году трижды обращалась в исполком Суоярвского районного совета с просьбой оказать содействие в ремонте квартиры, однако её

заявление в течение 75 дней пересылалось из райсовета в городской совет и обратно⁴⁵. Для того чтобы разрешить инвалиду В.Г. Соболеву пройти республиканскую комиссию ВТЭК, министерство вело с ним переписку в течение 2,5 месяца, и только после этого Соболев был переосвидетельствован ВТЭК с установлением ему третьей группы инвалидности⁴⁶. В годовом отчёте Министерства социального обеспечения КФССР за 1948 год отмечалось, что из поступивших в министерство 18 907 жалоб и заявлений 289 касались направления в дома инвалидов, 761 — пересмотра решения комиссии ВТЭК⁴⁷. Частыми были жалобы инвалидов на перевод в третью группу, не предусматривавшую освобождения от трудовой деятельности.

В 1950 году по указу Верховного совета Карело-Финской ССР был основан дом инвалидов на острове Валаам, ставший предметом продолжающихся до настоящего времени споров и мифотворчества. В ряде публикаций и сюжетов телепередач появились сведения о том, что сюда в конце 1940-х — начале 1950-х годов насильно свозились инвалиды со всей страны, чтобы не портить картину триумфа страны-победительницы⁴⁸.

Благодаря поиску российских и карельских краеведов, а также работе, проведённой карельской региональной общественной организацией «Содружество народов Карелии» в рамках проекта «Дом дружбы — мосты уважения», было установлено, что среднее число инвалидов на Валааме в 1950-е годы составляло около 1000 человек (1950 г. — 904, 1952 г. — 876, 1953 г. — 922, 1954 г. — 973, 1955 г. — 973, 1956 г. — 812, 1957 г. — 691)⁴⁹. Инвалиды, прибывшие на Валаам, чаще всего были уроженцами Карелии.

Они поступили из уже существовавших в республике домов инвалидов — «Рюттю», «Ламберо», «Святозеро», «Томицы», «Бараний берег», «Муромское», «Мантсинсаари». Размещению людей на острове способствовало наличие пустовавших зданий бывшего монастыря — добротных монастырских построек в 2—3 этажа.

Истории Валаама советского периода посвящён специальный номер альманаха «Сердоболь», издаваемого сортавальским историком и краеведом Виталием Рыстовым⁵⁰. В выпуске представлены уникальные архивные документы и воспоминания, в том числе из личных коллекций, которые наглядно подтверждают, что валаамский дом инвалидов являлся обычным социальным учреждением, все расходы на содержание которого взяло на себя государство. Инвалиды обеспечивались мебелью, инвентарём, постельными принадлежностями, одеждой, обувью, питанием. Среди обитателей заведения были не только инвалиды войны, но и инвалиды труда, престарелые инвалиды, бывшие заключённые. На Валаам никого не выселяли насильно, более того, из-за ограниченного количества домов инвалидов как в стране, так и в республике не все могли туда попасть, для этого требовалось одобрение органов социального обеспечения.

Изображённый на портрете известного художника Г.М. Доброва, побывавшего на Валааме в 1974 году, лейтенант Александр Подосёнов отправился добровольцем на фронт, когда ему исполнилось 17 лет. Войну окончил офицером. В Карелии получил пулевое ранение головы; все годы, проведённые на Валааме, мог лишь неподвижно сидеть⁵¹.

О добровольности помещения в дом инвалидов свиде-

тельствуют фотодокументы, размещённые в открытом доступе в Интернете российским генеалогом Виталием Семёновым⁵², например, письмо заведующего и инспектора Пудожского районного собес к гражданину А.И. Денежкину, где содержалась просьба сообщить, действительно ли он желает поступить в дом инвалидов. Если да, то выслать в райсобес соответствующее заявление.

Этот факт подтверждается и архивными документами, выявленными нами в Национальном архиве Республики Карелия. В докладной записке членов партии Тимоскайнен и Семёновой в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КП КФССР «О состоянии рассмотрения жалоб и заявлений в аппарате Министерства социального обеспечения КФССР» от 3 ноября 1952 года говорилось, что 5 жалоб и 420 заявлений, поданных в министерство, касались устройства в дома инвалидов⁵³.

По результатам проверки домов инвалидов на островах Валаам и Рюттю, проведённой отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КП КФССР в 1955 году, отмечалось, что на острове Валаам проживали 892 человека, из них 32 инвалида войны, 104 инвалида труда. Они размещались в основном в общих палатах, а семейные — в отдельных комнатах, иногда по две семьи. Эти помещения требовали ремонта. Кроме того, недоставало постельного белья, матрацев, посуды, мебели. Помывка инвалидов в бане проводилась нерегулярно, 1—2 раза в месяц. Вместо положенных по штату 3 врачей, 2 фельдшеров и 12 медсестёр работали 2 фельдшера и 3 медсестры. Лучше обстояло дело с организацией досуга инвалидов. Для них выписывались 20 экз. разных журналов,

173 экз. газет, в т.ч. центральных 23 экз., республиканских газет «Ленинская правда» на русском языке 70 экз. и на финском языке 30 экз., районной газеты «Красное знамя» 50 экз. Для регулярного чтения газет в палатах имелись 18 чтцов и агитаторов, работала библиотека с литературой на русском и финском языках. Выпускались стенгазета на русском и финском языках и «молнии». Работали 2 красных уголка, имелись музыкальные инструменты и игры.

Питались инвалиды в основном в столовой, за исключением семейных, которым продукты выдавались на руки. На недостатки в питании особых

жалоб не было. Молоко, мясо, в т.ч. птицы, зерновые, бобовые, кукуруза, картофель и другие овощи поступали в дом инвалидов из своего подсобного хозяйства. В нём насчитывалось: крупного рогатого скота 92 головы, из них дойных коров 39, свиней 130 голов, 36 лошадей, была птицеферма. Общая посевная площадь под картофелем, овощами и кормовыми культурами составляла 65 га. Имелись 3 фруктовых сада, в которых росли яблони, сливы, вишни и ягодные кусты⁵⁴. Однако планы по развитию и использованию поголовья скота и посевных культур не выполнялись, надой молока были низкими. Тем не менее

«Ранен при защите СССР» (Александр Подосёнов)

Валаам: Рисунки Геннадия Доброва, посвящённые трагедиям войны

подсобное хозяйство дома инвалидов служило подспорьем в тяжёлые послевоенные годы.

Со временем улучшались бытовые условия, медицинское обслуживание инвалидов. По штатному расписанию учреждения на 1957 год на отделение общего типа (465 мест), отделение психохроников (100 мест) и филиал для туберкулёзных больных приходились 4 врача, 2 фельдшера, 3 старших медсестры, 6 медсестёр, 76 санитарок, 16 санитарок-уборщиц и т.д.⁵⁵ На острове работали три бани, прачечная, амбулатория, парикмахерская, кладовая, библиотека с читальным залом, красный уголок, сапожная мастерская, две швейные мастерские, 2 мотобота, четыре кухни и столовые. Желающих направляли на курсы счетоводов и сапожников. Регулярно показывались кинофильмы, проводились лекции и концерты, включая гастрольные приезды артистов три раза в год.

Дом инвалидов на Валааме действовал с 1950 по 1984 год. Со временем он был переведён в новое здание в с. Видлица.

10 июля 2011 года на Игуменском кладбище на Валааме был открыт мемориал памяти воинов Великой Отечественной войны, проживавших и умерших в доме-интернате для инвалидов, а 7 мая 2021 года на территории Видлицкого дома-интерната состоялось открытие памятного знака ветеранам — инвалидам Великой Отечественной войны, проживавшим здесь. Открытию памятного знака предшествовала работа различных общественных и религиозных организаций при поддержке Министерства национальной и региональной политики республики, в результате которой были подготовлены исследовательские материалы почти о 400 фронтовиках Великой Отечественной войны, проживавших в доме-интернате на о. Валаам, в малых домах-интернатах республики и в селе Видлица⁵⁶.

Таким образом, правительство республики, местные органы власти в послевоенные годы приложили немало усилий для материально-бытового обеспе-

чения, медицинского обслуживания, профессионального обучения и трудоустройства инвалидов войны и их семей, создания домов инвалидов и трудовых интернатов. Материальная поддержка помогла многим фронтовикам пережить трудности, хотя её было явно недостаточно. В силу тяжёлого положения республики после разрушительной войны не всё удалось сделать по жилищному устройству инвалидов, снабжению их продовольственными и промышленными товарами, однако большинство населения испытывало тяготы и лишения, и они не могли быть преодолены в сжатые сроки. Тем не менее в те годы немало было сделано для социальной реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны, закрепления этих кадров в республике.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Альбеева А.Ю. Правовая политика России в отношении инвалидов (1917 г. — начало XXI века): историко-правовое исследование. Самара; Благовещенск: Самарский гос. экономический ун-т, 2016. 140 с.

² Басов Н.Ф. Социальное обеспечение, защита и поддержка инвалидов в советской и современной России // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 4. С. 143—149.

³ Бистайкина Д.А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2(22). С. 83—94.

⁴ Зубкова Е.Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940—1960-е годы // Труды Института Российской истории РАН. 2013. № 11. С. 306.

⁵ Мамяченков В.Н. Материальное положение инвалидов войны, пенсионеров

и семей погибших воинов в Свердловской области в первые послевоенные годы // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 150—154; Золотарёва В.Ю. Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в СССР в 1941—1964 гг. (на примере Читинской обл.) // Забайкалье историческое. Материалы III региональной научно-практической конференции / Под ред. Т.Г. Васильевой. Чита: изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2014. С. 32—38; Трошина Т.И. Оказание помощи военным инвалидам во время Великой Отечественной войны и в первые годы после её окончания (на материалах Архангельской обл.) [Эл. ресурс] // Наследие веков. 2015. № 1. С. 37—40; Мартинкевич И.А. Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны во 2-й половине 1950-х гг.: основные направления и трудности реализации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 116—122; Гиниатуллина Л.М. Дома-интернаты

для инвалидов войны Башкирской АССР (1942—1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 94—102; Хомякова Н.В. Проблемы реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны на Урале в послевоенные годы // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 250—254; Щербинин П.П. Особенности пенсионного обеспечения инвалидов войны и их трудоустройство в Тамбовской области в 40—50-е гг. XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1322—1331; Печалова Л.В. Кооперативные объединения в решении проблем социальной и профессиональной реабилитации воинов-инвалидов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (на материалах Северного Кавказа и Дона) // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 1. С. 5—5; и др.

⁶ Емелин С.М. Социальная политика в отношении инвалидов в СССР после Великой Отечественной войны: проблема соблюдения прав человека и идеологической целесообразности

сти // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2(100). С. 63, 68.

⁷ Пасс А.А. Труд инвалидов в экономике 1950-х годов: обуза или специфический ресурс (на примере промысловых кооперативов Южного Урала) // *Magistra vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 12(341). С. 74—77.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Чуева Е. «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношения между государством и инвалидами Великой Отечественной войны // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / Под ред. Е.Р. Яровой-Смирновой, П.В. Романова. М., 2008. С. 96—120.

¹⁰ Физелер Беате. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2—3(40—41). С. 290—297.

¹¹ Галмарины М.К. Было ли у советских людей право на помощь? Проблемы методологии, историографии и корпуса источников в изучении социальной помощи и прав человека в Советском Союзе в 1917—1953 гг. // Вестник Пермского ун-та. Серии: история и политология. 2009. № 2. С. 123—131.

¹² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1540. Л. 23.

¹³ Карело-Финская ССР существовала с 31 марта 1940 до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР.

¹⁴ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1540. Л. 25.

¹⁵ «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям». Постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. // СП СССР. 1940 г. № 19. Ст. 465.

¹⁶ Советское право в период Великой Отечественной войны в 2 ч. Ч. 1: Гражданское право. Трудовое право / Под ред. И.Т. Голякова. М.: Юридическое изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. С. 426.

¹⁷ НА РК. Ф. П-1394. Оп. 6. Д. 76. Л. 100—102.

¹⁸ Подсчитано по: там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2659. Л. 71; Д. 3410. Л. 14.

¹⁹ Там же. Д. 2833. Л. 94.

²⁰ Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946—1958: социально-экономические аспекты развития. М.: Наука, 2005. С. 93.

²¹ «О государственных пенсиях». Закон СССР от 14 июля 1956 г. Ст. 39. (www.consultant.ru).

²² «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих». Постановление СНК СССР от 21 сентября 1945 г. № 2436 // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4564.htm; Постановление СНК СССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны». Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4354.htm.

²³ Плата за древесину, взимаемая с лесозаготовителей при всех видах отпуска леса в рубку.

²⁴ НА РК. Ф. П-1394. Оп. 6. Д. 657. Л. 201—218.

²⁵ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1540. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199903-o-merah-po-trudovomu-ustroystvu-invalidov-otechestvennoy-voyny-postanovlenie-snk-sssr-ot-20-yanvarya-1943-goda-73>.

²⁸ Польшинский А.С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2(42). С. 190—199; Трошина Т.И. Указ. соч. С. 38; Чуева Е. Указ. соч. С. 106.

²⁹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2834. Л. 54.

³⁰ Там же. Д. 1540. Л. 24.

³¹ Там же. Д. 3410. Л. 3.

³² Там же. Д. 5048. Л. 7—8.

³³ Там же. Д. 5505. Л. 51.

³⁴ Там же. Д. 1864. Л. 41.

³⁵ Там же. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 516. Л. 54.

³⁶ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1864. Л. 41.

³⁷ Там же. Д. 4394. Л. 1—2.

³⁸ Документы Валаама. Фото 113 // Gallery.ru (russianmemory.gallery.ru).

³⁹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2833. Л. 96.

⁴⁰ Документы Валаама. Фото 25.

⁴¹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2834. Л. 66.

⁴² Там же. Д. 2833. Л. 91.

⁴³ Там же. Д. 3410. Л. 14.

⁴⁴ Там же. Л. 39.

⁴⁵ Там же. Ф. П-1394. Оп. 6. Д. 880. Л. 237.

⁴⁶ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5318. Л. 33, 34.

⁴⁷ Там же. Д. 3410. Л. 38.

⁴⁸ Кузнецов Е.П. Валаамская тетрадь. СПб.: Росток, 2004. 144 с.; Интернат. Преданы и забыты (Тайны СССР: Валаам, интернат для калек — ветеранов ВОВ) // Документальный фильм / Реж. Максим Катушкин. Россия, 2010.

⁴⁹ Сизов М. Валаамские списки // Официальный сайт Валаамского монастыря (valaam.ru).

⁵⁰ Сердоболь. Городской альманах. Вып. 13—14. Тема: «Валаам под красным флагом». Сортовала: В. Рыстов, 2013. 127 с.

⁵¹ Валаам: Рисунки Геннадия Доброва, посвященные трагедиям войны (24 фото) // Trinixy.ru. URL: <https://trinixy.ru/193792-valaam-risunki-gennadiya-dobrova-posvyaschennye-tragediyam-voyny-24-foto.html>.

⁵² Документы Валаама.

⁵³ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5318. Л. 30—31, 38.

⁵⁴ Там же. Д. 6461. Л. 22—28.

⁵⁵ Рыстов В. Дом инвалидов на Валааме // Сердоболь: городской альманах. 2013. № 13—14. С. 24.

⁵⁶ На территории Видлицкого дома-интерната открыли памятный знак проживавшим здесь ветеранам Великой Отечественной войны // Официальный интернет-портал Республики Карелия. 11 мая 2021 г.

L.I. Vavulinskaya

«TO OBLIGE THE LEADERS TO PROVIDE APPROPRIATE JOBS FOR THE DISABLED OF THE GREAT PATRIOTIC WAR»

Social security and employment of the disabled of the Great Patriotic War in Karelia (1944— 1957)

Information about author. Lyudmila Vavulinskaya — senior researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (city of Petrozavodsk, Republic of Karelia. E-mail: ludvav@mail.ru).

Summary. The study of disabled individuals' social security problems after the Great Patriotic War is crucial to the social policy research field of the Soviet state. Despite the available literature, certain problem aspects have not received sufficient coverage, notably homes for the disabled, their involvement in labor activities, and leisure time organization. The analysis of local authorities' activities on social welfare for war invalids enables us to identify cultural transformation patterns within society. These patterns exhibit a particular emphasis on providing care and support to the most vulnerable population segment. The article aims to evaluate the state measures supporting Great Patriotic War invalids in Karelia during the post-war decade by utilizing new archival materials in scientific research. The text illuminates the challenges in material and living conditions, pensions, employment, medical care, and recreation, as well as the difficulties and inadequacies in delivering social aid to war invalids. It is evident that the local authorities have invested considerable effort into enhancing the social security of this particular population. However, owing to the post-war challenges and the bureaucracy and formalism, not all issues have been effectively addressed.

Keywords: war invalids; social protection; employment; homes for the disabled; material and medical services.

«НА СУШЕ И ПРЕЖДЕ ДРАЛИСЬ МОРЯКИ...»

Подвиги Морского Гвардейского экипажа в 1812—1814 гг.
в произведениях живописи, графики и архитектуры

Сведения об авторе. Венков Никита Александрович — младший научный сотрудник Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого (Санкт-Петербург. E-mail: navalmuseum_org@mil.ru).

Аннотация. Созданный по повелению императора Александра I в 1810 году Морской Гвардейский экипаж покрыл себя славой в сражениях Отечественной войны 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Подвиги моряков-гвардейцев нашли яркое отражение в живописи, графике, монументальной архитектуре. В статье описываются неизвестные широкой публике произведения искусства, посвящённые этой тематике: портреты военачальников, батальная живопись, изображения воинских регалий, медальоны с зарисовками сцен сражений, хранящиеся в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого, а также памятные монументы на Бородинском поле и в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Морской Гвардейский экипаж; «царские гребцы»; Отечественная война 1812 года; Бородино; Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг.; Кульмский крест; Николо-Богоявленский морской собор; Георгиевское знамя; Нарвские ворота; контр-адмирал И.П. Карцов; Н.С. Самокиш; Ф.П. Толстой; И.А. Виноградский; Центральный военно-морской музей.

Первые упоминания о «царских гребцах» — предшественниках Морского Гвардейского экипажа — относятся к началу XVIII века, когда Пётр I набрал особую команду из числа потешных войск, которая сопровождала государя во всех его плаваниях, а также принимала участие в морских и сухопутных сражениях. Кроме того, шлюпки с гребцами были неотъемлемым атрибутом при передвижениях царской свиты по рекам и каналам Санкт-Петербурга. В 1714 году гребцы впервые получили свою форменную одежду и постоянное содержание. Императрица Елизавета

Петровна объединила личных императорских «комнатных гребцов» и придворных гребцов, создав Придворную гребецкую команду. Екатерина II, напротив, разделила их на Придворную яхтенную команду и Придворную гребецкую команду. В 1797 году император Павел I вновь объединил обе команды и вплотную занялся их профессиональной военной подготовкой. На основе «гребецкой команды» Александром I был сформирован Морской Гвардейский экипаж, который 16 февраля 1810 года возглавил капитан-лейтенант Иван Петрович Карцов.

В состав Гвардейского экипажа вошли четыре боевые роты (по 100 моряков в каждой), артиллерийское отделение с двумя полевыми орудиями, транспортная рота и оркестр (общая численность — 434 человека)¹. И.П. Карцов 1 марта 1810 года был произведён в чин капитана

2 ранга и в дополнение назначен командующим всеми придворными яхтами и судами. Под его началом состояли придворные гребцы (116 человек), моряки яхт (84 человека), морская команда Кронштадта (84 человека), отряд моряков Черноморского флота (30 человек) и моряки прочих

морских команд (99 человек). Моряки-гвардейцы несли двойную службу: они обслуживали придворные яхты и гребные суда, а также участвовали в гарнизонных и дворцовых караулах, смотрах и парадах, а в военное время — в сухопутных сражениях. Через сто лет о «сухопутной» службе

моряков Гвардейского экипажа напишет в своём стихотворении, посвящённом Первой мировой войне, Борис Герман: «На суше и прежде дрались моряки...» // И Царь разрешил отправляться // Нам дали на фронте две главных реки. // На них стали с немцем мы драться»². В собрании Центрального военно-морского музея (ЦВММ) хранится акварельный рисунок кисти художника Луиджи Монтеверде с изображением казарм Гвардейского экипажа³, входивший в альбомы-отчёты построек морского ведомства. К созданию подобных произведений привлекались многие известные художники и архитекто-

Портрет капитана 2 ранга
И.П. Карцова
*Неизвестный художник, первая
половина XIX в.
ЦВММ*

ры, в числе которых были А.С. Кудинов, Л.Ф. Лагорио, Л. Премацци⁴.

Отдельной страницей в славной истории Морского Гвардейского экипажа является участие в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Согласно распоряжению Александра I от 2 марта 1812 года морской министр маркиз И.И. де Траверсе отдал командиру экипажа капитану 2 ранга И.П. Карцову приказ выступить в поход в г. Вильно в составе 1-й дивизии 5-го (гвардейского) корпуса: «По высочайшему Его Императорского Величества повелению, Гвардейскому экипажу назначено в буду-

Гвардейский экипаж в Париже. 1814 г.
*Художник И.С. Розен, 1905 г.
ЦВММ*

щую субботу, 2-го марта, выступить в поход в г. Вильно»⁵. Моряки-гвардейцы участвовали в боевых действиях Отечественной войны 1812 года в качестве инженерно-понтонного подразделения и проявили немалую доблесть. Во время Бородинского сражения они взорвали мост через реку Колочь, загнав в ловушку 106-й линейный полк наполеоновских войск, который так и не смог переправиться на правый берег реки и с ходу захватить Шевардинский редут⁶. В завязавшемся бою егеря и гвардейцы полностью уничтожили наступающие силы противника⁷. В дальнейшем моря-

Портрет вице-адмирала
Н.П. Римского-Корсакова
Художник Г.И. Ботман, 1849 г.
ЦВММ

ки-гвардейцы участвовали в уничтожении переправ при отходе русских войск из Москвы, в сооружении переправ через Днепр, Березину и другие реки в ходе преследования отступавшей французской армии. Артиллерийская команда моряков-гвардейцев отлично проявила себя в сражениях под Малоярославцем и под Красным.

Сооружение собственных и уничтожение вражеских переправ проводились в тяжёлых условиях: «8 августа 1812 года. После переправы армии через Днепр у с. Соловьево 3-я рота Гвардейского Экипажа с лейтенантами Чихачевым, Дубровиным и Хмелевым

Георгиевское знамя, пожалованное
Гвардейскому экипажу за участие
в сражении при Кульме 17 августа 1813 г.

Художник С.Д. Всеволожский, XIX в.
ЦВММ

1810 *А* *Тогда*
Георгиевский Экипаж
1813. За оказанные подвиги
В сражении 17 августа 1813
при Кульме.
1838. Георгиевский Экипаж.
Найденный и сохраненный

была командирована для уничтожения постоянных мостов. Поручение это было успешно исполнено под огнем неприятельских разьездов. Рота в этом деле потеряла 5 человек убитыми и тяжело ранеными»⁸. В сражении при Кульме (1813) Морской Гвардейский экипаж участвовал в штыковых атаках и понёс большие потери: погибли 75 проц. офицеров и 38 проц. нижних чинов⁹. За этот героический бой 111 офицеров и матросов-гвардейцев были награждены орденами и медалями¹⁰.

Контр-адмирал И.П. Карцов прошёл всю войну и участвовал во взятии Парижа¹¹. На портрете кисти неизвестного художника из собрания ЦВММ он изображён с серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года», бронзовой дворянской медалью в память Отечественной войны 1812 года, а также Кульмским крестом — особой наградой, учреждённой прусским королём Фридрихом-Вильгельмом III. Всего же «в октябре 1815 года матросам Экипажа, которые наиболее отличились в боях под Бауценом и Кульмом, были вручены 45 “Знаков отличия Военного ордена” и Кульмские кресты»¹².

На живописных полотнах были запечатлены и другие герои войны — офицеры Морского Гвардейского экипажа. В частности, Г.И. Ботман написал портрет вице-адмирала Н.П. Римского-Корсакова (хранится в ЦВММ), где Николай Петрович предстаёт

с орденом Св. Анны 3-й степени, полученным за участие в Бородинском сражении, Кульмским крестом, серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа», бронзовой дворянской медалью в память Отечественной войны 1812 года. Н.П. Римский-Корсаков участвовал во всех сражениях на центральном направлении, в 1813 году при Кульме был тяжело ранен, а в 1814-м вступил вместе с русскими войсками в Париж¹³.

За участие в сражении при Кульме Гвардейский экипаж высочайшим приказом от 26 августа 1813 года был награждён Геор-

гиевским знаменем с надписью: «За оказанные подвиги в сражении 17-го августа 1813 года при Кульме». Проект этого знамени был разработан генералом А.А. Аракчеевым и утверждён императором 22 декабря 1813 года во Фрейбурге¹⁴. В 1860 году к знамени были добавлены две ленты. Первая из них содержала текст: «За оказанные подвиги в сражении Гвардейского Экипажа» и вензеля Александра I и Александра II; вторая имела надпись: «Команды придворных гребцов и яхт 17-го августа 1813 года при Кульме», вензель Петра I и изображение двуглавого орла.

Орденская Андреевская лента и скоба на Георгиевское знамя Гвардейского экипажа

Неизвестный художник, 1860-е гг.
ЦВММ

Вызолоченная скоба с вензелем императора Александра I и надписью: «1810 года Гвардейский экипаж. 1813 г. За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме»

1838 г.
ЦВММ

Гвардейский экипаж в Париже. 1814 г.

Художник И.С. Розен, 1911 г.
ЦВММ

Имена гвардейских полков, проявивших себя в Отечественной войне 1812 г., на фасаде Нарвских Триумфальных ворот

Архитектор В.П. Стасов, 1827—1834 гг.

Знамя было торжественно помещено в верхний храм Николо-Богоявленского морского собора 10 мая 1910 года, когда храм состоял в ведении экипажа¹⁵. В память 25-летия сражения при Кульме к древку знамени была пожалована вызолоченная скоба с вензелем Александра I и надписью: «1810 года Гвардейский экипаж. 1813 г. За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме». Само знамя и ленты к нему не сохранились. Древко Георгиевского знамени со скобой и навершием образца 1806 года хранится в собрании Центрального военно-морского музея. Изучить подробное изображение этого знамени можно по акварели художника С.Д. Всеволожского, хранящейся в ЦВММ.

После вступления в Париж 20 марта 1814 года моряки Гвардейского экипажа разместились в Вавилонских казармах на Вавилонской улице, где ранее располагалась французская гвардия. Там они находились два месяца, участвуя в караулах. Об этом пребывании повествует цикл живописных работ художника-баталиста И.С. Розена, среди которых две картины с одинаковым названием «Гвардейский экипаж в Париже. 1814 г.» (обе — в собрании ЦВММ), изображающие гвардейских моряков на фоне Вавилонских казарм. Картина И.С. Розена «Гвардейский экипаж в Париже перед смотром Александра I» отображает приём императором почётного караула экипажа в особняке французского диплома-

та Ш.М. де Талейрана. На полотне можно увидеть и Георгиевское знамя, пожалованное морякам-гвардейцам.

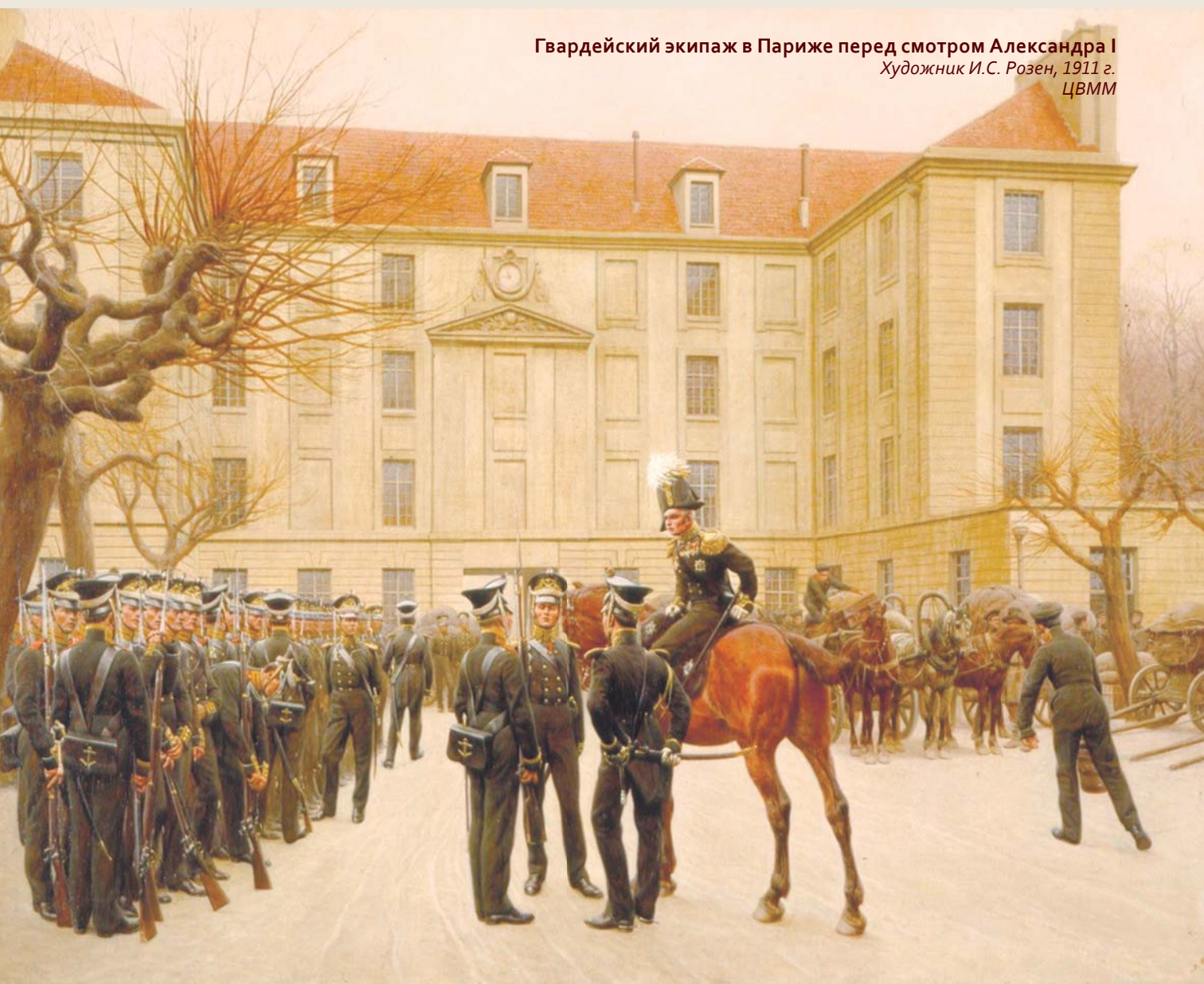
По возвращении из Парижа Гвардейский экипаж вместе с гвардией 30 июля 1814 года торжественно вступил в Санкт-Петербург и прошёл через временные триумфальные ворота у Нарвской заставы. В 1830 году архитектор В.П. Стасов предложил проект новых капитальных ворот: «Двадцать первого мая 1830 года было оконча-

тельно принято решение строить ворота из кирпича, одеть их медными листами и изготовить все скульптурное убранство тоже из листовой меди»¹⁶. В наши дни на фасаде этих ворот золотыми буквами увековечено его имя в числе полков русской гвардии, особо отличившихся в боевых действиях в 1812—1814 гг.

Участие экипажа в Отечественной войне 1812 года косвенно отмечено и в копиях медальонов Ф.П. Толстого на тему Отечественной войны 1812 года и

Заграничных походов русской армии, созданных в 1912 году неизвестным художником, вероятно, к столетнему юбилею победы. Среди них медальоны «Бегство Наполеона за Неман. 1812 г.», «Бородинская битва. 1812 г.», и «Освобождение Москвы. 1812 г.» (все — в собрании ЦВММ). Предметы изобразительного искусства, в которых была отражена память о подвигах Гвардейского экипажа, фиксируют их с документальной точностью или в метафорической форме.

Гвардейский экипаж в Париже перед смотром Александра I
Художник И.С. Розен, 1911 г.
ЦВММ

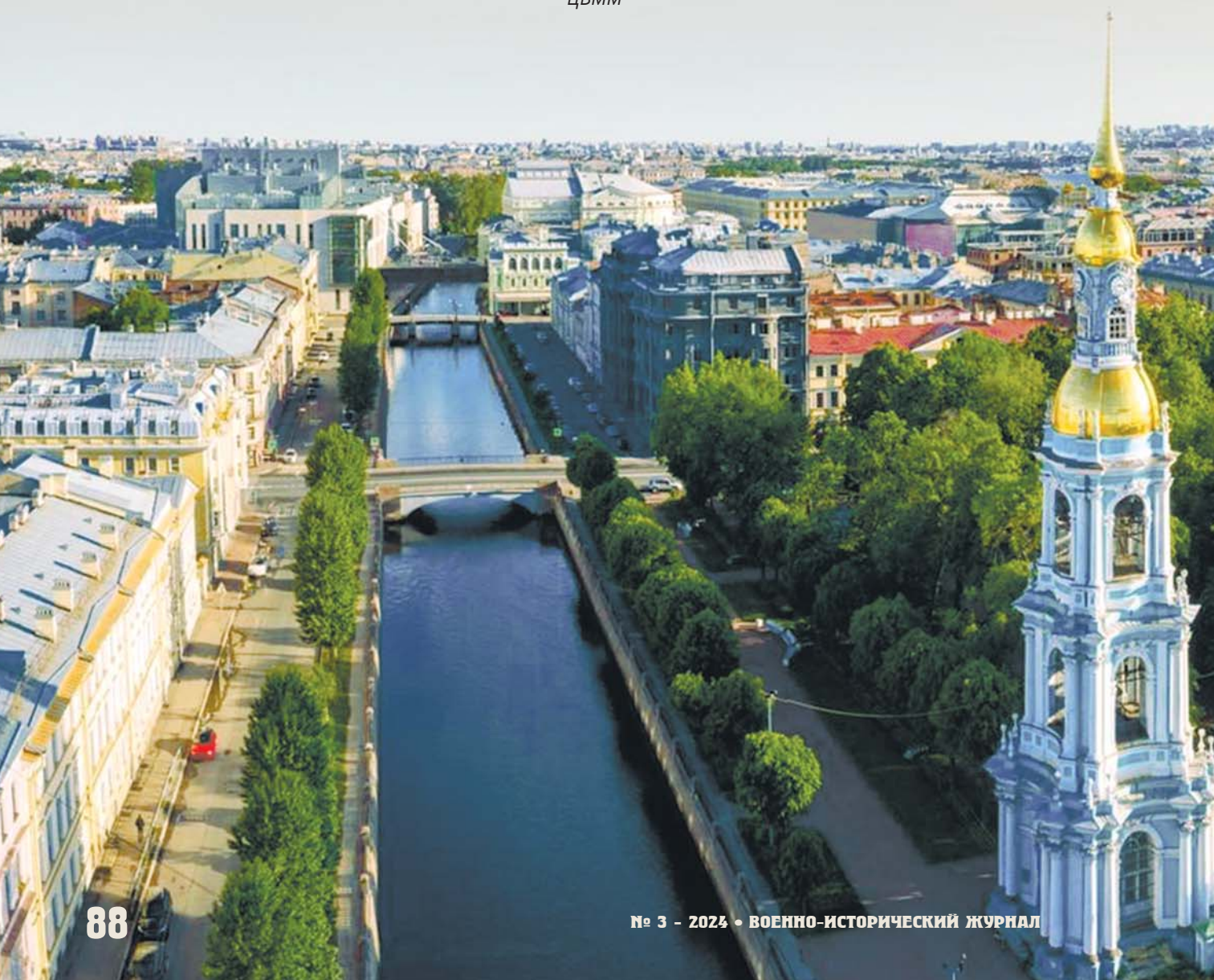
Важно упомянуть монументальные памятники и мемориальные предметы, посвящённые этим событиям. Так, к 100-летию юбилею Бородинского сражения в 1912 году на деньги родственников офицеров экипажа и лейб-гвардии Егерского полка был воздвигнут памятник в честь подвига егерей и моряков-гвардейцев на Бородинском поле, возле реки Колочь. Монумент представляет собой белокаменную колонну дорического ордера, увенчанную бронзовой скульптурой двуглавого

**Бегство Наполеона за Неман.
1812 г.**

*Неизвестный скульптор.
Копия с оригинала художника
Ф.П. Толстого, 1912 г.
ЦВММ*

орла. Постамент колонны украшен бронзовым изображением Кульмского креста. На западной стороне постамента выгравирована надпись: «Лейб-егеря доблестным предкам и их боевым товарищам чинам гвардейского экипажа 1912 г. Офицеры убитые и умершие от ран в Бородинском сражении». Надпись на южной стороне повествует о погибших в день Бородинского сражения: «В день сражения 26 августа в полку находилось: офицеров — 51, егерей — 1834, Гвардейского экипажа офи-

церов — 1, матросов — 30. Выбыло из строя полка: офицеров 27, егерей — 693, Гвардейского экипажа матросов — 11». Ещё один уникальный мемориальный предмет хранится в Николо-Богоявленском морском соборе в Санкт-Петербурге. В середине XIX века Гвардейским экипажем в этот храм был пожертвован образ Святителя Николая Чудотворца с надписью: «От артиллерийской команды Гвардейского экипажа, 1810—1846 гг.». «Образ был украшен медалями и георгиевскими крестами,

**Освобождение Москвы.
1812 г.**

*Неизвестный скульптор.
Копия с оригинала художника
Ф.П. Толстого, 1912 г.
ЦВММ*

завещанными ему участниками этих кампаний»¹⁷. Он являлся полковой иконой, находился вместе с командой под Бородино и во время Заграничных походов 1813—1814 гг., став свидетелем подвигов гвардейских моряков. Следует отметить, что война 1812 года осознавалась широкими массами русского народа как война православная. Это привело к тому, что после её окончания во многих местах Российской империи появились церкви, часовни, иконы, связанные с этими событиями¹⁸.

Николо-Богоявленский морской собор
Архитектор С.И. Чевакинский, 1753—1762 гг.

**Памятник лейб-гвардии Егерскому полку
и матросам Гвардейского экипажа**
Архитекторы Ф.Н. Еранцев, Н.А. Пермяков, 1912 г.
Музей-заповедник «Бородинское поле»

**Надпись на западной стороне постаamenta памятника лейб-гвардии
Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа**
Архитекторы Ф.Н. Еранцев, Н.А. Пермяков, 1912 г.
Музей-заповедник «Бородинское поле»

Казармы Гвардейского экипажа
Художник Луиджи Монтеверде, середина XIX в.
ЦВММ

Подвиги Гвардейского экипажа в войнах с Наполеоном стали предметом исследования военных историков. В 1899 году вышел труд офицера экипажа И.А. Виноградского «Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года», а в 1903-м — «Морской Гвардейский экипаж в кампанию 1813 года». Обе монографии оформлял художник-баталист Н.С. Самокиш.

На титульном листе монографии 1899 года в верхней части изображена виньетка, состоящая из кивера офицера Гвардейского экипажа, ранца, орудий и эмблемы подразделения. По обеим сторонам — знамёна с перечислением названий сёл и городов, где происходили сражения с французами в 1812 году. Слева — изображение унтер-офицера экипажа. В середине книги помещена иллюстрация, изображающая мост через реку Колоочь, взорванный во время Бородинского сражения. На титульном листе монографии 1903 года между моряками — виньетка с названиями мест, где произошли наиболее важные сражения кампании 1813 года, и городов, через которые русская армия шла на Париж: Плоцк, Бауцен, Дрезден, Кульм, Кенингштейн, Лейпциг, Цель (Цволь), Базель. Изображение на последнем листе монографии, выполненное Н.С. Самокишем, представляет собой метафору боевого противостояния Гвардейского экипажа и наполеоновской гвардии: эмблема экипажа с вензелем Александра I в лавровом венке «противостоит» символу гвардии Первой импе-

рии — орлу с монограммой «N» в лавровом венке. Ниже в символической борьбе «сплетаются» лентами русская и французская награды: орден Святого Георгия и орден Почётного легиона. Важно отметить, что в обоих случаях художник не совсем внимательно подошёл к вопросу о достоверности униформы изображённых гвардейцев: в период Наполеоновских войн цвет брюк унтер-офицеров был чёрным, в то время как на данных гравюрах они изображены белыми.

Изучая вышеперечисленные памятники, следует отметить важную роль юбилейных дат, в честь которых они создавались и преподносились. Упомянутые ранее копии с медальонов Ф.П. Толстого, барельефы с профилем Александра I и изображением Бородинской битвы работы неизвестного скульптора Императорского фарфорового завода, созданные в 1912 году (все — в собрании ЦВММ), памятник, установленный на Бородинском поле, картины

И.С. Розена посвящались столетнему юбилею победы в Отечественной войне 1812 года. В честь двадцатипятилетнего юбилея битвы при Кульме Гвардейскому экипажу была подарена скоба для древка Георгиевского знамени. Так благодаря произведениям живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства удалось сохранить память о не известных широкой публике подвигах моряков Гвардейского экипажа на полях сражений Наполеоновских войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малышев Л.А. Морской гвардейский экипаж. СПб.: МСТ, 2011. С. 57.

² Бочаров А. «Так громче, музыка, играй победу, мы Щурин взяли, и враг бежит» // Новый часовой. 2002. № 13/14. С. 179.

³ На рисунке изображено здание казарм Гвардейского экипажа, построенное в конце XVIII в. Экипаж располагался в этом здании после 1819 г.

⁴ Айвазовский и великие русские маринисты: навстречу 200-летию Ивана Константиновича Айвазовского. М.: Изд-во Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, 2016. С. 8.

⁵ Виноградский И.А. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1899. С. 3.

⁶ Гарнич Н.Ф. 1812 год. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госкультпросветиздат, 1956. С. 52.

⁷ Малышев Л.А. Указ. соч. С. 67.

⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 935. Оп. 2. Д. 190. Л. 2—5.

⁹ Малышев Л.А. Указ. соч. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Материалы по русской иконографии: [сборник]. Вып. 5: Русские портреты XVIII — начала XX вв.: портретная живопись из собрания Центрального военно-морского музея, 2016. С. 118.

¹² Малышев Л.А. Указ. соч. С. 77.

¹³ Материалы по русской иконографии... С. 256.

¹⁴ Малышев Л.А. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Сойко Б.И., Шкаровский М.В., Исакова Е.В. Николо-Богоявленский кафедральный Морской собор: исторический очерк. СПб.: Алмаз, 1998. С. 90.

¹⁶ Пилявский В.И. Русские триумфальные памятники. Ленинград: [б.и.], 1960. С. 20.

¹⁷ Сойко Б.И., Шкаровский М.В., Исакова Е.В. Указ. соч. С. 90.

¹⁸ Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года — источники, памятники, проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции (Бородино, 8—10 сентября 2003 г.). Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2004. С. 202.

N.A. Venkov

«SAILORS HAVE FOUGHT ON LAND BEFORE...»

Achievements of the crew of the Naval Guard in 1812—1814 in the works of painting, graphics and architecture

Information about author. Nikita Venkov — junior researcher at the Emperor Peter the Great Central Naval Museum (St. Petersburg. E-mail: navalmuseum_org@mil.ru).

Summary. Created by the order of Emperor Alexander I in 1810, the Naval Guards Crew covered itself with glory in the battles of the Patriotic War of 1812 and overseas campaigns of the Russian army in 1813—1814. The heroic deeds of the Sailor-Guardsmen were vividly reflected in paintings, graphics, and monumental architecture. The article describes works of art devoted to this theme, which are not known to the general public: portraits of military leaders, battle paintings, pictures of military regalia, medallions with sketches of battle scenes, kept in the Central Naval Museum named after Emperor Peter the Great, as well as memorial monuments on the Borodino Field and in St. Petersburg.

Keywords: Naval Guards Crew; Tsar's rowers; Patriotic War of 1812; Borodino; Overseas campaigns of the Russian Army in 1813—1814; Kulm Cross; St. Nicholas the Epiphany Naval Cathedral; St. George's Banner; Narva Gate; Rear Admiral I.P. Kartsov; N.S. Samokish; F.P. Tolstoy; I.A. Vinogradsky; Central Naval Museum.

«...НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕБУЕТ КОНЦЕНТРИРОВАНИЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СИЛ»

Сражение за местечко Семятичи — первая победа русского оружия в ходе подавления Польского восстания 1863—1864 гг.

Сведения об авторе. Карпович Олег Валерьевич — методист отдела воспитательной работы с молодёжью Брестского государственного технического университета (г. Брест, Республика Беларусь. E-mail: oleg3080@bk.ru).

Аннотация. Современная российская историография Польского восстания 1863—1864 гг. уделяет мало внимания боевым действиям правительственных войск против мятежников, в том числе и на территории современных польских регионов. Одним из «историографических пробелов» стало сражение 25—26 января 1863 года за местечко Семятичи Бельского уезда Гродненской губернии. Местность, значительно укреплённая восставшими, их существенное численное преимущество — казалось, все факторы были против русских войск. Тем не менее они сумели разгромить почти в два раза превосходившего их противника и штурмом овладеть Семятичами. В статье на основе нескольких зарубежных источников предпринята попытка анализа одной из крупных успешных военных операций русских войск на начальном этапе восстания, которая завершилась полным разгромом мятежников. Описана подготовка восстания в Семятичах, дана численность русских войск и повстанческих отрядов, проанализирована информация о взаимных потерях.

Ключевые слова: Польское восстание 1863—1864 гг.; Царство Польское; местечко Семятичи; Гродненская губерния; русские войска; мятежники; Либаковский пехотный полк; генерал-адъютант В.И. Назимов; генерал-лейтенант З.С. Манюкин; капитан А. Гейнс; В. Левандовский; С. Сонгин; В. Цихорский; Р. Рогинский; Б. Рылский.

Имение Семятичи — владение отставного капитана русской армии барона Карла Феншау — располагалось на правом берегу реки Камионка, правого притока Западного Буга. Городок находился на пересечении маршрутов Высоко-Литовск — Дрогичин и Ломжа — Люблин; здесь проходил

крупный тракт Москва — Варшава. Численность населения не превышала 2800 человек, большинство из которых были евреями. В июне 1862 года оттуда ушёл российский гарнизон, городок стал «сборным пунктом польских революционеров и местом приготовления к бунту»¹.

По некоторым данным, уже в конце октября 1862 года в городке возникла подпольная организация, основной задачей которой была подготовка региона к предстоящему восстанию против Российской империи. Главными организаторами подпольного комитета стали управляющий имением Домбровский, его кузен Мрозовский, бывшие акцизные чиновники Бельского уезда Станислав Сонгин и Якуб Пиотровский, фельдшер

имения крестьянин Высоцкий. В замке помещика Домбровский устроил склад оружия, амуниции и продовольствия².

Многочисленные каменные строения населённого пункта в случае начала боевых действий позволяли выдерживать долгую осаду. Это были окружённые каменными стенами кладбища — католическое и православное; строения бывшего монастыря одного из католических орденов, а также трёхэтажный замок самого помещика — прямоугольное

здание с двумя боковыми флигелями³.

На протяжении двух месяцев до начала восстания в местечке велись фортификационные работы по созданию условий для долговременной обороны, чему не препятствовало отсутствие военных властей.

Первые группы мятежников появились в Семятичах уже в ночь на 7 января*, за четыре дня до всеобщего восстания в Польше. Сначала

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

ла восставших было немно- го, но уже на следующий день бывшие офицеры русской армии Януш Коссаковский, Теофил Левергарг, Якуб Пиотровский, Юзеф и Болеслав Токаревичи привели отряд крестьян (косинеров), воору- жённых косами, заточенными с двух сторон⁴.

Сначала мятежники раз- местились в здании бывшего католического монастыря, но затем, с увеличением общей численности, многие жители местечка стали приглашать их к себе. 20 января в Варшаву с семьёй выехал владелец имения барон Феншау, и под- польный комитет переместил- ся в хозяйский замок. Позднее власти имели подозрения в отношении помещика, но до- казать его причастность к за- говору не смогли.

После отъезда барона мя- тежный комитет окончательно взял власть в местечке. Гражданское руководство Семятичами возглавил Ста- нислав Сонгин, а во главе военной организации встал Бронислав Рыльский, являв- шийся также повстанческим военным начальником Бяль-

ского уезда⁵. Значительную помощь в обмундировании восставших, их вооружении и снабжении продовольствием оказали местные евреи-ре- месленники⁶.

Как писал позднее в своём рапорте земский исправник Бельского уезда Иван Ловорко, мятежники заставили «жите-

Мятежники сжигали документы, а местных православных и католических священников под угрозой силы заставляли провозглашать манифесты Варшавского национального комитета

Сражение под Семятичами
Неизвестный художник

лей им повиноваться, а дабы кто из них не отлучился для донесения об этом местному начальству, расставляли постоянно многочисленный пикет, воспрещая с угрозами выйти кому-либо из пределов» городка. Почти каждый день из населённого пункта рассылались по окрестным сёлам небольшие группы восставших, грабившие сельские волостные правления. Мятежники сжигали документы, а местных православных и католических священников под угрозой силы заставляли провозглашать манифесты Варшавского национального комитета. В Радзивилловском сельском правлении 20 вооружённых повстанцев 21 января разграбили казну, насильно забрали волостного старшину и писаря, отбили рекрутов и удалились обратно в Семятичи⁷.

22 января в этот городок по приглашению Рыльского стали прибывать подразделения из

крупного повстанческого отряда помещика Варшавской губернии Царства Польского Владислава Цихорского⁸. На следующий день подошёл и сам командир с последней колонной. Его отряд численностью в 2000 человек был сформирован в селении Цехановец (на границе Августовской и Гродненской губерний), где при поддержке местных жителей пополнялся боеприпасами, амуницией и продовольствием⁹.

Хорошо экипированные и вооружённые бойцы Цихорского прошли боевое крещение при столкновениях с русскими войсками в городке Сураж Бельского уезда, а также в Тыкоцине Августовской губернии. Состав отряда Цихорского был следующим: на каждую тысячу человек приходилось 100 человек кавалерии и 208 стрелков, разделённых на четыре взвода

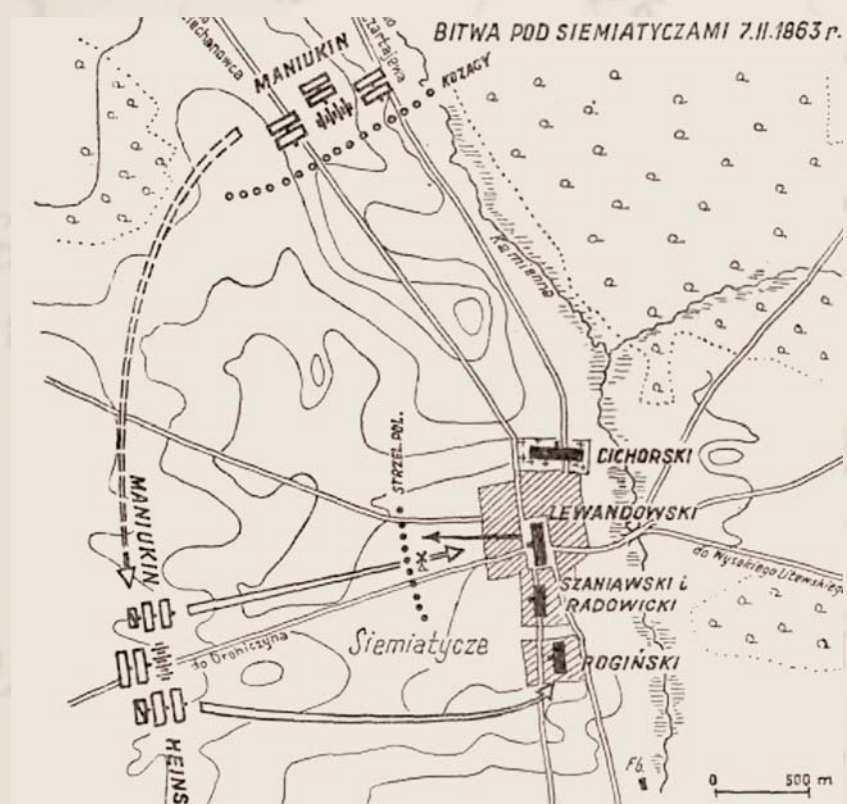
по 52 человека в каждом, под командованием опытных офицеров. Стрелки были вооружены одно- и двухствольными ружьями и штуцерами¹⁰.

24 января в Семятичи привёл около 400 человек повстанческий начальник Бяльского уезда доктор Владислав Чарковский, который командовал косинерами в отряде Валентия Левандовского¹¹. После сражения 22 января под местечком Венгров Люблинской губернии около 800 человек привели в Семятичи Ян Матлинский и Владислав Яблоновский¹².

Относительно общей численности всех отрядов в Семятичах точных данных нет. Приблизительно она составила около 4000—5000 человек.

Среди мятежников началась борьба за власть. Цихорский на правах члена повстанческого комитета Ломжинского уезда провозгласил себя «командующим Подляшской армией». В свою очередь возможное первенство Цихорского не устраивало Рыльского, который раньше определил для себя Семятичи. Теоретически общее командование повстанцами мог принять на себя Левандовский, назначенный Варшавой начальником Подляского воеводства. Но сам Левандовский не обладал должным авторитетом и почти полностью утратил контроль над вверенным ему регионом. Он полагался на своего заместителя — комиссара Подляшья Романа Рогинского как самого способного командира. Но где он находился, Левандовский не знал, и бродил со своими людьми по лесам в его поисках¹³.

Между тем сам Рогинский со своим отрядом расположился недалеко от имения Высоко-Литовск Брестского уезда князя Ксаверии Сапегги, где безуспешно пытался получить помощь от магната.

План сражения при Семятичах 1863 г.

Из кн.: Płoski Stanisław. Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. X. Zeszyt 1. Warszawa, 1938.

Не добившись её и уходя от преследовавшего мятежников Брестского отряда русских войск полковника графа И.Г. Ностица, Рогинский заночевал в лесу. Там от проводника он узнал, что в 35 верстах, в Семятичах, «стоит отряд повстанцев, неизвестно под чьим начальством и какой численности»¹⁴. На правах комиссара Подляшья Рогинский отправил в Семятичи конный разезд к начальнику местного гарнизона с предложением обсудить план действий. Вскоре Рогинский получил ответ от «главного вождя подлясской армии» Цихорского с требованием прибыть в Семятичи для аналогичных целей. Рогинский с отрядом в 950 человек и огромным обозом из 100 повозок отправился в путь и, не доходя 10 вёрст до места назначения, остановился в придорожной корчме на ночлег¹⁵.

Гродненская губерния входила в зону ответственности Виленского военного округа, образованного в 1862 году. Командующий войсками округа одновременно являлся и виленским генерал-губернатором. До мая 1863 года таким был генерал-адъютант В.И. Назимов. В Гродненской губернии на постоянной основе до начала восстания размещалась 2-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта З.С. Манюкина в составе Ревельского, Калужского, Эстляндского и Либавского пехотных полков; штаб дивизии — в Белостоке. Там же находились подразделения Либавского пехотного полка¹⁶. С началом боевых действий полки дивизии постоянно активно искали мятежников. В Бельском уезде русских войск практически не было, чем и воспользовались мятежники, переходя из селения в селение и утверждая там свою власть.

Получив информацию о значительном скоплении мятежников в окрестностях Семятичей, военное руководство сформировало сводный полк, который лично возглавил генерал Манюкин. В состав полка вошли три роты Либавского полка, две — Калужского, 2-й стрелковый батальон и четыре орудия 2-й артиллерийской бригады при поддержке казачьей сотни 33-го Донского казачьего полка. Общая численность русского отряда оценивалась в пределах от 1500 до 2500 человек¹⁷. Колонна выступила из Белостока рано утром 25 ян-

Генерал Манюкин после многочасового перехода решил с ходу атаковать мятежников, засевших на кладбище, силами четырёх рот. После небольшой артподготовки из двух орудий две роты Либавского и Калужского полков подполковника Адриана Филимонова¹⁹ выдвинулись на штурм кладбища, но внезапным выстрелом офицер был ранен, и колонна остановилась. Поляки успели перегруппироваться, замедлив атаку русских рот. Манюкин решил в темноте не рисковать людьми и приказал капитану Генерального штаба Александру Гейнсу отвести

В Семятичах поляки при помощи местных жителей пополняли продовольственные запасы и приводили в порядок амуницию. Их боевой дух был на подъёме: они отбили атаку регулярной армии

варя, преодолела с обозом 40 вёрст и подошла к селению уже вечером.

Утром того же дня Цихорский планировал выйти со своим отрядом на захват уездного центра Бельск, где можно было поживиться оружием, амуницией и на вербовать людей. Однако он решил дать бой здесь, получив информацию о движении частей Манюкина. Рота косинеров и стрелков под общим командованием Кароля Фриче заняла позиции на кладбище, ещё две группы косинеров — Игнатия Мысковского и Юзефа Токаржевича — разместились по обе стороны дороги возле селения. Кавалерия находилась в резерве на рыночной площади, небольшой отряд разместился возле замка¹⁸.

войска. Отступавшие русские колонны пытались атаковать косинеры Токаржевича, но под картечными залпами откатились назад.

Колонна Манюкина была отведена в деревню Чертаево, что в четырёх верстах от Семятичей. В своём рапорте генерал докладывал о потерях — одном убитом и трёх раненых, в числе которых был подполковник Филимонов. Польские авторы так оценивали потери повстанцев: от 30 до 50 человек погибших и несколько десятков раненых. Сам Цихорский сообщал о 14 убитых (в основном косинеров) и 22 раненых. Потери Манюкина он оценил в 68 погибших, что выглядит крайне сомнительным²⁰.

И русские войска, и мятежники получили необходимую передышку. В Семятичах поляки при помощи местных жителей пополняли продовольственные запасы и приводили в порядок амуницию. Их боевой дух был на подъёме: они отбили атаку регулярной армии²¹. Генерал Манюкин, пытаясь найти уязвимые места в обороне поляков, провёл рекогносцировку местности силами офицеров во главе с капитаном Гейнсом.

Тем временем Рогинский, находясь на привале в 10 верстах от Семятичей, услышал со стороны селения орудийные залпы и отправил на разведку кавалерию помещика Кобринского уезда Адама Радовицкого и начальника своего штаба Валерия Голиана. Однако они вошли в Семятичи, когда бой уже затих. Утром 26 января Рогинский с отрядом в 950 человек появился в селении. Практически одновременно с ним к Семятичам подошла и колонна Левандовского²², который возглавил объединённые силы мятежников. Готовясь к отражению новой

В. Левандовский

Рогинский — юго-западные районы и помещичий замок. Ожидалось подкрепление — отряд Яблоновского, чей лагерь находился в шести верстах от Семятичей²³.

Примерно в полдень 26 января русская колонна подошла к селению. Для его решающего штурма генерал Манюкин выделил по две роты Либавского

северной части населённого пункта. Правая сторона от кладбища и западная часть находились в слабой позиции. Именно туда, в стык позиций Рогинского и Левандовского, был направлен главный удар.

Внезапным броском пехота обошла замок и заняла его правую половину. Оборонявшие здание бойцы Романа Рогинского оказывали упорное сопротивление, цепляясь за каждое помещение, возле замка кавалерия Радовицкого билась с казаками 33-го Донского полка. Юнкер Александрович поджёг солому, которая лежала возле стен здания. Огонь постепенно распространился на внутренние помещения, а казаки подожгли оставшиеся строения. В огне погибла часть защитников здания вместе с находившимися там ранеными (около 40—50 человек)²⁴. Косинеры, контратаковавшие замок, не выдержали огня артиллерии и бросились к лесу. Вдогонку понеслись казаки. Увидев, что замок взят, державший позиции в районе кладбища Цихорский начал отводить свои подразделения. За ним потянулись колонны Левандовского, занимавшие центральную часть местечка. Позднее Рогинский в своих воспоминаниях обвинил Цихорского и Левандовского в трусости и предательстве. Положение мятежников мог спасти крупный отряд Яблоновского из 800 человек, который должен был в разгар битвы ударить по частям Манюкина с тыла. Однако Яблоновский просто не явился в Семятичи²⁵. Казаки генерала Манюкина кинулись было преследовать беспорядочно отходившие подразделения поляков, однако их прикрывала более многочисленная кавалерия Адама Радовицкого из отряда Рогинского. Как писал в своём рапорте Захар

Историк 2-го Петербургского драгунского полка потери русских войск оценил в 5 человек убитыми и 11 ранеными. По его словам, повстанцы потеряли до 800 человек погибшими и 38 пленными

атаки генерала Манюкина, штаб повстанцев решил вести оборону населённого пункта с трёх сторон: северную часть городка и кладбище заняли подразделения Цихорского, западную часть и центр прикрывал Левандовский,

пехотного полка на флангах, центр оставил за артиллерией из четырёх орудий, и две роты находились в резерве. По рекогносцировке капитана Гейнса выходило, что наиболее сильные заслоны поляки поставили на кладбище и в

Степанович Манюкин, «если бы у меня было достаточное количество кавалерии, из Семятич едва ли кто-либо успел бы уйти»²⁶.

Пехота Рогинского, оставшаяся прикрывать отход остальных повстанцев, сражалась за каждую улицу и дом. Солдаты генерала Манюкина начали поджигать дома, где засели поляки. Постепенно огонь перекидывался на свободные дома, и в итоге выгорела большая часть местечка.

Разгром повстанцев был полный, хотя данные о потерях существенно разнятся. Генерал З.С. Манюкин в рапорте виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову указывал 38 пленных поляков, среди которых 12 были ранены. У противника были отбиты пять ранее взятых в плен нижних чинов Симбирского пехотного полка. По оценке генерала, он потерял 2 убитыми и 12 ранеными, среди которых — подполковник Филимонов, адъютант военного министра подпоручик Пуцин и предположительно командир 2-й роты штабс-капитан Юлиан Эйtmантович.

Историк 2-го Петербургского драгунского полка потери русских войск оценил в 5 человек убитыми и 11 ранеными. По его словам, повстанцы потеряли до 800 человек погибшими и 38 пленными²⁷.

Потери русских войск выглядят относительно правдоподобно. За военную кампанию по подавлению восстания (1863—1864) в Либавском пехотном полку погибли и умерли от ран 2 унтер-офицера и 6 рядовых²⁸. К слову, по сведениям советского исследователя Владимира Дьякова, бывших и действующих военнослужащих этого полка, которые позднее перешли на сторону повстанцев, насчитывалось 14 человек: 3 нижних

В. Цихорский

чина и 11 офицеров. Одним из них являлся 34-летний штабс-капитан Эйtmантович, дворянин Ковенской губернии. Польские источники говорят, что в начале мая 1863 года он забрал около десятка рядовых (поляков по происхождению), бежал из расположения части и присоединился к мятежникам²⁹.

Польские оценки потерь повстанцев варьируются от 200 до 300 человек погибшими, более 300 ранеными и взятыми в плен. Профессор Станислав Ланец сообщал о 350 пленных поляках. Ещё больше мятежников бежали с поля боя в свои дома в окрестных сёлах³⁰. Из начального состава отряда Цихорского в 2000 человек к новому месту базирования добрались не более 700, у Рогинского оставалось около 300 из более 900 бойцов; до 70 проц. личного состава потерял Левандовский³¹.

Сумевшие выйти из Семятич отряды направились в разные стороны. Одна часть кавалерии бежала к селению Мельники Бельского уезда, а оттуда — в Царство Польское, другая —

через Дрогичин того же уезда также спасалась в польских регионах. Рогинский сразу направился в Беловежскую пущу, откуда вошёл в Брестский уезд. Часть кавалерии Рогинского бежала в Бяльский уезд, где скрывалась в лесах помещиков Кучинских³². Генерал Манюкин после сражения отвёл свои войска обратно, в деревню Чертаево, где солдаты получили двухдневный отдых. В тот же день к Манюкину явилась делегация евреев, потерявших свои жилища в огне. Как докладывал генерал, хотя они и были виновны в том, что молчали, «зная про все совершающееся как в замке, так и в местечке, но не настолько, чтобы заслуживать совершенного разорения пожаром». Согласно рапорту генерала он просил «г-на начальника Гродненской губернии ходатайствовать о выдаче погорелым Семятичским евреям казенного леса и вспомоществования от правительства»³³.

Ксёндз Радзишевский обвинил русских солдат в умышленном поджоге местного костёла, выставив компенсацию за якобы пропавшие из него ценности на сумму 8000 рублей. В подробном рапорте Манюкина отмечалось, что после сражения войска были отведены в Чертаево, а в Семятичах на кладбище были оставлены 50 солдат во главе с капитаном Гейнсом — для захоронения русских воинов и мятежников. В тот момент из находившегося неподалёку костёла по военным были сделаны несколько выстрелов. Гейнс выдвинул туда группу бойцов, заблокировав в костёле все выходы и выставив условие о сдаче. В ответ на новые выстрелы несколько казаков (без ведома офицера) заложили двери соломой и подожгли. Капитан приказал немедленно тушить огонь и отвёл своих

бойцов от здания, когда узнал, что из Чертаева вышло подкрепление. Как писал генерал Манюкин, его солдат в костёле не было вообще, следовательно, разграбить они его не могли, а ксёндз Радзишевский умышленно лгал. Более того, во время штурма селения были предприняты меры предосторожности, в частности личные вещи жителей были вынесены на безопасное расстояние, и возле них выставлена охрана. Всё это подтвердил еврейский кагал³⁴.

Сражение при Семятичах — неудачное для поляков — вызвало у них смешанные чувства. При более благоприятных раскладах мятежники имели определённые шансы на успех. Надежда возлагалась на немалый отряд Яблоновского, который мог ударить в тыл генералу Манюкину, а также на военные знания командования мятежников, в частности Левандовского. Именно к последнему у польских историков масса претензий. По их мнению, он не обладал должным авторитетом у своих коллег и полностью утратил управление людьми. Как писал один из авторов, «каждый из командиров имел собственную концепцию и реализовывал её индивиду-

Р. Рогинский

ально, а разногласия между ними стали одной из причин поражения повстанцев». Исследователь восстания 1863 года Агатон Гиллер главной причиной поражения мятежников называл «брак организации командования»³⁵.

Император Александр II по итогам сражения выразил благодарность генералу Манюкину, а нижним чинам пожаловал по одному рублю. Либавский пехотный полк получил 520 рублей «премиальных», 21 нижний чин был

награждён «знаками отличия военного ордена»³⁶.

В Семятичском сражении, ставшем одним из крупнейших на начальном этапе восстания, обе стороны оперировали большой массой войск. И русское командование в лице генерала З.С. Манюкина и его штаба в условиях значительного численного превосходства мятежников сумело найти слабые места в обороне поляков и нанести удар. После этого сражения расположенные в Гродненской губернии войска начали действовать более активно. Повстанцы уже не решались сражаться в открытом бою против русских войск, поэтому перешли к партизанской тактике. Вместе с тем внезапно начавшееся восстание и успехи его участников выявили существенные проблемы в дислокации русских войск и недооценку сил потенциального противника. Не случайно генерал З.С. Манюкин в рапорте В.И. Назимову просил донести до императора, что положение очень серьёзное, «польское восстание не кончится скоро и что настоящее положение требует концентрации значительных сил»³⁷. Дальнейшие события подтвердили правильность этих строк.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Szum E. Bitwa siemiatycka (6—7. II.1863). Przebieg, okoliczności, kontekst społeczny i polityczny // Powstanie 1863. Podlaskie epizody. Supraśl, 2014. S. 15.

² Ibid. S. 16.

³ Powstanie styczniowe na Białostocczyźnie. W 150. Rocznicę wybuchu. Białystok: Wydawnictwo Prymat, 2014. S. 20; Кісялёў Г.В. Смак Беларушчыны. Мінск: Лімарыус, 2013. С. 413.

⁴ Szum E. Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek». Studium przywództwa // Studia z dziejów wojskowości. 2012. T. 1. S. 232.

⁵ Szum E. Bitwa siemiatycka (6—7. II.1863)... S. 27.

⁶ Ibid. S. 25; Кісялёў Г.В. Опр. cit. С. 415.

⁷ Иван Григорьевич Ловорко, коллежский асессор // Памятная книжка Гродненской губернии на 1862 год. Гродно: Типография Гродненского губ. правления, 1862. С. 111; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 76 об. — 77; Восстание в Литве и Белоруссии. 1863—1864 гг.: [Сб. документов] / [Предисл. Ю. Жюгжды и В. Неупокоева]; [Ред. колл.: В. Дьяков и др.]. М.; Wrocław: Наука, 1965. С. 339.

⁸ Владислав Цихорский (1822—1876) — помещик Калишского воеводства, полковник повстанческих войск; покончил с собой 8 июня 1876 г. в г. Станиславе (совр. Ивано-Франковск) Австро-Венгерской империи. См.: Szum E. Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 213.

⁹ Szum E. Bitwa siemiatycka (6—7. II.1863)... S. 27.

¹⁰ Архивные материалы Муравьёвского музея (АМММ). Т. 2. Вильно, 1915. С. 42; Szum E. Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 233.

¹¹ **Валентий Левандовский** (1823—1907) — помещик, бывший лейтенант австрийской армии; принимал участие в Венгерской кампании 1848—1849 гг. Повстанческий военный начальник Подляского воеводства; полковник повстанцев; был приговорён к смертной казни, заменённой на лишение всех прав состояния и высылку в Сибирь. Вернулся в Польшу в 1877 г. См.: *Cederbaum H.* Powstanie styczniane. Wyroki Audytorjatu polowego z lat 1863, 1864, 1865 i 1866. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1917. S. 293; *Mencel T.* Walenty Lewandowski i początki powstania stycznianego na Podlasiu // *Rocznik Lubelski*. 1963. № 6. S. 82; **Владислав Чарковский** (1831—1863) — врач, окончил медицинский факультет Московского университета; гражданский повстанческий начальник Бяльского, затем Седлецкого уезда Люблинской губернии; расстрелян в Седльце 17 июля 1863 г. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. Т. 4: Chwalczewski Jerzy — Dąbrowski Ignacy. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1938. S. 197.

¹² **Владислав Яблоновский** (1841—1894) — врач, выпускник польской военной школы в Генуе. См.: *Polska Szkoła Wojskowa w Genui i Cuneo 1861/1862* // *Józef Białynia Chołodecki: Księga pamiątkowa opracowana staraniem Komitetu Obywatelskiego w czterdziestą rocznicę powstania r. 1863/1864*. Lwów, 1904. S. 20; *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 234.

¹³ *Mencel T.* Op. cit. S. 82.

¹⁴ **Рогинский Р.** Из воспоминаний повстанца // Исторический вестник. 1906. Т. 105. С. 439.

¹⁵ *Góra St.* Działalność powstańcza Romana Rogińskiego na Podlasiu // *Rocznik Białostocki*. Т. 4. 1965. S. 394.

¹⁶ АМММ. Т. 2. С. 426; *Лопатин В.К.* Памятка либавца. Краткая история 6 пехотного Либавского принца Фридриха Леопольда Прусского полка. СПб.: Тип. АО Брокгауз — Ефрон, 1903. С. 45.

¹⁷ *Лопатин В.К.* Указ. соч. С. 49; *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 238.

¹⁸ *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 237; he is. Bitwa siemiatycka (6—7.II.1863)... S. 34, 35.

¹⁹ **Филимонов Адриан Алексеевич** — подполковник; в офицерских чинах с 3 июня 1842 г. См.: Список подполковникам по старшинству. СПб.: Военная типография, 1862. С. 377.

²⁰ *Wojtasik J.* Wybuch powstania 22 stycznia 1863 r. i pierwsze wielkie bitwy powstańcze na Podlasiu // *Rocznik Białkopodlaski*. 2007. Т. XV. S. 38; *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 240; he is. Bitwa siemiatycka (6—7.II.1863)... S. 38.

²¹ *Wronowski N.* Węgrow-Siemiatycki // W czterdestą rocznicę powstania stycznianego 1863—1903. Lwów, 1903. S. 515.

²² *Matosek M.* Pułkownik Walenty Teofil Lewandowski, naczelnik województwa podlaskiego // Powstanie Styczniane. Kraj i Litwa pogrążyły się w żalobie narodowe. Warszawa, 2022. S. 191.

²³ *Góra St.* Op. cit. S. 395.

²⁴ АМММ. Т. 2. С. 46, 47; *Szum E.* Bitwa siemiatycka (6—7.II.1863)... S. 46.

²⁵ **Рогинский Р.** Указ. соч. С. 444, 445.

²⁶ АМММ. Т. 2. С. 47.

²⁷ Там же. С. 48; *Лопатин В.К.* Указ. соч. С. 50; *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельд-маршала князя Меншикова полка. 1707—1898. Т. 2. М.: Типография Вильде, 1900. С. 462.

²⁸ АМММ. Т. 2. С. LIII, LIV.

²⁹ **Дьяков В.А.** Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (биобиблиографический словарь). М.: Наука, 1967; *Nowolecki A.* Dodatek. Pamiątka dla rodzin polskich. Kraków, 1867. S. 11, 12.

³⁰ *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 247; *Laniec S.* Litwa i Białorus w dobie konspiracji i powstania zbrojnego, 1863—1864. Olsztyn: Ośrodek Badan Nauk im. W. Ketrzynskiego, 2002. S. 61.

³¹ *Mencel T.* Op. cit. S. 86; *Szum E.* Bitwa siemiatycka (6—7.II.1863)... S. 60.

³² АМММ. Т. 2. С. 51; *Niemirka B.* Spisy represjonowanych powstańców styczniowych z obszaru powiatu siedleckiego (w granicach sprzeczności 1863 r.) // *Rocznik liwski*. 2012—2013. Т. VI. Liw, 2012—2013. S. 189.

³³ АМММ. Т. 2. С. 52.

³⁴ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 81—83 об.

³⁵ *Szum E.* Bitwa siemiatycka (6—7.II.1863)... S. 50; *Szum E.* Pułkownik Władysław Cichorski «Zameczek»... S. 249; *Mencel T.* Op. cit. S. 85.

³⁶ *Лопатин В.К.* Указ. соч. С. 50.

³⁷ **Миловидов А.И.** Первые скорбные страницы летописи польского восстания 1863 г. в пределах Северо-Западного края // Исторический вестник. 1913. № 5. С. 569.

O.V. Karpovich

«THE PRESENT SITUATION REQUIRES THE CONCENTRATION OF CONSIDERABLE FORCES»

Battle for the small town of Siemiatycze is the first victory of Russian arms in the suppression of the Polish insurrection of 1863—1864

Information about author. Oleg Karpovich — methodologist of the department of educational work with Youth at the Brest State Technical University (city of Brest, Republic of Belarus. E-mail: oleg3080@bk.ru).

Summary. Modern Russian historiography of the Polish Uprising of 1863—1864 lacks attention to the military actions of government troops against the rebels, including those that occurred in modern-day Polish regions. One such «historiographical gap» pertains to the Battle of Siemiatycze on January 25—26, 1863, which took place in the Bielsk district of the Grodno province. The rebels fortified the terrain significantly and held a significant numerical advantage over the Russian troops, seemingly tipping the odds against them. Nevertheless, they managed to overcome their enemy's double superiority and capture Siemiatycze by storm. The article, based on multiple foreign sources, endeavors to analyze one of the significant military successes of Russian troops in the initial stage of the rebellion, which concluded with the utter defeat of the insurgents. The article describes the preparations for the rebellion in Siemiatycze, provides information about the number of Russian troops and rebel detachments, and analyzes mutual losses.

Keywords: Polish Uprising of 1863—1864; Kingdom of Poland; Siemiatycze town; Grodno province; Russian troops; rebels; Libavian Infantry Regiment; Adjutant General V.I. Nazimov; Lieutenant General Z.S. Manyukin; Captain A. Gaines; V. Lewandowski; S. Songin; V. Tsikhorsky; R. Roginsky; B. Rylsky.

«МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СВОДНЫЕ ГРУППЫ... ИСЧЕЗАЛИ РАЗГРОМЛЕННЫЕ И ПЛЕНЁННЫЕ»

К проблеме исчисления сил и потерь противника
в операции «Багратион» 1944 года

Сведения об авторе. Кидинов Ярослав Юрьевич — независимый исследователь (Москва. E-mail: jaroslaw-2@yandex.ru).

Аннотация. Операция «Багратион» стала крупнейшим разгромом немецко-фашистской армии. Но в немецкой историографии считается, что потерпевшие сокрушительное поражение немецкие войска нанесли победившей советской стороне вдвое большие потери. В статье показано, что такой тезис получен путём манипуляций, направленных на занижение немецких сил и их потерь. Например, К.-Х. Фризер насчитывает в немецкой армии всего 486 тыс. человек, участвовавших в битве. Сделан общий вывод, что существующее положение ставит перед российской и белорусской историографией задачу достоверного определения величины немецких потерь в операции «Багратион». Как первый этап решения этой задачи необходимо определить численность немецких сил в данной операции. Проведённый в статье подсчёт показал, что с немецкой стороны в битве были задействованы до 2 млн человек.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; операция «Багратион»; военно-историческая статистика; вермахт; группа армий «Центр»; потери; фальсификация.

В операции «Багратион»¹ советские войска добились колоссальных стратегических результатов. Противостоявшая немецкая группировка была разгромлена и отброшена на 600 км на фронте протяжённостью 1000 км. Операция стала образцом эффективности действий советских войск и выдающимся достижением отечественного военного искусства.

Однако в немецких источниках по операции «Багратион» заметна тенденция занижать свои силы в этой битве и понесённые в ней потери. По

сути, это стремление приуменьшить грандиозную победу Советского Союза, взять реванш хотя бы в области военно-исторической статистики. Занижение немецких сил и потерь в битве стало распространённой тенденцией на Западе. Это может переходить даже в некоторые российские источники на почве некорректного принятия немецких данных и недоверия к советским источникам. Поэтому актуальная задача — раскрытие подтасовок немецкой историографии.

Немецкие силы к началу операции «Багратион»

К началу сражения в группе армий (ГА) «Центр», по немецким подсчётам, имелись 47 дивизий², в т.ч. 35 пехотных, 2 авиаполевых, 3 моторизованных, 1 танковая и 6 охранных. Многочисленность охранных соединений

показывает, что белорусское партизанское движение вынуждало немцев отвлекать значительные силы от фронта на охрану оккупированной территории. Но когда фронт ГА «Центр» был разгромлен, её охранным дивизиям пришлось участвовать в битве наравне с боевыми соединениями.

По советским подсчётам, в ГА «Центр» имелись 50 дивизий — на три дивизии больше, чем считали немцы. Возможно, такая разница возникла от того, что в советских документах учтены три резервные дивизии³, но, по немецким данным, резервные дивизии были расформированы весной 1944 года⁴, до начала советского наступления.

Советским войскам в битве противостояли не только войска ГА «Центр». Советская операция захватывала также прилегавшие фланги соседних групп армий — «Север» и «Северная Украина». Немецкие источники стараются не упоминать о том, что в битве участвовали и войска соседних ГА. Зато могут исключать из общего количества соединений ГА «Центр» те, что не попали под первый этап советского наступления, а также часть охранных дивизий. Так получается соотношение сил: 34 немецких дивизии против 180 советских (и легенда о слабой, малочисленной немецкой армии, противостоявшей советской лавине)⁵.

Советские войска к началу операции насчитывали 154 сд, 12 кд, 12 тк⁶, всего 2,4 млн человек личного состава. Немцы уступали втрое по количеству соединений, вдвое по количеству личного состава (советские дивизии в среднем на 30—40 проц. были меньше немецких), впятеро по коли-

честву танков и самоходок. Численное превосходство советской стороны определялось тем, что наше командование сконцентрировало в полосе операции свои главные силы — 40 проц. соединений действующей армии⁷. В то же время немцы держали главные силы своей восточной армии на других участках фронта⁸.

На начало июня 1944 года в немецкой армии насчитывалось более 10 тыс. танков и самоходок⁹. На восточном фронте имелось 19 танковых дивизий¹⁰. Германская армия была ещё сильна. Но в ГА «Центр» имелись только одна танковая дивизия и несколько бригад самоходных орудий.

Успешное наступление советских войск на Украине зимой—весной 1944 года вынудило немецкое командование направить большие силы в группу армий «Северная Украина». Туда были переброшены ряд соединений и из ГА «Центр». Немецкое командование ожидало, что и в летней кампании

советские войска будут наступать на тех направлениях, что прикрывали группы армий «Север» и «Южная Украина». Поэтому крупные силы оставались в этих ГА.

Относительная слабость ГА «Центр» — это результат просчёта немецкого верховного командования. Советская сторона умело маскировала подготовку к большому наступлению в Белоруссии. Немецкое командование решило, что главный советский удар будет в Западной Украине или Румынии. В Белоруссии ожидалось только частные атаки для отвлечения внимания от главного направления. Но группа армий в Белоруссии оставалась серьёзной силой. Всего, по советским данным, на немецкой стороне к началу операции насчитывалось 1,2 млн человек¹¹.

Но немецкие историки насчитывают со своей стороны только 486 тыс. человек¹². В. Хаупт несколько конкретизирует эту цифру: в боевых частях самой ГА «Центр» на-

Освобождение Минска
3 июля 1944 г.

Советские танки в прорыве

Немецкие подкрепления выдвигаются в полосу операции

считывалось 442 053 человека. И 44 440 было в частях РГК, приданных группе армий¹³. В некоторых публикациях в стремлении занижить немецкие силы не учитываются части РГК, а оставшаяся цифра может «округляться» до 400 тыс.

Но как получается такая разница в 1,2 млн по сравнению с советскими данными? 486 тыс. человек — это так называемая боевая численность ГА «Центр». Общая же её численность составляла 850 тыс. человек. Немецкие историки, кажется, сами удивляются: откуда ещё столько людей — 360 тыс.?¹⁴ Предполагается, что это оккупационная администрация, военизированные организации, разномастные коллаборационистские формирования и т.п. В общем, люди, не имевшие отношения к собственно вермахту. Видимо, немцам сызмальства внушаются цифра в 400 тыс. человек и общее представление о том, что русских на фронте было в 6—8 раз больше.

По данным Мюллера-Гиллебранда, при общей численности вооружённых сил Германии более 9 млн на восточном фронте 1 июля 1944 года имелись 2,2 млн человек¹⁵. В этой цифре не учтены войска СС и немецких союзников, люфтваффе, обслуживающий персонал, военизированные организации, коллаборационисты и, возможно, авиаполевые и охранные соединения. ГА «Центр» занимала самый протяжённый участок фронта, а потому была самой крупной из четырёх восточных ГА. На её долю вполне могли приходиться 850 тыс. человек из общей численности вермахта на востоке. На долю других ГА оставалось достаточно сил, тем более что там имелись в заметном количестве войска СС, а также войска немецких союзников.

Так что 360 тыс. дополнительных человек в общей числен-

ности ГА «Центр» — это тоже вермахт. Они, должно быть, находились в тыловых частях корпусного, армейского и выше подчинения. Вермахт состоял не только из боевых частей — в нём была развита тыловая поддержка, поэтому масса людей находилась в службе снабжения, учебных, ремонтных, медико-ветеринарных и тому подобных частях.

В советской группировке при общей численности в 2,4 млн человек в боевых частях насчитывалось 1,6 млн¹⁶. В корпусных, армейских и фронтовых тылах у нас тоже было много людей. У немцев на тыл получается заметно больший процент от общей численности. Это порождает закономерное сомнение в итоговой цифре 486 тыс. боевого состава — все ли немецкие боевые части были учтены?

Итак, приводимая в немецких источниках цифра 486 тыс. человек — это только боевая численность и только ГА «Центр». Но в группировке, подвергшейся глубоким прорывам, вся масса войск становится боевой. Тыловые части оказываются на передовой и втягиваются в бои.

В общем, советские источники не преувеличивали силы противника. Более того, надо ставить вопрос о недоучёте немецких сил, о том, что их приуменьшили и советские историки.

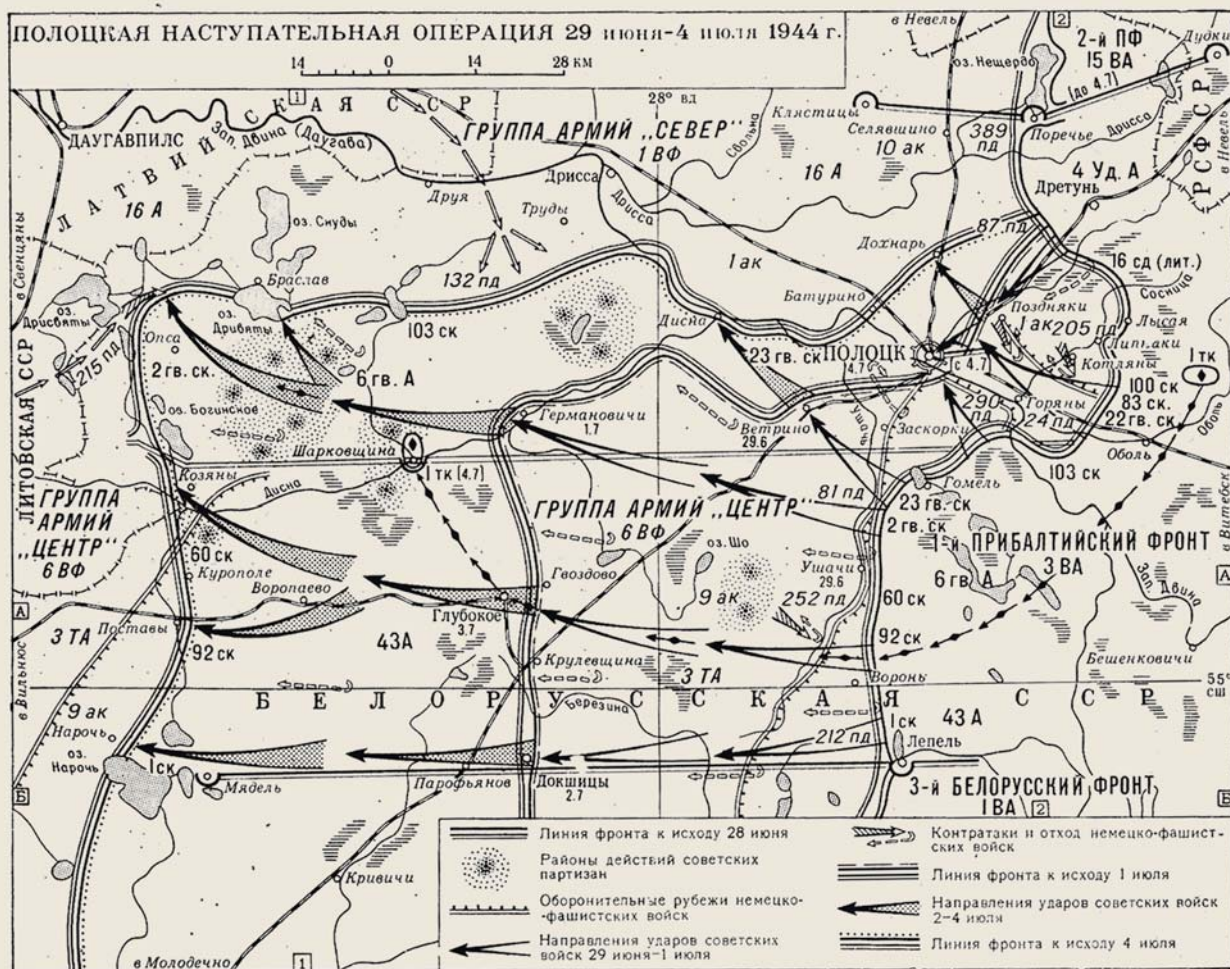
Мюллер-Гиллебранд приводит примечательные сведения по немецкой группировке на западе:

«На 1 марта 1944 года на Западе на довольствии числилось: сухопутные войска — 806 927 человек;

войска СС и полиция — 85 230 человек;
иностранцы добровольцы — 61 439 человек;
союзные войска — 13 631 человек;
военно-воздушные силы — 337 140 человек;
военно-морской флот — 96 084 человека;
обслуживающий персонал вермахта (вольнонаёмные служащие) — 145 611 человек;
Всего — 1 546 062 человека»¹⁷.

Эти данные являются примером того, как должен выглядеть полный учёт немецких сил. Подобной информации по немецким силам в полосе операции «Багратион» нет. Но такие сведения необходимы для полного учёта немецких сил в операции.

На 1 марта 1944 на западе имелись примерно 50 диви-

Карта Полоцкой операции
Сайт Минобороны России

Смотр немецкой полиции в Минске

Немецкие пленные, взятые в ходе операции, в Москве

зий, в войсках числились более 800 тыс. человек. ГА «Центр» перед «Багратионом» имела примерно такую же численность. Но общая численность немецкой группировки на западе составляла 1,5 млн человек. Вышеприведённые сведения Мюллера-Гиллебранда показывают, что такая численность достигалась за счёт того, что в группировку входили, кроме армии, также полиция, ВВС, ВМФ, союзники, обслуживающий персонал и т.д.

Но такие же элементы входили и в немецкую группировку в Белоруссии, увеличивая её общую численность. В ГА «Центр» имелись союзные войска — 5 венгерских дивизий¹⁸. Были иностранные добровольцы, например, 638-й полк из 286-й охранной дивизии, укомплектованный французами¹⁹. Коллаборационистов в тыловой полосе ГА «Центр» немецкий источник насчитывает примерно 100 тыс.²⁰

Большое количество людей в немецкую группировку должны были добавлять ВВС. Люфтваффе отличались многочисленностью своего персонала. В немецкие ВВС также входили довольно многочисленные части ПВО. Действовавший в полосе ГА «Центр» 2-й зенитный корпус включал 3 зенитные артиллерийские дивизии и бригаду²¹. На западе немецкие ВВС насчитывали 337 тыс. человек. Была ли в Белоруссии численность люфтваффе меньше?

6-й воздушный флот, поддерживавший ГА «Центр», являлся довольно крупным соединением — более 900 самолётов (600 исправных)²². На западе, по некоторым подсчётам, самолётов было почти вдвое меньше, чем в 6-м флоте²³.

В ходе битвы наземный персонал люфтваффе нёс потери в результате интенсивных налётов на аэродромы, лётный

состав — в воздушных боях. Но характер операции «Багратион» был таким, что немецкие ВВС втягивались и в наземные бои. Зенитные части были обязаны вступать в бой с прорвавшимся сухопутным противником. Персонал ВВС попадал в котлы или становился объектом советских атак на отступающие колонны. И в ходе битвы личный состав из ВВС переводился во фронтовые части²⁴.

Теперь о графе «полиция»: в ней учтены немецкие полицейские войска. Это именно войска, состоявшие именно из немцев. В 1944 году немецкие полицейские формирования насчитывали более 500 тыс. человек²⁵, что делает их заметной частью гитлеровских сил. В партизанской Белоруссии немцы вынуждены были держать большую полицейскую группировку. Во

время сражения полицейские части тоже были брошены на фронт²⁶. Некоторым аналогом немецких полицейских войск на советской стороне были войска НКВД. Они вступали в бой при немецких прорывах, и их потери учитываются в общих потерях Вооружённых сил СССР²⁷.

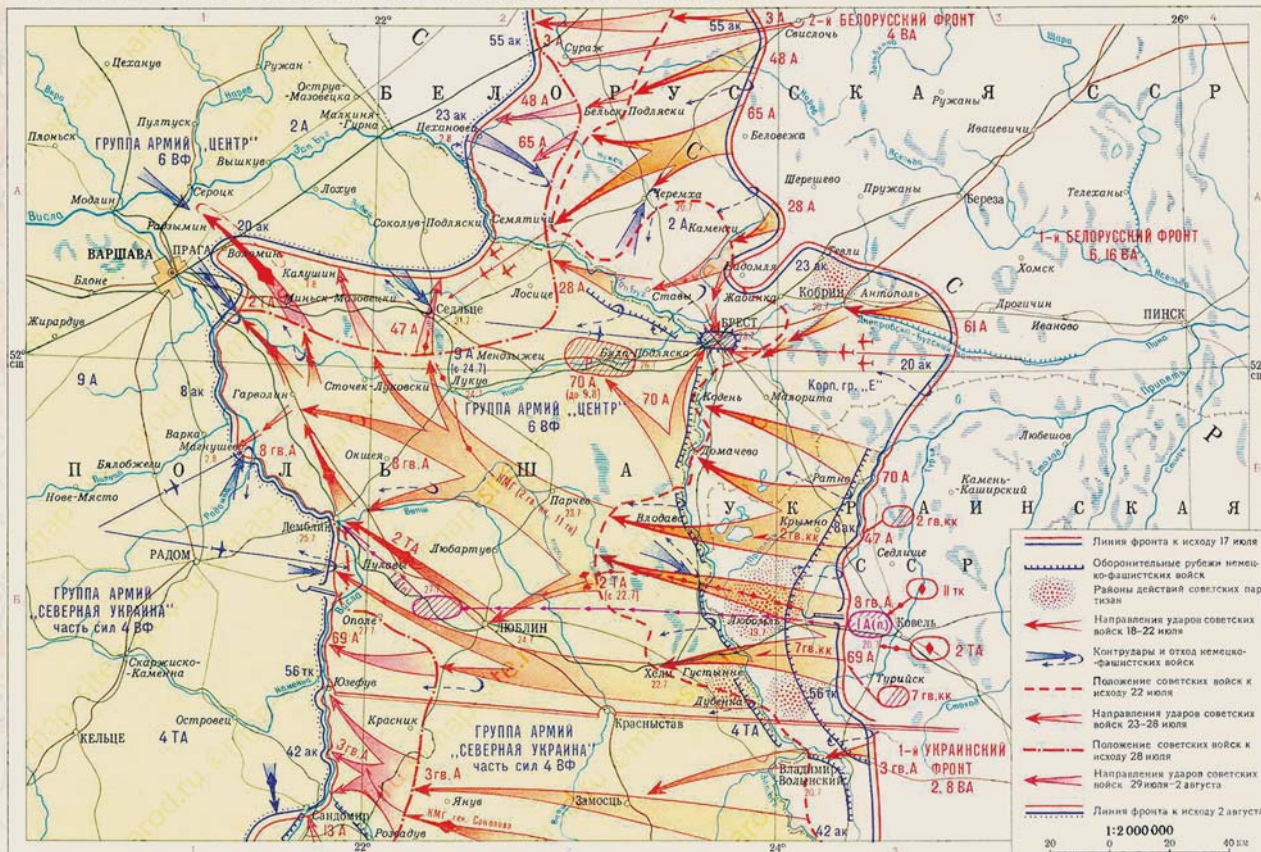
После начала операции «Багратион» немецкое командование начало перебрасывать дополнительные силы в полосу операции; всего немцы ввели в сражение ещё 46 дивизий²⁸. Советская сторона дополнительно ввела 24 дивизии и танковый корпус²⁹. Наше командование предпочло воспользоваться тем, что немцы были вынуждены перебрасывать в полосу «Багратиона» силы с других участков фронта. Следующие советские удары были нанесены по этим ослабленным участкам.

Потери сторон в битве. Фальсификация немецких сведений учёта

Подсчёт немецких сил в битве осложняется особенностями структуры немецких вооружённых сил. Имелось значительное количество людей, принимавших участие в борьбе на фронте, но не входивших в состав вермахта. Также подсчёт осложняется такой особенностью немецкого учёта личного состава, как нарочитое выделение боевой численности. Всё это может привести к ощутимому недоучёту немецких сил, участвовавших в битве. Между тем верный, полный учёт имеет ключевое значение для определения немецких потерь.

Потери советских войск в операции «Багратион» подсчитаны коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева. За

ЛЮБЛИН-БРЕСТСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 18 июля—2 августа 1944 г.

Карта Люблин-Брестской операции
Сайт Минобороны России

Командующие фронтами, участвовавшими в операции «Багратион»: К.К. Рокоссовский (1-й Белорусский фронт), Г.Ф. Захаров (2-й Белорусский фронт), И.Д. Черняховский (3-й Белорусский фронт), И.Х. Баграмян (1-й Прибалтийский фронт)

два месяца боёв безвозвратные потери составили 178 тыс. человек (попавших в плен в этой операции было мало, так что это в основном убитые). Также выбыли 537 тыс. раненых и заболевших. Всего советские войска потеряли 766 тыс.³⁰ человек, около трети от начальной численности; в боевых частях процент потерь был выше.

Немецкие источники большие цифры наших потерь охотно приводят. А потери немецкой стороны указываются по данным службы учёта потерь при ОКВ. По отчёту этой службы с 21 июня по 31 августа немецкие войска потеряли 26 397 человек убитыми, 262 929 пропавшими без вести и 109 776 ранеными. Часть пропавших затем вышла к немецким позициям — с их учётом итоговая цифра составляет 390 тыс.³¹ То есть немцы, хотя и признают свой разгром в операции «Багратион», считают, что немецкие войска нанесли советской стороне вдвое большие потери, чем понесли сами немцы.

Достоверность немецкой системы учёта потерь вызвала сомнения даже у Мюллера-Гиллебранда, который привёл её данные в труде «Сухопутная армия Германии 1933—1945».

Служба учёта потерь основывалась на донесениях из войск. Но в этих донесениях могли содержаться ошибочные сведения. Мюллер-Гиллебранд выделил причины ошибок: «К моменту отправки донесения... не всегда представлялось возможным собрать полные и надёжные сведения о числе убитых»; «в условиях быстротечной манёвренной войны... особенно в периоды отступления войск имело место, естественно, некоторое запоздание с представлением донесений или частичное отсутствие таких донесений в течение многих дней»³². Операция «Багратион» является ярким примером именно такой ситуации (быстротечные боевые действия, разгром и отступление), когда немецкая система учёта потерь стала сбивать, а кое-где и полностью развалилась.

Известный современный немецкий исследователь Р. Оверманс также оценил как недостоверные данные о потерях, собранные немецкой службой учёта. По подсчётам Оверманса, реальные потери вооружённых сил Германии в июне—декабре 1944 года примерно на 500 тыс. убитых превышают данные официальной службы учёта³³.

Англоязычные исследования по операции «Багратион», например, от Д. Гланца³⁴, также не принимают официальные немецкие цифры потерь в битве, считая их заниженными.

В общем, есть обоснованные указания на недостоверность статистики от службы учёта ОКВ, а именно на занижение потерь. Но немецкие источники всё равно держатся цифр от ОКВ, сохраняя убеждённость, что советские потери в «Багратионе» вдвое или даже больше превысили немецкие. Даже сомнение в этом может вызвать агрессивную реакцию и беспепелляционные заявления, что такое мнение является пропагандой и фальсификацией.

Немецкие источники в поддержку своего убеждения обязательно упоминают ряд успешных боёв, которые провели танковые дивизии вермахта. Они были переброшены в полосу операции после разгрома немецкого фронта и быстро истребления окружённых группировок. Но для этого этапа операции типовыми боями были другие. Немецкое командование бросало против продвигавшихся на запад советских войск сводные боевые группы. В остатки

разбитых дивизий вливались тыловики, полицейские, персонал люфтваффе, маршевые батальоны и т.п.³⁵ Люди наспех переводились на передовую в качестве пехоты, не проходя соответствующей подготовки.

Генерал А.П. Белобородов особо отметил резкое падение действенности немецкой артиллерии³⁶. При разгроме своего фронта немцы потеряли массу орудий и склады боеприпасов. Новый подвоз был дезорганизован, немецкой артиллерии нечем было стрелять. Из-за боязни быстрых отходов немецкие артиллеристы не выдвигали вперёд наблюдательные пункты, поэтому ухудшалось взаимодействие со своими войсками, терялись из виду советские войска. Немецкая артиллерия временно утратила роль важнейшего фактора устойчивости немецкого фронта.

Как пишет А.П. Белобородов, «многочисленные сводные группы... появлялись вдруг перед нами... а день-два спустя исчезали... разгромленные и пленённые»³⁷. Немецкие группы без действенной поддержки артиллерии и авиации, с большой долей неопытного и неподготовленного личного состава несли ощутимые потери и быстро терпели новые поражения.

Немецкие историки также обязательно пишут о высоком духе своей армии и её воинском мастерстве. Но главный, материальный аргумент в поддержку тезиса меньших потерь — убеждённость в малочисленности войск ГА «Центр» (т.е. немцев было так мало, что они не могли потерять много). В ГА «Центр» имелись всего 486 493 человека, и потери в битве не могут превышать этого числа³⁸.

Суммируем опровергающие доводы:

1. Общая численность ГА «Центр» составляла 850 тыс. без учёта люфтваффе, поли-

ции, обслуживающего персонала и т.д.

2. Во время глубоких прорывов тыловые части оказываются на передовой и несут потери в бою. Так что при расчёте потерь надо учитывать всю численность ГА «Центр», не только боевую.

3. Надо учитывать силы люфтваффе и полицейские войска. Также надо учитывать войска соседних групп армий, затронутые операцией «Багратион».

4. Битва длилась больше двух месяцев. За это время немцы ввели в сражение ещё 46 дивизий. Сверх того немецкое командование перебросило в полосу «Багратиона» множество отдельных разнообразных частей. Мюллер-Гиллебранд упоминает десятки батальонов из отпускников, которые были брошены в бой без всякого учёта их личного состава³⁹. Типпельскирх упоминает брошенные в бой вновь сформированные полки, которые не успели свести в дивизии⁴⁰. На советской стороне насчитали 22 отдельных полка и 7 бригад⁴¹, дополнительно брошенных немцами в сражение. Такое количество полков и бригад даёт ещё 10 расчётных дивизий. Также на фронт шёл поток пополнения в виде маршевых батальонов.

В полосе «Багратиона» к началу операции вермахт имел более миллиона человек. К этому надо добавить силы люфтваффе и немецкой полиции; их общую численность следует оценивать как минимум в треть миллиона. После начала битвы были перебросены новые соединения и направлены пополнения в уже имевшиеся, всё это добавляет ещё не менее полумиллиона человек.

В общем, с немецкой стороны в битве приняли участие до 2 млн человек (без учёта обслуживающего персонала, военизированных организаций и коллаборационистов (в том числе литовские, латышские

и другие формирования)). Эта цифра является базой, на основе которой следует оценивать понесённые немецкой стороной потери. Характер операции «Багратион» позволяет полагать, что немецкие потери в этой битве были настолько большими, что значительно превысили советские. Участвовавших в битве немецких сил для этого вполне хватало.

В силы противника перед фронтом операции также входили войска ГА «Север»: 87, 205, 290, 389 пд. Также 56 тк из ГА «Северная Украина»: 4 пд (26, 131, 253, 342), 2 тд (4, 5), 28-я егерская, 1-я лыжноекерская, 454-я охранная⁴². Всего ГА «Север» и ГА «Северная Украина» добавляют 13 дивизий. Вместе с отдельными боевыми и тыловыми частями корпусного и выше подчинения общую численность личного состава следует оценить не менее чем в 200 тыс. человек. Также надо учитывать силы люфтваффе и полиции из состава этих групп армий.

В ходе битвы к изначально имевшимся трём танковым дивизиям немцы ввели ещё 11 (3, 6, 7, 12, 14, 19, 25, 3 СС, 5 СС «Викинг», «Герман Геринг», «Великая Германия»). Из ГА «Северная Украина» были перебросены 1, 367 пд, 5-я егерская дивизия. Из ГА «Южная Украина» — 17 пд. Из ГА «Север» — 21, 58, 69, 170, 212 пд. Также в ГА «Север» на южный фланг, затронутый операцией «Багратион», уже в начале июля были перебросены из центра и с северного фланга 24, 81, 132, 215 пд. В последующем на южный фланг были перебросены и другие соединения. Из Германии в ГА «Центр» были перебросены 50 и 73 пд, из Норвегии — 196 пд. В июле началось формирование 15 новых гренадерских дивизий, с конца июля они стали выдвигаться в полосу ГА «Центр».

Также началось формирование 10 танковых бригад, часть из которых приняли участие в битве.

Задача российской исторической науки

Занижение немецких сил и потерь в битве, тезис о том, что советские потери двукратно превысили немецкие, следует оценить так, как всё это заслуживает: пронацистская пропагандистская фальсификация. Но надо понимать, что на немецкой стороне не заинтересованы в коррекции цифры потерь, она их устраивает, позволяя выдавать разгром за своего рода победу⁴³.

Немецкие сведения о потерях, разумеется, неприемлемы. Но верное исчисление немецких потерь является проблемой. Одно из её проявлений — широкое варьирование цифры немецких потерь в российских источниках. В них встречаются такие данные:

— 410 тыс. человек⁴⁴. Эти данные первым привёл военный историк генерал-майор И.В. Тимохович⁴⁵; разбивка немецких потерь в тексте Тимоховича (410 тыс., из них 255 тыс. безвозвратно; 200 тыс. взяты в плен) не совсем ясна, общие потери можно посчитать как 610 тыс. (410 тыс. + 200 тыс.). Другие авторы, берущие цифры у Тимоховича, такого сложения не делают. Но если 200 тыс. пленных получают вычитанием из 255 тыс. безвозвратных потерь, то на долю убитых остаётся 55 тыс., что неправдоподобно, поскольку

не отвечает характеру битвы; — 380 тыс. убитых и 158 тыс. пленных только за один месяц с 23 июня по 23 июля⁴⁶. Эта цифра получена суммированием данных из докладов советских войск о потерях противника; — 289 тыс. убитыми и пленными, 110 тыс. ранеными⁴⁷. Эта цифра из официального немецкого отчёта о потерях; — 350 тыс.⁴⁸ Это, видимо, «округление» цифры из немецкого отчёта.

Современные историки А.В. Исаев⁴⁹ и Р.С. Иринархов⁵⁰ в своих книгах, посвящённых операции «Багратион», общие потери немцев не приводят, обходя этот вопрос. Цифра немецких потерь по докладам советских войск кажется завышенной. Но если брать цифру по докладам немецких войск, то рассказ о блестящей советской победе становится неким казусом. Даже в такой операции советские потери оказываются вдвое больше немецких.

Относительно недавно появилась новая цифра от В.В. Литвиненко: 480—550 тыс. безвозвратных потерь (понятие «безвозвратные потери» автор использует в своей трактовке)⁵¹. Работа Литвиненко имеет целью получить достоверное исчисление немецких потерь в операции «Багратион». Автор подробно разбирает причины, по которым немецкие официальные цифры следует считать недостоверными. Далее отмечается, что прямой подсчёт потерь невозможен, остаются только расчётные методы, дающие прибли-

тельный результат. В своей методике Литвиненко стремится учитывать характер битвы, в которой значительное количество немецких соединений было истреблено полностью, а многие потеряли более половины исходного состава.

Работа Литвиненко, при её верных основаниях, вызывает и критические замечания. Автор декларирует важность исходных данных, но при этом приводит заниженные сведения по участвовавшим в битве немецким силам⁵². Их занижение обусловлено и тем, что автор принимает во внимание только вермахт. Потери тыловых войск Литвиненко оценивает в 10—15 проц.⁵³ Но для операции «Багратион», в которой немецкие тыловые части были массово втянуты в бои, процент их потерь должен быть выше. То есть подсчёт немецких сил в работе Литвиненко нельзя признать полным; также характер битвы учитывается не в полной мере.

Таким образом, исчисление немецких потерь в операции «Багратион» остаётся сложным вопросом, требующим разрешения. Перед российской историографией стоит задача получить достоверные цифры потерь, понесённых противником. Необходимо провести тщательные исследования, чтобы ни один уничтоженный гитлеровец не оказался неучтённым. Признание подвига наших воинов — солдат и полководцев — неприемлемо, в т.ч. в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белорусская стратегическая наступательная операция (кодовое наименование «Багратион») проводилась с 23 июня по 29 августа 1944 г. в ходе Великой Отечественной войны.

² Karl-Heinz Frieser. Die Ostfront 1943/44 — Der Krieg im Osten und

an den Nebenfronten // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 8. München: Deutsche Verlagsanstalt, 2007. P. 522.

³ Белорусская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 77.

⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М.: Эксмо, 2002. С. 427.

⁵ Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 522.

⁶ Белорусская операция в цифрах. С. 75.

⁷ Там же.

⁸ Советская действующая армия к лету 1944 г. насчитывала 6,6 млн человек (при общей численности Вооружённых сил СССР более 9 млн). Немецкие силы на восточном фронте вместе с союзными войсками насчитывали 4,3 млн. Общее советское преимущество на фронте было примерно полуторным. См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 т. Т. 9. М.: Воениздат, 1978. С. 18.

⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 430.

¹⁰ Там же. С. 679.

¹¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 т. Т. 9. С. 46.

¹² Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 524.

¹³ Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 305.

¹⁴ Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 524.

¹⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 454.

¹⁶ Белорусская операция в цифрах. С. 77.

¹⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 454.

¹⁸ Там же. С. 679.

¹⁹ Башкирева Н.В. Разгром французских легионеров в ходе витебско-оршанской наступательной операции советских войск (июнь 1944 года) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 12—17.

²⁰ Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 522.

²¹ Интернет-ресурс: <https://Lexikon der Wehrmacht - II. Flakkorps>.

²² Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 529.

²³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. С. 528.

²⁴ Например, по воспоминаниям Г. Бидермана, в его пехотный батальон в августе прибыли 80 человек из люфтваффе. См.: Бидерман Г. В смертельном бою: воспомина-

ния командира противотанкового расчёта. М.: Центрполиграф, 2005. С. 268.

²⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 778.

²⁶ Пример из воспоминаний Г. Бидермана: на его участок фронта полицейский полк был выдвинут уже 28 июня. Пример относится к участку ГА «Север», затронутому операцией. См.: Бидерман Г. Указ. соч. С. 240.

²⁷ Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 203.

²⁸ Белорусская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83.

²⁹ Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. С. 129.

³⁰ Там же. С. 202.

³¹ Karl-Heinz Frieser. Op. cit. P. 591.

³² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 710.

³³ Литвиненко В.В. Цена войны: людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече, 2016. С. 139.

³⁴ Glantz David M., House Jonathan. When titans clashed: how the Red Army stopped Hitler. Lawrence: University Press of Kansas, 1955. 414 p.

³⁵ Белобородов А.П. Всегда в бою. М.: Экономика, 1984. С. 261.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Operation_Bagratiion.

³⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 442.

⁴⁰ Типпельскирх К. Указ. соч. С. 603.

⁴¹ Белорусская операция в цифрах. С. 83.

⁴² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 792.

⁴³ Как выразился участник сражения с немецкой стороны, «немецкая пропагандистская машина... старалась убедить население, что этот позорный разгром на самом деле есть даже своего рода победа». См.: Бидерман Г. Указ. соч. С. 265.

⁴⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2015. С. 384.

⁴⁵ Великая Отечественная война, 1941—1945: военно-исторические очерки в 4 кн. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1998. С. 76.

⁴⁶ Баландин К.И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков // Вестник Белорусского национального технического университета. 2009. № 4. С. 5—7.

⁴⁷ Изендеева О.Н. Стратегия и тактика операции «Багратион» // Вторая мировая война в лицах и документах: проблемы развития права и государства: материалы II межвузовской студенческой научной конференции. М., 2022. С. 98—103.

⁴⁸ Буряк Ю.Ю., Арзамасцев Д.А. Операция «Багратион» // Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: подвиг народа: сборник материалов межвузовского «круглого стола». Белгород, 2022. С. 12—15.

⁴⁹ Иринархов Р.С. Триумф операции «Багратион»: главный Сталинский удар. М.: Яуза; Эксмо, 2014. 445 с.

⁵⁰ Исаев А.В. Операция «Багратион»: взлом «белорусского балкона». М.: РВИО; Яуза, 2019. 444 с.

⁵¹ Литвиненко В.В. Операция «Багратион»: людские потери Красной армии и вермахта. Мифы и реальность // Военная мысль. 2019. № 5. С. 131—143.

⁵² Он же. Цена войны: людские потери на советско-германском фронте. С. 96.

⁵³ Там же. С. 104.

Ya.Yu. Kindinov

«NUMEROUS COMBINED GROUPS... DISAPPEARED DEFEATED AND CAPTURED»

On the problem of calculating the enemy's forces and losses in the operation Bagration 1944

Information about author. Yaroslav Kidinov — independent researcher (Moscow. E-mail: jaroslaw-2@yandex.ru).

Summary. Operation Bagration was the biggest loss suffered by the Nazi army. However, German historiography claims that the German troops inflicted twice as many casualties on the victorious Soviet side. This article demonstrates that this claim results from manipulative tactics aimed at downplaying the German forces and their losses. For instance, K.-H. Frieser only takes into account the 486,000 soldiers of the German army who participated in the battle. It is concluded that the present circumstances require Russian and Belarusian historiography to accurately ascertain the extent of German casualties in Operation Bagration. To start addressing this issue, it is crucial to establish the total number of German soldiers involved in the operation. The article's computations indicate that up to 2 million individuals participated in the battle on the German side.

Keywords: Great Patriotic War; Operation Bagration; military-historical statistics; Wehrmacht; Army Group Center; losses; falsification.

«К ПОВЫШЕНИЮ ЧИНОМ АТТЕСТОВАЛСЯ ДОСТОЙНЫМ»

Полковник Е.И. Траскин —
квартирмейстер Свиты Его Императорского Величества

Сведения об авторе. Назарян Елена Анатольевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: sarlen@list.ru).

Аннотация. Статья посвящена яркой, но до сих пор малоизвестной деятельности русского офицера Е.И. Траскина с момента окончания им 1-го кадетского корпуса до выхода в отставку. Согласно архивным сведениям Егор Иванович обладал немалыми организаторскими и инженерными талантами, слыл не только образцовым подчинённым, но и отличным картографом-рекогносцировщиком. Особое внимание уделяется службе Е.И. Траскина в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Анализируются занятия, навыки и умения офицеров-квартирмейстеров, в том числе разведывательная деятельность дивизионных квартирмейстеров. В статье показано, как знания и опыт офицера квартирмейстерской части помогли Е.И. Траскину стать командиром Украинского уланского полка и отличиться в ходе Польской кампании 1831 года.

Ключевые слова: Е.И. Траскин; квартирмейстерская служба; Отечественная война 1812 года; Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг.; Польская кампания 1831 г.; Украинский уланский полк.

Обращаясь к истории квартирмейстерской службы во время Отечественной войны 1812 года, мы встречаемся со многими яркими личностями. Среди них есть крупные военачальники, известные учёные, путешественники. Но есть и малоизвестные персонажи, которые честно несли службу и само-

отверженно сражались за Отечество. Через судьбу этих людей также прошла славная эпоха 1812 года, позволившая раскрыться их лучшим качествам и сделать успешную военную карьеру. Одним из таких скромных и добросовестных офицеров был Егор Иванович Траскин.

Егор Траскин родился в 1787 году¹ в семье майора Ивана Фёдоровича Траскина, проживавшего в Хорольском уезде Малороссийской (с 1802 г. Полтавской) губернии. Помимо Егора в семье было ещё три сына — Семён, Алексей, Яков и дочь Мария. В 1808 году Егор Траскин окончил 1-й кадетский корпус, получил звание подпоручика и был направлен в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части². Владел немецким и французским языками, знал «часть математических наук», артиллерию и фортификацию. С декабря 1808 по ноябрь 1809 года находился в командировке

в Финляндии для инструментальной съёмки Аландских островов³. В апреле 1810 года согласно послужному списку «был направлен для исправления подробной карты России»⁴. Скорее всего, речь идёт об уточнении Генеральной карты Российской империи. Эта работа проводилась в 1810—1811 гг.⁵ и была очень важна для подготовки офицеров квартирмейстерской части, т.к. позволяла квартирмейстерам в полевых условиях знакомиться с будущим театром военных действий.

В начале 1812 года Траскин находился в 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.П. Коновницына под Вильно⁶.

В тот период служба дивизионных квартирмейстеров регламентировалась «Руководством в отправлении службы чиновникам дивизионного генерал-штаба». Согласно этому документу квартирмейстеру вменялось в обязанность вести «секретный журнал, содержащий в себе: 1) донесения шпионов и наставления, им даваемые; 2) сведения, получаемые от жителей тех мест, где войска находятся или проходят»⁷, т.е. фактически офицеры квартирмейстерской части занимались разведывательной деятельностью. Егор Траскин в этом преуспел. Он хорошо ориентировался в обстановке и имел ценных аген-

тов среди местных дворян. В Российском государственном военно-историческом архиве сохранились четыре письма, адресованные Траскину помещиком Петром Радзевским⁸. В своих «донесениях», датированных маем и июнем 1812 года, Радзевский писал о военных приготовлениях Франции и концентрации войск наполеоновской армии у западных границ России: «К сведению вашему сообщаю. Первое. Маршал Ней в 40 тысяч французов и 15 тысяч кавалерии баварской расположил в окрестностях Прейшиш-Эйлау от Кенигсберга за две мили — корпус сей есть авангард нам. Второе. Маршалы Сульт, Удино и Макдональд в 70 тысяч французов расположены в окрестностях Данцига, к стороне Берлина и в Шведской Померании. Третье. Маршал Дауст (Л.Н. Даву. — Прим. авт.)⁹ в 50 тысяч французов и 80 тысяч поляков и прочих со-

единенных войск расположен в окрестностях Торуня над Вислою... В Пруссии по сей цепи ежедневно пробегают военные курьеры от Дауста к маршалу Нею и пакеты возятся посредством расставленной военной почты»¹⁰.

Корреспондент Траскина в письмах также сообщал о размещении французских войск в приграничных селениях герцогства Варшавского: «От него [Даву] откомандировано временно 7 тысяч польских войск, кои расположены в Лоше(?) и цепь содержат до поветового города Сейны, от Немана за 6 миль отстоящего, и в Сейнах находится 200 человек 6-го уланского полка, где и штаб-квартира назначена. А от Сейны цепь примыкает к таковой же из войск маршала Нея»¹¹. Радзевский привёл сведения и о количестве войск Рейнского союза: «Иеронимус Король Вестфальский¹² находится в

Варшаве, начальствует соединенными войсками. Войск сих считают вообще: вестфальских — 15, саксонских — 25, баварских — 40, вюртембергских — 25, прусских — 25 тысяч; но они разбиты между всех трех армий. В местечко Серей назначено на квартиры два полка прусских гусар. Над всеми прусскими войсками командует прусский генерал Гриве»¹³.

Помимо прочего информатор приводил слухи о шпионах в русской армии: «Якобы недавно возвратился в Россию шпион, полковник Шеер некоторого польского полка по прозванию Шембек, который был в Вильне и Шавле и доставил по возвращении подробную ведомость о наших войсках: сколько, где, какие, какая артиллерия, какого калибра. Кто командует от шефа до главнокомандующего; из сей ведомости полагают не больше у нас войска как 260 тысяч всего»¹⁴. Кроме того, в

План (кроки) позиции при селе Бородине близ города Можайска (25 августа 1812 г.)

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3797. Ч. 1. Л. 1.

письмах содержались сведения о заготовке продовольствия для французской армии, перемещении польских войск в Пруссию в корпус маршала Нея, возможной переправе французской армии через р. Неман на русскую территорию в конце июня и др.¹⁵ Информация, сообщённая П. Радзевским, была достаточно ценной и во многом достоверной. На активного и грамотного офицера обратили внимание, и вскоре Траскин был направлен в Главную квартиру под начало генерал-квартирмейстера полковника К.Ф. Толя.

Таким образом, в процессе изучения жизни и деятельности Егора Траскина выяснилось, что помимо вождения войск по дорогам, расквартирования, выбора места позиций и других задач¹⁶ дивизионный квартирмейстер выполнял ещё одну очень важную функцию — осуществлял сбор разведывательных сведений от агентов.

Во время Отечественной войны 1812 года подпоручик Траскин принял участие в сражениях под Смоленском 5 августа и у Валутиной горы 7 августа. Накануне Бородинского сражения он принимал участие в выборе позиции для русской армии. Обычно с этой целью отправляли вперёд группу офицеров-квартирмейстеров, приписанных к Главному штабу армии. Встретив удобное место для сражения, офицеры его осматривали, и один из квартирмейстеров оставался, чтобы сделать его глазомерную съёмку в нескольких частях; остальные продолжали движение для дальнейшего осмотра. Кроки¹⁷ всех осматривавшихся мест представлялись на предварительное утверждение генерал-квартирмейстеру или начальнику Главного штаба армии. Окончательное утверждение позиции зависело от главнокомандующего, который обычно сам выезжал для её осмотра¹⁸.

Выбор позиции под Бородино был сделан подполковником П.И. Нейдгардтом и полковником К.Ф. Толем, утверждён генерал-квартирмейстером М.С. Вистицким и генералом от кавалерии Л.Л. Беннигсенем. Составить кроки было поручено Е.И. Траскину. На план были нанесены схемы оборонительных сооружений на Бородинском поле (Шевардинский редут, укрепления Курганной высоты, Семёновские (Багратионовы) флеши, Масловские укрепления (редуты и люнеты у дер. Маслово), определено положение сил русской армии на выбранных позициях. Правое крыло и центр русской позиции занимали войска 1-й Западной армии генерала от инфантерии М.Б. Баркляя де Толли, левое — 2-й Западной армии генерала от инфантерии П.И. Багратиона, 3-й пехотный корпус Н.А. Тучкова прикрывал дорогу на дер. Утица.

Вскоре после завершения Отечественной войны 1812 года это кроки было гравировано на меди составителем и издателем географических карт гравёром А.Д. Савинковым. Гравюра «План позиции при селе Бородине близ гор. Можайска, 1812 г. августа 25» была изготовлена в Военно-топографическом депо. Впоследствии этот сюжет гравировали и другие мастера, изображения позиции при Бородино неоднократно переиздавались.

Егор Траскин принимал непосредственное участие в Бородинском сражении, за что был награждён орденом Св. Анны 3-й степени. В списке офицеров Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, отличившихся в сражении 24 и 26 августа, указывалось: «...подпоручики: Озерский, Муравьев 1-й, Месинг, Траскин, Хомутов, находясь в сражении, были посланы в опасные места под не-

приятельскими выстрелами и проводили войска с расторопностью и неустрашимостью»¹⁹.

В ходе Тарутинского манёвра Е.И. Траскин вёл одну из колонн русских войск просёлочными дорогами: через деревни Тетеренки, Легоново, Мелихово. Переправившись через р. Нару, колонна продолжала свой марш через Маринки, с. Успенье, дер. Колодези до места расположения лагеря²⁰. За сражение при Тарутине Траскин был пожалован чином поручика²¹. Также он принимал участие в Малоярославецком сражении (12 октября); за отличие в бою под Красным (3 ноября) был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. В этом сражении Егор Траскин получил контузию картечью в левую ногу²².

В дальнейшем Егор Иванович участвовал в Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. За сражение при Лютцене пожалован чином штабс-капитана. Особо отличился при Бауцене и был награждён высшим военным орденом Пруссии «За заслуги» (Pour le Mérite). Принял участие в Дрезденском сражении; за отвагу, проявленную в Битве народов под Лейпцигом, произведён в капитаны. В 1814 году во Франции принял участие в сражениях при Бриенне и Арси-Сюр-Обе. За взятие Парижа представлен к ордену Св. Анны 2-й степени и переведён в Гвардейский генеральный штаб²³.

Однако в тот же год Траскин получил назначение в Серпуховской уланский полк с повышением в два чина. Можем только предположить, что служба в столице требовала слишком больших расходов, которые были непосильными для небогатого и незнатного офицера. Из послужного списка нам известно, что ни крестьян, ни помещья Траскин не имел²⁴. Жил исключительно на офицерское жалованье. Документы канцелярии

Его Императорского Величества свидетельствуют, что в 1816 году он даже обращался к императору за финансовой помощью: «...просит по бедному состоянию все милостивейшего денежного вспомоществования»²⁵. 2 июня 1818 года подполковник Траскин был назначен командиром Серпуховского уланского полка²⁶. Однако 1 января 1821 года Егор Иванович подал прошение об увольнении со службы «по домашним обстоятельствам». Скорее всего, это было связано с осложнениями после контузии.

И 28 февраля 1821 года он был уволен полковником «с мундиром»²⁷.

13 апреля 1823 года Траскин вновь был определён на службу — в Борисоглебский уланский полк²⁸ в звании подполковника. Обладая обширными специальными знаниями офицера-квартирмейстера, он выгодно отличался от других строевых офицеров. Траскин хорошо знал вопросы расквартирования, организации походного порядка, грамотно выстраивал маршруты и выбирал места для биву-

аков. Ведь бой скоротечен, а марши и манёвры составляют львиную долю службы офицеров и солдат, поэтому большую часть времени занимает пребывание в походных условиях. И уже в ноябре 1823 года Траскин был назначен командиром 1-го Украинского уланского полка (с 25 июня 1830 г. — Украинский уланский полк Литовской уланской дивизии). 21 февраля 1829 года он был вновь произведён в полковники²⁹.

Наиболее ярко талант Траскина как полкового команди-

ДЕЙСТВИЯ УКРАИНСКОГО УЛАНСКОГО ПОЛКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛКОВНИКА Е. И. ТРАСКИНА В ХОДЕ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1831 Г.

Действия Украинского уланского полка под командованием полковника Е.И. Траскина в ходе Польской кампании 1831 года

Карта составлена научными сотрудниками НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ А.Е. Барановым и А.В. Павловским

ра раскрылся в ходе подавления польского мятежа 1830—1831 гг. В конце 1830 года Литовская уланская дивизия сосредоточилась в районе Слоним — Несвиж — Слуцк и была направлена в состав действующей армии генерал-фельдмаршала И.И. Дибича.

27 января 1831 года дивизия вступила на территорию Царства Польского при м. Цехановец. И уже 1 февраля Украинский уланский полк вёл сражение с польскими мятежниками на р. Ливеце близ г. Венгрова, затем произошли боестолкновения у Калушина, Минска (ныне г. Миньск-Мазовецки). 13 февраля полк отличился в сражении при Грохове против польских войск генерал-лейтенанта Ю. Хлопицкого. За мужество на Гроховских полях Е.И. Траскин был награждён орденом Владимира 3-й степени. С 24 февраля по 9 марта Украинский уланский полк действовал в составе отдельного корпуса под командованием генерала от инфантерии К.Ф. Толя. Передислоцировавшись в район р. Вепрж, полк начал преследование кавалерийского корпуса бригадного генерала Ю. Дверницкого. Успешно оттеснив поляков через г. Пяски в крепость Замостье (Замосц), полковник Траскин блокировал их там. Затем полк перебросили под м. Латовичи, где 24 марта произошёл бой с польскими мятежниками. По распоряжению начальника Главного штаба действующей армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя с 31 марта по 8 апреля Е.И. Траскин возглавлял сводный отряд, состоявший из Украинского уланского полка, Новоингерманландского пехотного полка с 4 орудиями и сотни атаманских казаков. Этот отряд успешно преследовал разрозненные группы мятежников в районе Седлец — Куфлев — Минск.

В апреле—мае 1831 года Украинский уланский полк

находился в составе сводного русского отряда под командованием генерал-фельдмаршала И.И. Дибича. Причём в этот раз полковнику Траскину было поручено командовать особым летучим отрядом, сформированным из Украинского уланского и 2-го Черноморского казачьего полков. Отряд действовал на правом фланге главных сил армии. Совершив фланговый манёвр (Седлец — Соколов — Грано — Цехановец — Высокомазовецк), он вышел к Остроленке и принял участие в кровопролитном сражении. В результате поляки были отброшены к Варшаве, понеся значительные потери.

В июне Украинский уланский полк двигался в авангарде главных сил русской армии от Пултуска через Полоцк на Нижнюю Вислу. Переправившись на левый берег реки, полк Е.И. Траскина занял Лович, причём неприятель покинул город без единого выстрела и так поспешно, что из трёх мостов успел разрушить лишь один. Затем произошёл ряд боестолкновений с поляками между городами Неборов и Болимов. Полк храбро сражался 5 августа 1831 года в бою у с. Бронише, что в окрестностях Варшавы, когда весь польский отряд полковника Галлоа³⁰ был разбит, а оставшиеся в живых взяты в плен. 25 августа Украинский уланский полк участвовал в штурме редута Воля и взятии Варшавы³¹, затем преследовал польскую артиллерию и блокировал её в крепости Модлин. На завершающем этапе Польской кампании полк Е.И. Траскина в авангарде русской армии преследовал остатки польских войск до границы Пруссии.

8 октября 1831 года Егор Иванович Траскин за мужество, проявленное во время усмирения мятежа в Польше, был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени № 4546³², а

Украинскому уланскому полку 6 декабря 1831 года были пожалованы знаки «За отличие» на шапки. В 1832 году полк вернулся в Россию, прибыв на место дислокации в п. Новоукраинка Бобринского уезда Херсонской губернии.

Скупые сведения о деловых качествах и прочих достоинствах Е.И. Траскина как офицера содержатся в формулярном списке: «К повышению чином аттестовался достойным; слабым в отправлении обязанностей службы не замечен; беспорядков между подчиненными не допускает»³³.

В тот же год Траскин подал прошение об увольнении со службы в связи с расстроеным здоровьем. Врачи обследовали его и вынесли неутешительный вердикт: «Во время сражения при г. Красном получил контузию картечью в левую ногу с внутренней стороны ниже колена. После коей остался костяной продолговатый нарост на середине большой берцовой кости, в котором и во всей контуженной ноге чувствуется ноющая боль, ожесточающаяся при сырой и холодной погоде. Сверх того... страдает особенно жестокою болью в голове и пояснице... как значится в свидетельстве № 615, выданном ему 10 октября 1832 г. за подписью батальонного лекаря 36-го Егерского полка Затворницкого, старшего полкового лекаря Украинского уланского полка штаб-лекаря Сидорацкого и дивизионного доктора 2-й Уланской дивизии Беляева»³⁴.

10 марта 1833 года Траскин был освобождён от должности командира полка и «назначен состоять по кавалерии»³⁵, а 9 декабря 1833 года отправлен в отставку с полным пенсионным жалованьем. Других доходов, кроме жалованья, которое составляло 1440 рублей в год, у него не было. В свои 45 лет Траскин так и не обзавёлся се-

мьей, тяжело болел, проживая в г. Елисаветграде Херсонской губернии³⁶.

В настоящее время г. Елисаветград (в советское время — Зиновьевск, Кирово, Кировоград, переименованный Украиной в Кропивницкий) находится на территории Украины. Так что сейчас получить сведения о дальнейшей судьбе отставного

полковника Русской Императорской армии Е.И. Траскина не представляется возможным.

Егор Иванович прошёл трудный путь от подпоручика до полковника, командира полка. Он честно служил, положив на алтарь Отечества не только свои обширные умения офицера-квартирмейстера и здоровье, но и не случившее-

ся семейное счастье. А кроки Бородинского поля для предстоявшего сражения намного пережило своего автора и до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей Отечественной войны 1812 года продуманностью, чётким пониманием стоявших перед русскими войсками задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 13 об.

² Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части — вспомогательный орган военного управления, занимавшийся боевым обеспечением русской армии (составление карт, планов, схем, рекогносцировки, расквартирование войск, выбор позиции, составление маршрутов движения войск и пр.).

³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 76/355. Д. 458. Св. 386. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 14.

⁵ Бродский Г.Е. Дороги Отечественной войны в пределах Московской губернии. М., 2013. 255 с.

⁶ В кампании 1812 г. 3-я пехотная дивизия действовала в составе 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Начальник дивизии с 24 апреля 1809 г. — генерал-лейтенант П.П. Ковновницын, с 31 августа 1812 г. — И.Л. Шаховской.

⁷ Руководство в отправлении службы чиновникам дивизионного генерал-штаба. СПб., 1811. С. 15.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3513. Л. 183—184, 199—200, 291—292; Д. 3507. Л. 173 об.—174.

⁹ Речь идёт о маршале Франции Л.Н. Даву, герцоге Ауэрштадском, князе Экмюльском. В 1812 г. командо-

вал 1-м армейским корпусом Великой армии.

¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3513. Л. 183.

¹¹ Там же.

¹² Речь идёт о Жероме Бонапарте, короле Вестфалии, младшем брате Наполеона I.

¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3513. Л. 183 об.

¹⁴ Там же. Л. 184.

¹⁵ Там же. Л. 185, 199, 199 об., 291—292 об.

¹⁶ Более подробно о функциях офицеров квартирмейстерской части см.: Назарян Е.А. «Под сильным огнем расставляли войска в самых выгоднейших местах...». Квартирмейстерская служба в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 58—65.

¹⁷ Кроки (франц.) — набросок, чертёж участка местности, отображающий её важнейшие элементы, выполненный приёмами глазомерной съёмки с нанесением основных ориентиров.

¹⁸ Липранди И.П. Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам», соч. г.-м. Богдановича. М., 1869. С. 7, 8.

¹⁹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 339.

²⁰ Кутузов М.И. Сборник документов в 5 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 331.

²¹ РГВИА Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 14.

²² Там же. Ф. 395. Оп. 76/355. Д. 458. Св. 386. Л. 2 об.

²³ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 13 об.

²⁴ Там же. Ф. 395. Оп. 76/355. Св. 386. Д. 458. Л. 4.

²⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 151. Д. 346. Л. 1.

²⁶ Высочайшие приказы [о чинах военных] генварской [сентябрьской] трети 1818 года. СПб., 1819. С. 93.

²⁷ Высочайшие приказы [о чинах военных] генварской [сентябрьской] трети 1821 года. СПб., 1821. С. 122.

²⁸ Высочайшие приказы [о чинах военных] генварской [сентябрьской] трети 1823 года. СПб., 1824. С. 283.

²⁹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. Д. 1227. Л. 2 об.

³⁰ Видимо, речь идёт о французском подполковнике Огюсте Ле Галуа.

³¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. Д. 1227. Л. 3, 3 об.

³² В память Столетнего юбилея Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769—1869). СПб., 1869. С. 120.

³³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. Д. 1227. Л. 4 об.

³⁴ Там же. Л. 6.

³⁵ Там же. Оп. 21. Св. 416. Д. 864. Л. 1—2.

³⁶ Там же. Оп. 22. Д. 1227. Л. 4 об.

Ye.A. Nazaryan

«FOR PROMOTION TO THE RANK CERTIFIED WORTHY»

Colonel Ye.I. Traskin, quartermaster of His Imperial Majesty's Suite

Information about author. Yelena Nazaryan — senior researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow. E-mail: sarlen@list.ru).

Summary. The article focuses on the bright yet relatively unknown career of Russian officer Ye.I. Traskin, spanning from his graduation from the 1st Cadet Corps to his retirement. Archives reveal that Yegor I. Traskin possessed impressive organizational and engineering capabilities, excelling not only as a model subordinate but also as a skilled cartographer and reconnaissance officer. Particular attention is given to Ye.I. Traskin's service as a quartermaster in His Imperial Majesty's Suite during the Patriotic War of 1812 and the overseas campaigns of the Russian army in 1813—1814. The article examines the roles, competencies, and proficiencies of quartermaster officers, encompassing the survey duties of division quartermasters. It illustrates how the expertise and background of a quartermaster officer assisted Ye. I. Traskin in rising to the command of the Ukrainian lancers and distinguishing himself during the Polish campaign of 1831.

Keywords: Ye.I. Traskin; quartermaster service; Patriotic War of 1812; foreign campaigns of the Russian army in 1813—1814; Polish campaign of 1831; Ukrainian lancer regiment.

В.И. Исаев,
С.Г. Бальчугов,
А.М. Марков

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

Сведения об авторах. Исаев Виктор Иванович — заведующий сектором истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Новосибирск. E-mail: zvvevngsud@mail.ru);

Бальчугов Сергей Георгиевич — заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Новосибирского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации имени генерала армии И.К. Яковлева, кандидат педагогических наук (г. Новосибирск. E-mail: vpok00@ngs.ru);

Марков Артур Михайлович — начальник адъюнктуры факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург. E-mail: atarkov1984@mail.ru).

Аннотация. В статье с позиций историко-правового и сравнительно-правового исследования рецензируются три тома монографии «Военное право». Авторами впервые осуществлена обоснованная периодизация генезиса военного права за длительный исторический период его существования. Рецензирование монографии осуществлено на основании и с помощью диалектического подхода, а также методов аналогии, обобщения, анализа, конкретизации и формально-юридического исследования. Монография «Военное право» занимает важное место в структуре научных основ обеспечения военной безопасности, поскольку в ней представлены обстоятельные результаты авторского анализа военного права как науки и военного законодательства, обеспечивающих нормативное регулирование деятельности военной системы государства. Исследование полное, всесторонне обоснованное с методологической, теоретической, общеправовой и военной точек зрения, имеющее важную прикладную функцию.

Ключевые слова: военное право; правовое положение; правовые основы; предмет правового регулирования; научные основы деятельности; исторический опыт; административное право; военное положение; оборона.

В последнее время внимание учёных и практиков всё больше привлекают военно-правовые проблемы. Это становится объективным следствием потребности государства и общества в своевременном и адекватном правовом регулировании отношений,

связанных с военной деятельностью, ведением войны, правовым обеспечением сил и средств обороны и безопасности, всестороннем социальном и материальном обеспечении лиц, исполняющих воинскую обязанность и проходящих военную службу.

Важную роль в становлении правовых основ военной деятельности государства играет исторический опыт в регулировании подобного рода отношений, учёт которого, с одной стороны, позволяет использовать лучшее (знания, традиции, образцы), что аккумулировано в отечественной историко-правовой традиции. С другой стороны, учёт исторического опыта позволяет избежать необязательных ошибок и досадных просчётов, которые ранее допускались предшественниками в этой области социальной практики.

Поскольку научные исследования — это важный этап обобщения исторического опыта и выдвижения прорывных теоретических идей в области правового регулирования конкретных правоотношений, в военном праве знаковым событием является появление монографии «Военное право» под общей редакцией Александра Николаевича Савенкова и Александра Васильевича Кудашкина в трёх томах.

В настоящей работе рецензируются три тома монографии «Военное право»: том I «История и теория военного права» (2021 г.)¹,

том II «Современное состояние военного права (институты военного права)» (2021 г.)², том III «Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований» (2022 г.)³.

Следует отдельно остановиться на историческом базисе работы и полученных на основе его применения историко-правовых результатах.

Одна из основных тем монографии — историко-правовой анализ возникновения и развития военного права. Интерес представляет авторский подход

к периодизации исторического генезиса военного права. За основу деления на хронологические периоды были взяты важнейшие исторические вехи становления российской государственности, связанные с реализацией основных функций государства как наиболее общих и важнейших направлений его деятельности по осуществлению коренных стратегических задач и целей, стоящих перед ним в определённые исторические периоды.

Авторы выделили основные этапы (периоды) зарождения и развития военного права: допетровский период (X в. — 1700 г.); петровский период (1700—1725 гг.); послепетровский период (1725—1812 гг.); военное право в XIX — начале XX в. (1812—1917 гг.); советский период (1917—1991 гг.); постсоветский (современный) период (1992 г. — по настоящее время). Именно коренные изменения российского законодательства и стали отправными пунктами данной периодизации. Каждому периоду посвящена соответствующая глава первого тома. Важно, что каждый период глубоко проанализирован не только с исторической точки зрения развития армии и военного искусства, но и с позиции развития права в государстве

как социально ценностного феномена в целом и развития военного права в частности. Авторы довольно полно провели научные изыскания и насытили главы, посвящённые периодам, соответствующими историческими фактами и правовыми нормами тех лет.

Особый интерес представляют советский и постсоветский периоды отечественной истории, которые были ознаменованы активным развитием как теории военного права, так и практики его реализации применительно к кардинально изменившимся политическим условиям в нашей стране. Горячие научные дискуссии советских военных учёных заложили прочный фундамент для развития теории и практики военного права в современный период. Именно на основе проведённых военно-научных исследований этих периодов разработаны учебные курсы (образовательные программы) по военно-правовым дисциплинам.

Задача по конструированию новой отрасли права нереализуема без исследования исторических условий, в которых создаются отрасли права и соответствующие дисциплины. Не случайно военно-правовые вопросы получали и получают развитие именно в годы, когда

перед нашей страной встают вопросы физического выживания, защиты национального суверенитета и независимости.

Мы согласны с авторами в том, что исторический опыт нашей страны убедительно показывает: попытки проводить ту или иную политику без правового обеспечения, как правило, терпят провал из-за недостатка нормативно-правовой базы, скрепляющей правовой воли, выраженной в юридических нормах. В то же время военная политика может быть эффективной лишь в том случае, если она опирается на твёрдую, легитимную, авторитетную власть — как на уровне в целом государства, так и на уровне его военной организации. Военная власть, военная политика и военное право всегда шли рядом, поддерживая друг друга в достижении общих целей и тесно взаимодействуя между собой.

Авторы монографии не ограничились исследованием генезиса военного права в России. В первом томе представлены основные вехи развития военного законодательства в крупнейших развитых западных странах (Великобритании, США, Германии и Франции), что позволяет провести сравнительный анализ становления военного

Обложки монографии

права в историческом экскурсе и представить направления его дальнейшего развития.

Авторы подготовили полноценное, логично структурированное научное исследование, которое при соблюдении соответствующего регламента может стать основой для создания комплекса учебников по военнопровым дисциплинам, которых так не хватает педагогам и курсантам военных образовательных организаций высшего образования, реализующим образовательные программы по подготовке кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка. Рассматривая блоки историко-правовых и теоретико-правовых дисциплин, данная монография может выступить в качестве основной и дополнительной учебной литературы по таким дисциплинам, как «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран», «Теория государства и права», «Основы теории национальной безопасности», «Международное право» и др.

Изучение материалов монографии позволит:

— сформировать у будущих офицеров необходимые универсальные, общепрофессиональные, профессиональные компетенции;

— углубить знания об объекте военного права, его месте в системе юридических наук, об основных институтах, категориях и источниках военного права;

— проследить основные закономерности возникновения и развития военного права, сущности военной организации государства, её функции и механизмы, сущность военного права, его социальное назначение, принципы и функции, признаки, структуру, виды и классификацию правовых норм, в том числе актов военного управления, юридическую природу фак-

тов, событий и обстоятельств военных правоотношений;

— сформировать умения и навыки анализа, толкования и правильного применения правовых норм, принятия решений и совершения юридических действий в точном соответствии с законом, оперирования юридическими понятиями, категориями и терминологией.

Монография также будет полезна исследователям как единый комплекс, в котором отражены периоды становления военного права, а также предложены перспективные направления его развития и дальнейших научных исследований.

Монография написана хорошим, понятным языком с соблюдением научного стиля изложения, в логичной и удобной для читателя компоновке научного материала. Исторические и юридические факты и нормы подтверждаются соответствующими ссылками на научные и достоверные информационные источники.

Следует заметить, что, отмечая заслуги авторского коллектива в области концептуального обобщения исторических и правовых аспектов социального бытия военного права, необходимо отдельно остановиться на том, чего авторскому коллективу достичь не удалось или удалось лишь отчасти.

Собственно, исторический подход и принцип историзма в монографии применены для анализа не всех правовых явлений, входящих в ядро военного права. С одной стороны, монография существенным образом выиграла бы, если бы возникновение и социальная трансляция правовых явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности с общественно-историческими событиями рассматривались авторами в монографии повсеместно. Данный тезис следует пояснить более подробно. Так, генезис военного права и его раз-

личных отраслей в трёхтомнике часто рассматривается слишком фрагментарно, при прочтении не всегда создаётся цельная историческая картина возникновения, становления, действия и отмирания военно-правовых норм в их социально-политической, экономической, идеологической и ценностно-смысловой обусловленности. При обосновании сущности и содержания подотраслей и институтов военного права их историческая обусловленность рассмотрена, мягко говоря, не всегда убедительно.

При представлении сущности и структуры институтов военного права зарубежных государств (США, Германии, Великобритании, Франции), а также иллюстрации развития военного права зарубежных государств (США, Германии, Великобритании, Франции, Китая) авторы во многом пренебрежительно отнеслись к рассмотрению зарождения и становления военного права в этих странах. В основном фиксируются лишь историко-конституционные аспекты в отрыве от реальной социальной ситуации на различных исторических этапах бытия общества и государства. Познание исторических закономерностей перехода развития военного права от одного этапа к другому позволило бы более полно осветить военнопровые нормы не только как юридическое, но и как социально-политическое и психологическое явление.

Авторский подход к методологическому обоснованию построения содержательной информации в разных томах монографии весьма плюрален. Это можно записать как в плюс, так и в минус издания. Связано это, скорее всего, с тем, что авторский коллектив многочислен и разносторонен и каждый автор обладает своим индивидуальным исследовательским опытом. Однако применение широкого

набора исследовательских практик приводит к тому, что логическая связь и переходы между ними местами теряются, что отражается на общем восприятии информации, концептуализированной в монографии.

С другой стороны, отмеченные критические замечания — это путь в будущее, поскольку их фиксация открывает перспективы для проведения дальнейших историко-правовых и системно-содержательных исследований военно-правовой тематики.

Современная история человечества причудлива до метаморфоз и развивается сложными глобализационными, эволюционными и социально-трансформационными маршрутами. Сегодня военные и правовые исследования ориентированы на разработку и внедрение новых, высоких и роботизированных технологий, беспилотных и высокоавтоматизированных

средств военной деятельности; задействование потенциала частных военных компаний; перенос военного противоборства в киберпространство и космос; обеспечение выполнения норм международного права и ответственности за его нарушения; взаимодействие и сотрудничество с дружественными государствами и др.

Усилия учёных и практиков ориентированы на фиксацию этих социальных трансформаций и законодательное регулирование складывающихся общественных тенденций. Военное право выступает как исторически сложившаяся отрасль права, уходящая своими корнями глубоко в отечественную и мировую историю. При этом военное право — это активно развивающаяся отрасль современной юриспруденции, которая позволяет формировать правовые ответы на вызовы и

угрозы нашему государству и обществу.

Трёхтомник монографии может быть использован при организации учебного процесса в военных образовательных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации и иных федеральных органах исполнительной власти и организациях, где законом предусмотрена военная служба, при проведении занятий по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» и в деятельности военно-научных обществ курсантов, а также может и должен стать настольной книгой для офицеров юридических служб органов военного управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 560 с.

² Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.

³ Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.

V.I. Isayev, S.G. Bal'chugov, A.M. Markov

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF MILITARY LAW

Information about authors. Viktor Isayev — head of the sector of the history of socio-economic development at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist), Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation (city of Novosibirsk. E-mail: zuvevngsud@mail.ru);

Sergey Bal'chugov — deputy head of the department of theory and history of state and law at the Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov Named after Army General I.K. Yakovlev Troops of the National Guard of the Russian Federation, Cand. Sc. (Educ.) (city of Novosibirsk. E-mail: vnok00@ngs.ru);

Artur Markov — head of the higher military course (higher qualification training and additional professional education) at the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Educ.) (St. Petersburg. E-mail: amarkov1984@mail.ru).

Summary. The article reviews three volumes of the monograph «Military Law» from the point of view of historical-legal and comparative-legal research. The authors have for the first time carried out a well-founded periodization of the genesis of military law for a long historical period of its existence. The monograph is examined on the basis and with the help of a dialectical approach, as well as the methods of analogy, generalization, analysis, concretization and formal-legal research. The monograph «Military Law» holds a significant position in the scientific foundation for ensuring military security. It provides a detailed analysis of military law as a science and military legislation, which regulates the norms for the state's military system. The study is comprehensive, substantiated from methodological, theoretical, general legal, and military viewpoints, and has vital practical applications.

Keywords: military law; legal provision; legal basis; subject of legal regulation; scientific basis of activity; historical experience; administrative law; martial law; defense.

МАРТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 марта — Международный день гражданской обороны.

4 марта 1349 года, 675 лет назад, Новгородское ополчение штурмом взяло крепость Орехов (Орешек), разгромив шведский гарнизон из 800 человек (крепость была заложена русскими в 1323 г. и затем потеряна). Пленные шведы были отправлены в Москву, а захваченным у них серебром новгородцы украсили церковь Бориса и Глеба.

4 марта 1959 года, 65 лет назад, была принята на вооружение первая баллистическая ракета ОКБ М.К. Янгеля — Р-12 (8К63). В процессе испытаний проведено 25 пусков.

10 марта 1699 года, 325 лет назад, Петром I учреждён орден Св. апостола Андрея Первозванного, первый в России орден. Им награждались те, кто «счастливым начальствуя над армией, храбростью своей нискали себе славу». Первым кавалером ордена стал знаменитый боярин Фёдор Головин, генерал-адмирал и фельдмаршал. Окончательный статут ордена был закреплён Уставом Павла I от 16 апреля 1797 года.

17 марта 1909 года, 115 лет назад, родился В.П. Бармин, академик АН СССР (1966), Герой Социалистического Труда (1956), лауреат Ленинской и трёх Государственных премий, генеральный конструктор КБ общего машиностроения (пусковые установки и стартовые ракетные комплексы). Умер 17 июля 1993 года.

19 марта — День моряка-подводника.

22 марта 1734 года, 290 лет назад, родился Н.В. Репнин, дипломат, полководец, генерал-фельдмаршал (1796), кавалер орденов Св. Георгия 1-й и 2-й ст., Андрея Первозванного. Участник Семилетней войны и Русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. Сыграл важную роль при выработке условий Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года и Ясского мирного договора 1791 года. Умер 24 мая 1801 года.

23 марта 1919 года, 105 лет назад, родился А.И. Грибков, генерал армии (1976). В Красной армии с 1938 года. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В годы Великой Отечественной войны был представителем Генерального штаба при штабах действующей армии. С ноября 1960 года на различных должностях в Генеральном штабе ВС СССР. В 1965—1968 гг. командовал армией. В 1973—1976 гг. — командующий войсками Ленинградского военного округа. В 1976—1988 гг. — начальник штаба Объеди-

нённых вооружённых сил государств — участников Варшавского договора. Умер 12 февраля 2008 года.

26 марта 1944 года, 80 лет назад, в Николаевском порту высажен с рыбацких лодок десант морских пехотинцев (55 человек) 384-го отдельного батальона с 12 армейскими сапёрами под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского. Отряд добровольцев вёл местный рыбак А.Н. Андреев. В порту десантники захватили несколько строений, прилегающих к элеватору, и заняли круговую оборону. Днём моряки отразили 18 атак противника. Горстка раненых во главе со старшиной 2-й статьи К.В. Бочковичем удерживала позиции до утра 28 марта, когда подошли части Красной армии, освободившие город. На счету десантников свыше 700 уничтоженных солдат и офицеров врага. Из 67 человек в живых остались 12. Все участники десанта удостоены звания Героя Советского Союза. Проводнику А.Н. Андрееву это звание было присвоено в 1965 году.

29 марта 1899 года, 125 лет назад, родился Л.П. Берия, советский государственный и партийный деятель, 1-й заместитель председателя Совета министров СССР, генеральный комиссар государственной безопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), лишённый этих званий в 1953 году. Курировал ПВО, РЭБ и ряд важнейших отраслей военной промышленности, в том числе все разработки, касавшиеся создания атомного оружия и ракетной техники. С 20 августа 1945 года руководил реализацией атомной программы СССР. 26 июня 1953

года Л.П. Берия был арестован по обвинению в измене Родине. Расстрелян 23 декабря 1953 года.

29 марта — День специалиста юридической службы.

30 марта 1869 года, 155 лет назад, родился В.Ф. Новицкий, генерал-лейтенант, русский и советский военный историк. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Главнокомандующий Северным фронтом (1917). В Гражданскую войну — военный руководитель Высшей военной инспекции РККА. Умер 15 января 1929 года.

30 марта 1894 года, 130 лет назад, родился С.В. Ильюшин, выдающийся советский авиаконструктор. Трёхжды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974), семикратный лауреат Сталинской премии, генерал-полковник-инженер (1957), академик АН СССР (1968). Разработчик легендарного штурмовика Ил-2. Умер 9 февраля 1977 года.

С.В. Ильюшин

Публикация А.Л. Бочаровой

Сведения об авторе. БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)